СОДЕРЖАНИЕ

№ 12 (76) 2009

Проза

1. Елена Клещенко / ИОГАНН И ВАСИЛИСА 4
2. Джордж Локхард / СВИНЦОВЫЙ КОВЧЕГ 32
3. Марина Ясинская / СКАЗКА НА НОЧЬ 55
4. Юлия Черных / Я ТОКСИКОЛОГ 71
5. Антон Тудаков / ДРАКОНЫ НИКОГДА НЕ СПЯТ 86
6. Александр Григоров / ПЛОСКОСТОПИЕ 98
7. Дарья Булатникова / ДОМ НАД ТУМАНОМ 111
8. Майк Гелприн ДИКАРЬ 122
9. Андрей Гальперин / МУТНЫЕ ГЛАЗА СОВЕСТИ 132
10. Генри Лайон Олди / ОНА И ЕЕ МУЖЧИНЫ 140
11. Дарья Беломоина / ЦВЕТЫ ПОД ВОДОЙ 146
12. Юлия Ткачева / ТРИ СВАДЬБЫ 151
13. Андрей Новоселов / НЕЧИСЛЬ 155
14. Сергей Торенко / ЛОВЦЫ 158

Детская страничка

15. Мария Парфенова / ФЕЯ ПРАВИЛЬНОГО ВРЕМЕНИ 161
16. Татьяна Сапрыкина / ШМЕЛЬ, У КОТОРОГО КРУЖИЛАСЬ ГОЛОВА 169

Очерк

17. Алексей Караваев / РАСЫ СРЕДИЗЕМЬЯ 171

Критика

18. Генри Лайон Олди, Андрей Валентинов / ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ. ЗАНЯТИЯ ТРЕТЬЕ И ЧЕТВЕРТОЕ 180

Рецензии

19. Сергей Бережной / ИСПЫТАНИЕ ВИРТУАЛЬНОСТЬЮ 190
20. Денис Чекалов / ПОВЕСТЬ О ДВУХ ГОРОДАХ 193
21. Маша Звездецкая / БАБКИН ВОЗВРАЩАЕТСЯ 195

Кинопортал

22. Лев Гурский / ЛЕТИТ ЛЕТИТ КОТЛЕТА... 197

Репортаж

23. Олег Силин / КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ 201

Opus Mixtum

24. Марина Комиссаренко, Михаил Назаренко / НОВОСТИ 204

ЕЛЕНА КЛЕЩЕНКО

ИОГАНН И ВАСИЛИСА

Ранее обыкновенного лег он в постель, но, несмотря на все старания, никак не мог заснуть. Наконец желанный сон, этот всеобщий успокоитель, посетил его; но какой сон! еще несвязнее сновидений он никогда не видывал. То снилось ему, что вкруг него все шумит, вертится, а он бежит, бежит, не чувствует под собою ног... вот уже выбивается из сил... Вдруг кто-то хватает его за ухо. «Ай! кто это?» — «Это я, твоя жена!» — с шумом говорил ему какой-то голос. И он вдруг пробуждался. То представлялось ему, что он уже женат, что все в домике их так чудно, так странно: в его комнате стоит вместо одинокой — двойная кровать. На стуле сидит жена. Ему странно; он не знает, как подойти к ней, что говорить с нею, и замечает, что у нее гусиное лицо. Нечаянно поворачивается он в сторону и видит другую жену, тоже с гусиным лицом. Поворачивается в другую сторону — стоит третья жена. Назад — еще одна жена. Тут его берет тоска.

Н.В.Гоголь

...Он вынимал все новые и новые очки, так что, сваленные на столе, они начали странно блестеть и мерцать. Тысячи глаз смотрели на Натанаэля, судорожно мигая; он не мог от них оторваться; все страшнее и страшнее скрещивались сверкающие взгляды и пронзали своими багровыми лучами грудь Натанаэля. Охваченный невыразимым ужасом, он закричал:

— Остановись же, остановись, ужасный человек!

Он крепко схватил руку Копполы, который полез было в карман, чтобы достать очередные очки, хотя весь стол уже был ими завален. Коппола мягко высвободил свою руку и с противным смехом проговорил:

— А, не для вас — так вот еще стекла!

Он сгреб все очки, спрятал их и вынул из бокового кармана множество больших и маленьких подзорных труб.

Как только очки исчезли, Натанаэль совершенно успокоился и, вспомнив о Кларе, сказал себе, что сам вызвал из души ужасный призрак и что Коппола есть просто честный механик и оптик, а не выходец с того света и не двойник проклятого Коппелиуса. К тому же и в стеклах, которые Коппола теперь выложил

на стол, не было ничего особенного и еще менее чего-либо призрачного, как в очках; чтобы все загладить, Натанаэль решил и в самом деле что-нибудь у Копполы купить. Он взял маленькую, очень изящно отделанную карманную подзорную трубу и, желая ее испробовать, посмотрел в окно. Никогда в жизни не встречал он стекла, которое бы так чисто и отчетливо приближало предметы. Невольно он стал смотреть в комнаты Спаланцани. Олимпия, как всегда, сидела у маленького стола, положив на него руки и сплетя пальцы. Только теперь Натанаэль хорошо рассмотрел ее дивно прекрасное лицо.

Э.Т.А.Гофман

Зигмунду Людвигу Дерферу, Геттинген,
Паулинерштрассе, рядом с монастырской церковью,
от Иоганна Теодора Риттера, город Гадяч Полтавской губернии,
в собственном доме вдовы Петрыченковой.

...ИТАК, ЛЮБЕЗНЫЙ МОЙ ЗИГМУНД, РАНО УТРОМ, НЕ БЕРЯ С собой ни гербарной папки, ни чего либо еще, кроме двух кусков хлеба с мас лом, огнива, кисета и трубки, я отправился странствовать по холмам и ле сам, без цели, без дела и без забот. Ивы и ветлы по берегам полноводного Псёла уже оделись зеленой дымкой, и птички на все голоса распевали хора лы, восхваляя весеннее утро.

Вообрази отрадную картину: твой приятель благодушествует у реки, гре ясь на солнышке, покуривая трубку, любуясь шелковистой гладью вод, от ражающей изумрудные купы дерев и нежную голубизну неба, а издали до носится пение. Невольно я напряг слух: резковатое, но приятное контраль то, какое не редкость у здешних женщин, выводило народную балладу или, лучше сказать, серенаду.

Я скверно знаю малороссийский язык. Он сильнее отличается от велико русского, чем баварский говор от того немецкого, на котором пишут в жур налах. Но, впрочем, я понял, что песня повествует о сердечной печали. Од нако женщины, чей голос так звучно разносился над водой, нигде было не видать, лишь в отдалении чернела на водном зеркале плоскодонная лодочка с одиноким гребцом, который стоя работал веслом, подобно венецианскому гондольеру. На носу лодочки я заметил остроухую собачью голову: живот ное прилежно смотрело вперед, как те деревянные девы, что украшали сво ими прелестями старые корабли. А серенада все длилась, как вдруг очарова ние нарушил звонкий лай. Пес привстал на передних лапах и повернул го лову, гребец замер с поднятым веслом... и я едва не уронил трубку. В лодке была женщина.

Ты, может быть, подумаешь, что фантастическая певица в этот миг сотка лась из тумана, подобно сильфидам, или что прозаические звуки, произво димые псом, разрушили чары невидимости. Нет. Но гребец, пересекающий реку на плоскодонке, был женщиной.

Теперь я отчетливо видел: то, что до сих пор я принимал за долгополый сюртук, было женским платьем. Да притом не клетчатой юбкой малороссийских простолюдинок, а платьем «господским» — правда, изрядно устаревшего фасона, с высокой тальей, какие шили в дни нашей молодости. Дама легко взмахнула веслом, направляя суденышко к берегу. Как ни был я поражен, а успел выбить и спрятать трубку, подобрал с земли шляпу и встал.

Первым сошел на берег пес: едва нос лодки врезался в камыши, совершил изящный прыжок и кинулся на меня со звонким лаем, но тут же замедлил бег и приветливо замахал хвостом. Дама строго окликнула его, и, услышав голос, я понял, что это точно она пела сейчас над водой. Я устремился ей на помощь, но она, подобрав подол своего коричневого платья довольно высоко, перепрыгнула на берег с удалым «гоп!», затем, обернувшись, одним сильным рывком затащила легкое суденышко на берег — подхватила со дна лодки ружье, движением заправского егеря перекинула через плечо ремень и как ни в чем не бывало пожелала мне доброго утра. Я поклонился и приветствовал ее.

— Дерзаю спросить, милостивый государь, вы немец? — неожиданно заговорила она на моем родном языке. Немецкий ее был еще более старомоден, чем наряд, но вполне чист. Я ответил утвердительно.

— Верно, вы тот аптекарь, о котором говорил Степан Иванович?

Я не знал, кто такой Степан Иванович, но уже привык, что для русских что ни немец, то и аптекарь, поэтому кивнул и назвал свое имя. Дама без дальнейших церемоний сама представилась мне. Оказалось, она носит русское имя Василиса. Отчество же (надеюсь, ты не забыл, что все мало мальски почтенные жители России и Малороссии должны прибавлять к своему имени имя отца, опуская эту церемонию лишь с родными и друзьями) указывало, что батюшку ее звали Каспар, между тем как фамилия говорила о польском происхождении. По всей вероятности, это объясняло владение немецким, редкое между русскими женщинами. Zuptschevska — не вдруг и сообразишь, как пишется, а ведь во время своего пребывания в прусской Польше я привык к самым затейливым krzch — да, впрочем, не мещанину по фамилии Риттер смеяться над чужими именами...

Что за приключение! — подумаешь ты, любезный друг. Незнакомка с причудливым именем, дочь поляка и местной уроженки, в утлой лодочке пересекает реку, распевая прекрасные песни, хозяйка этих чащоб и дубрав — чем не завязка фантастической истории во вкусе Фуке или Эрнста Теодора? Вынужден тебя огорчить (сказал бы «успокоить», если бы не узнал наверное за годы нашей дружбы, сколь чужда твоей душе вульгарная зависть): Василису Каспаровну я не могу поименовать ни юной, ни прекрасной. Она давно оставила позади тот ужасный для красавиц рубеж, что означен числом 30, да и сорок, пожалуй, ей было с большим лишком. Черты лица ее — те самые, что сближают малороссов с итальянцами не менее, чем веселый нрав и музыкальный дар: тонкие дуги черных бровей и большие карие глаза, вероятно, хороши были прежде, но все дело портили морщинки у губ и на лбу. Маленькая шляпка напрасно отбрасывала легкую тень на ее лицо: цвет кожи был

хоть и здоровый, но желтовато смуглый. Добавлю, что ростом она была поч ти с меня. А тут еще ружье за плечом... Словом, и самый чувствительный по эт не смог бы отыскать здесь той женственной прелести, той воздушной, как сновидение, красоты, которая отличает романтических героинь.

И все же, признаюсь, я ощутил смятение. Волей неволей пришли на па мять мне ее ровесницы в Дрездене, Берлине — знаешь, из тех, что слегка му зицируют, слегка сочиняют и представляют в мимических картинах то юную Психею, то Диану охотницу. Иная из них упала бы в обморок при ви де этой охотницы, непохожей на Диану, смуглого ее лица и рук без перчаток, наконец, самого этого пса, ничем не напоминавшего мопса или болонку (а положа руку на сердце — ни одну из знакомых мне собачьих пород)... Я бы и сам, повинуясь романтическим традициям, искал в ней злую колдунью или ворожею, будь на ней, как подобает, омерзительные лохмотья или хотя бы черный плащ. Но благообразное коричневое платье... но шляпка... но бо тинки, наверняка вышедшие из мастерской известного мне еврея башмач ника... Да и нос ее был, скорее, вздернут, чем загнут крючком, а это уж никак не идет ведьме. Нет, нет, любезный друг, передо мной стояла дама, и было весьма неприлично с моей стороны вот так, молча уставиться на нее.

— А я, как изволите видеть, охотилась за рекой, — весело заговорила Ва силиса Каспаровна, не дождавшись от меня разумного слова. — Да неудач но, государь мой, с пустыми руками возвращаюсь. Позвольте по этому слу чаю пригласить вас в гости. Познакомитесь с моим племянником, хозяином имения. Позавтракаем вместе да скоротаем время за приятной беседой, а за тем Омельян отвезет вас, куда прикажете.

Я уже знал русское гостеприимство, которое под жарким солнцем Мало россии возрастало до размеров эпических, поэтому ради приличия поотне кивался, затем послушно двинулся вослед за Василисой Каспаровной по крутой тропке, ведущей от реки к дороге, а пес помчался за нами.

Странная на вид повозка казалась плодом греха дилижанса с простой те легой. Возница дремал на козлах, но услыхав звучное: «Эй, хлопче!» мотнул головой и схватился за вожжи. Я заверил Василису Каспаровну, что не бу ду возражать против присутствия ее верного пса, так как сам люблю собак; она свистнула, и тот словно не поверил сперва своему счастью, а потом за прыгнул в повозку и вытянулся у наших ног, улыбаясь и барабаня хвостом; на морде его изобразилось такое радостное дружелюбие вместе с самодо вольством, какое можно наблюдать у молодых франтов, совершающих осо бенно приятный променад.

С тем же радостным вниманием взирала на меня и хозяйка экипажа. Уз нав, что я владею польским языком, она оживилась еще более. Немедленно я был спрошен, давно ли я в Малороссии, что побудило меня оставить от чизну и доходно ли ремесло аптекаря. Чтобы избегнуть разговоров на меди цинские темы, я отвечал, что лишь из человеколюбия помогаю лекарю в уе здной больнице от Приказа общественного призрения; сам же занимаюсь ботаникой и состою в переписке с членами Императорской Академии наук в Санкт Петербурге и Московского общества испытателей натуры.

Ты снова хмуришь лоб, любезный Зигмунд. Я как будто слышу твои гневные слова: дескать, то, что мы называем изучением природы, есть кощунственная попытка заменить мертвой буквой истинную связь нашей души с первоистоком, доступную лишь поэтам. Дескать, мы со своим латинским бормотанием уподобляемся сумасшедшим или детям, что произносят ничего не значащие слова и уверяют, что изъясняются языком богов... Все так, дорогой друг, но ответь мне: где были бы наши музыкальные гении, если бы они не изучали контрапункта и не оттачивали свое мастерство? Бинарная же латинская номенклатура, придуманная мудрым шведом для описания всего, что ни есть живого в подлунном мире, не бессмысленна, а напротив, столь же точна, как нотная запись, и вместе с тем исполнена красоты, суровости или юмора — смотря по тому, какие чувства владели людьми, над кои ими ты насмехаешься столь безжалостно. И теперь я мог смело заявить моей спутнице, что моей величайшей амбицией было бы найти прославленную Lilium aureum, она же Lilium flammiferum, доселе известную лишь в странах Востока или в еще более отдаленных областях.

— Огненная лилея? — Моя спутница рассмеялась. — Уж не иванов ли цвет вам потребен?

Я не знал, что это.

— Иванов цвет, иначе папорот, — цветок папоротника. Люди сказывают, папоротник цветет одну ночь в году, в летний солнцеворот, в самую полночь и притом не дольше часа. У того, кто отыщет цветок и сумеет взять в руки, сбудется любое желание, хоть самое безумное.

— Цветок приведет его к зарытому кладу? — спросил я с иронией.

— Нет, милостивый государь, заговоренные клады открывает плакун трава, иванов же цвет делает иного богатым — и я бы не винила бедняков, что таково у них заветное желание, — иного умным, а иного одаряет талантом. Сказывают бабки, что цветок этот весь состоит из огня. Будто похож он на золотую либо серебряную звездочку, и то меркнет, делаясь не более макового зерна, а то испускает огненные потоки, да только не дается в руки никому. Впрочем, конечно же, предание об ивановом цвете — простая сказка, какой у нас в Малороссии забавляют детей.

— У вас есть дети, милостивая государыня? — тотчас же я понял, что задал вопрос не самый удачный.

— Я девица, — темные глаза прожгли меня насквозь, — и нахожу, что нет ничего приятнее девической жизни.

И то сказать, храбрецом был бы кавалер, что посватал бы такую, подумал я, бормоча извинения. Если почтенная дама любит развлечения, которые не каждому нынешнему мужчине под силу, то какова же была она в юности?..

— Но вы упоминали, что у вас есть племянник?

— Ванюша единственная моя отрада. — Она умолкла на миг и с подозрением взглянула на спину нашего возницы, но потом, верно, вспомнила, что мы говорим на чужом для него языке, и продолжила: — Он сирота, и у меня никого, кроме него, на свете не осталось. Скоро придет ему время входить во все дела. Он и теперь уже хороший хозяин, это я говорю не из пристрастия,

спросите хоть Ивана Ивановича, хоть самого заседателя. Одного бы мне еще хотелось: дожить до его свадьбы, понянчить внуков.

— Ваш племянник имеет на примете какую нибудь достойную девушку?

— Что вы, что вы, — поспешно ответила моя собеседница, — он еще сов сем молоденький мальчик.

— Сколько же лет ему?

— Дайте сочту. Кончивши училище в семнадцать лет, Ванюша вступил в пехотный полк. Служил под Могилевом одиннадцать лет, до подпоручика дослужился (рот мой самым неучтивым образом открылся для удивленного возгласа, который мне едва удалось удержать), и еще четыре года служил, а затем вышел в отставку поручиком, и тому уже шесть лет... — тридцать во семь лет Ванюше.

— Тридцать восемь?!

Осудишь ли ты меня, любезный Зигмунд, за то, что я хлопнул себя по ко леням и расхохотался? Я то решил, что подопечный Василисы Каспаровны и впрямь молоденький мальчик, не заслуживающий, быть может, даже име ни юноши, а он, оказывается, отставной поручик без малого сорока лет! Приметив, что моя собеседница отворотилась от меня и выпятила губу, я попросил прощения и сослался на то, что на моей родине мужчины в таких летах давно бывают женаты.

— Что ж, и у нас такое бывает, — сердито отвечала она, — но почтенные люди, с достатком и при чинах, с женитьбой не торопятся. И после сорока многие женятся, и после пятидесяти — весьма многие.

— Правду сказать, сударыня, я и сам в сорок лет не был женат, — сознал ся я, поняв, как задел ее мой смех.

— А теперь женаты? — осведомилась Василиса Каспаровна не без яда.

— Нет, холост, к великому моему сожалению, но тому причиной совер шенно особые обстоятельства.

Ответом был звук неопределенный, но саркастический, похожий и на «гм м», и на «фрр». С тем Василиса Каспаровна сочла, что мы квиты, и пе ревела разговор на имение своего племянника: что произрастает в этом име нии и почем идет на рынке.

К усадьбе, со всей определенностью, не приложили рук ни Ленотр, ни Луи ле Во. Дом по виду вместительный, крытый тростником; беленые сте ны, резные голубые ставни, подслеповатые окошки — вот и все, что можно о нем сказать. Я давно уже заметил, что провинциальное малороссийское дво рянство не гонится за роскошью или же ищет роскошь совсем не там, где столичные жители. Отменной дородности свинья, что нежится в луже, буд то знатная римлянка в бассейне, тут считается лучшим украшением двора. Имелось это украшение и в хозяйстве Василисы Каспаровны. Сунув ружье кому то из слуг, она тут же принялась распоряжаться о завтраке; две деви цы и почтенная женщина устремились в амбар, четвертая — в курятник за свежими яйцами...

Амбары, погреба и прочие необходимые здания толпой окружали помещи чий дом, словно почтительные подданные властелина. Человек в сюртуке —

по всему видно, тот самый холостой племянник — о чем то толковал троим крестьянам. Говорили по малороссийски, но судя по движениям рук, речь шла о крыше небольшой пристройки, балки и перекладины которой были об нажены. Хозяин сурово о чем то спрашивал раз за разом; работники делали прежалостные лица и разводили руками на самый комичный манер; ответы их всякий раз начинались со слов «та паничу...» Тот снова указал на крышу, потом на небо, потом разом оборвал сетования тружеников, явил их печаль ным взорам не слишком внушительный кулак и повернулся к нам.

Я с любопытством разглядывал его. Хозяин имения был недурно сложен, хотя и уступал ростом своей юноноподобной тетушке. Лицо его я не назвал бы особенно внушительным или красивым, однако не было в нем ни уродст ва, ни какого либо изъяна, разве что русые волосы со лба редели, а за уша ми чересчур отросли. В глазах светились добродушие и смекалка, серый сюртук был чист и опрятен, сапоги блестели.

— Ванюша! — позвала тетушка. — Вот наш гость, господин Иоганн Рит тер, ученый из Германии. А это, прошу любить и жаловать, настоящий вла делец всего, что здесь есть, — племянник мой, Иван Федорович Шпонька.

Я поклонился, а когда поднял голову, заметил в лице Ивана Федоровича робость и неудовольствие. Обыкновенное приветствие он произнес с запин кой и не договорил до конца, будто бы пораженный некоей неприятной мыслью. Что бы это означало, уж не предубежден ли он против немцев? Или гость не ко времени?

Массивная дверь, снизу подбитая тряпками, мягко прошуршала по глинобитному полу. Вслед за хозяйкой я прошел в комнаты, низкие, пол ные старомодной мебели. Пахло сухими травами, сундуком со старой одеждой, огоньком лампадки. У стены под лавкой стояла плоская корзин ка, в ней белая кошка с кислым выражением морды оглядывала троих ко тят. Скатерть, однако, была отменно свежа, и обильный завтрак явился мгновенно: яйца, творожные лепешки, жаренные на масле, жирная смета на, свежий хлеб, домашняя пастила; различные сорта варенья сверкали, словно драгоценные камни, — какое в хрустальной вазочке, какое в гли няной плошке, блестящей от глазури. Немолодая женщина принесла ко фий, не слишком дурной, и сливки к нему, а затем и кувшин с простоква шей, и масло, и пирожки с маком, и еще иные, с кашей, и некое пирожное, которому имени я не знал, и, казалось, она не перестанет ходить из кухни в комнату и назад, пока на столе есть еще место. Как зашла речь о грибоч ках, соленых с чабрецом, я взмолился хозяйке, сказав, что не привык так много есть с утра и не стоит ради меня стараться, и Василиса Каспаровна остановила свой рог изобилия.

Разговор за столом был несколько принужденным. Теперь мы говорили по русски: Иван Федорович, видимо, не был сведущ в иностранных языках. Но и по русски, сколько я ни пытался завести приятную беседу, о событиях ли в Греции или о персидской кампании, о погоде ли майской, или о ценах на сено и хлеб — беседовали все больше я да хозяйка, а Иван Федорович, ес ли и начинал говорить, сразу умолкал. Я мог бы счесть его заикой, если бы

не видел, как свободно он только что объяснялся с мужиками. Быть может, он лучше владеет малороссийским наречием, нежели великорусским? Но ведь он служил в русской армии, учился в местной школе, освоил даже латынь, как тетушка успела мне сообщить дорогой. Странно. Я думал уже изыскать предлог и удалиться, когда вдруг почувствовал это... Ты знаешь, о чем я, любезный друг. Когда я открылся тебе, ты принял мои слова с полным доверием, и этого я не забуду вовеки.

Как всегда, внезапно и некстати. Ни выбежать вон, ни предупредить хозяев — лишь мысленно выругаться и выдвинуть локти вперед, чтобы не упасть, если буду раскачиваться... о, холера, зачем сейчас? Но мгновенная досада тут же исчезла, смытая восторгом.

Полотно скатерти, нити, сплетенные в частую сеть, мне доставляет удовольствие прослеживать путь каждой из них, будто я летаю над бескрайней снежной равниной. Фарфоровый глянец тарелки, холодный, нежный. Теплый рыжий край лепешки, масленая мука липнет к пальцу, пахнет жареной корочкой, этот запах выплескивается яркой картиной, виденной когда то в детстве, и я наклоняюсь, чтобы снова ощутить его... Прорези в стенках лампадки горят рубиновым огоньком, поют скрипкой; белеют складки вышитого рушника, звенит колокольчиком красный узор, золотится нимб над темным лицом, и все это есть музыка, под которую мне привольно летать. Запах сухих цветов, свисающих с потолка, пылью забивает ноздри, кружит голову, пресекает дыхание — Achillea millefolium, говорит кто то, и эти звуки вспыхивают рубиновыми сполохами, и я повторяю их, чтобы снова увидеть эти вспышки: Achillea millefolium. Другие люди испуганы, и я свободно разглядываю их свет. Удивительно, я ждал от нее красного или, в крайнем случае, пурпурного, а она испускает лучи синие, лазурные, узорные, словно россыпь цветов — васильки, цикорий, весь синий аспект разнотравья, и каждый лепесток танцует лохматым язычком пламени... красиво. Женщина что то говорит, и та часть меня, которая теперь заключена в крохотной темнице, отмечает, что говорит она на разных языках, повторяет одно и то же, пытаясь пробиться ко мне. Ее тревога и недоумение растут, и узор становится все чудеснее, повторяясь заново с каждым новым вопросом, как все новые и новые круги от брошенного камня на поверхности пруда. Только, конечно, это не круги, а пламеобразные линии, узоры, что расцветают новыми узорами... Вбегает другая женщина, молодая, ее испуг пушистый, как желтый одуванчик или новорожденный феникс, а в середине алый уголек — это прекрасно. А тот, что рядом? Его пламя заключено в тесный сосуд изо льда, который, однако же, тает. Языки вырываются наружу, и преяркие язычки. Огненно рыжие волосы... Кажется, я смеюсь, и тот Иоганн Риттер, который сидит сейчас в темнице, — не умалишенный, а напротив, весьма ученый и много знающий, — разрывает оковы слабости и со всех сил ударяет костяшками пальцев по столу.

Больно. Зеленые звезды фейерверка так хороши, что возникает соблазн повторить опыт, и я не отказываю себе в этом. Тогда боль возвращается на свое законное место, в мою бедную руку, и умолкает огненный

узор, и меркнет пение скрипок, и некий приличный господин уже больше не сидит, раскачиваясь, пуская слюни, будто глухой идиот.

Сквозь глухоту пробивается голос:

— ...Припадкам такого рода, но они не приносят никакого вреда, если не считать огорчения, причиняемого моим близким. Молю меня извинить...

О, черт, я же говорю по немецки... а надо по польски? Или по русски? С какой стати по русски? Почему я подумал про русский язык?!

Я отлично знал: после «особых минут», как деликатно называл их один варшавский доктор, память о том, кто я и где, и в каком отношении ко мне находятся окружающие люди, возвращалась не сразу. Я помнил это, как и слова, которые надлежит произносить, помнил и то, что память вернется. Но, Господи, как страшны были минуты неведения!

Женщина отвечала мне по немецки, потом, коротко что то сказала по русски. Мужчина раскрыл шкафчик, в котором поблескивали бутылки. Горькой настойки? Горькая, tinktura amara. Горечь, едкая пыль. Да.

Я принял у него толстую стопку с желтоватой жидкостью, выдохнул воз дух и влил на его место себе в глотку зелье, сам себе вздернув голову, слов но коновал — старой лошади. Взбодрись, кляча.

Фейерверки угасли окончательно, музыка смолкла. Я — Иоганн Риттер, путешествующий ученый, в гостях у малороссийской помещицы и ее пле мянника. Полулежу на продавленной кушетке, испытываю стыд и досаду. Стыд — оттого что предстал перед почтенными людьми жалким безумцем. Досаду — оттого что исчезли огненные узоры и музыка, и Бог весть когда мне случится снова увидеть сей волшебный спектакль.

Хозяйка дома сидела у меня в головах, придвинув стул.

— Ну, легче вам, батюшка мой?

Я благодарно покивал. В лице почтенной дамы не было ни испуга, ни от вращения, ни жеманной жалости. На меня взирали... скорее строго, да.

— Что же это делается — сидите и улыбаетесь, ровно блаженный. Я вам кричу — вы лепечете какую то ересь, «хилея милея», и не по русски, и не по немецки. Зачем то сунулись носом в самые манишки, вон и сметаной ис пачкались. (Помянутую часть моего лица не слишком деликатно утерли салфеткой.) Потом рукой стучать начали, кабы всех пальцев не отбили... Разве добрые люди так поступают?

Я помотал головой: мол, не поступают, виноват, драгоценнейшая. Теперь, когда я видел ее сапфировую корону, нас будто связывала тайна, о чем она, конечно, не могла знать. Но сам я проникся к ней странной симпатией. Как если, вовсе не будучи дружны с неким господином, вы случайно услышите прозвище, какое он носил в студенчестве, или узнаете, что он держит дома пять пуделей и подумывает о шестом. Казалось бы, и нет вам дела до этой пустяковой тайны, но этот субъект уж вам не чужой. Нечто в подобном ро де приключалось со мной почти каждый раз после моих «припадков». Тай ны, иногда пустяковые, порой же...

Да, я не удивился бы, увидев горделивый багрянец, императорский пур пур, ибо передо мной была, под стать своему имени, царица маленького

царства, населенного тремя десятками подданных, не считая четвероногих и пернатых. Здесь, где крестьяне все еще принадлежат господам и где господа не менее тщеславны и ревнивы к своим правам, чем польские паны или немецкие князья... Однако ж нет: сияющая синева, прохладная и радостная, вот что я видел. Эта женщина никогда не боролась за власть в этом царстве, не интриговала, не заручалась ничьей поддержкой и никого не страшилась. Она распоряжалась, казнила и миловала с той же сочетливой эгоистической уверенностью, с какой четырнадцатилетняя барышня отдает команды огромному бульдогу, и кузену, и усатому улану, и учителю музыки. И точно так же она ни в ком и никогда не встречала ослушания. Я мог бы побиться об заклад на десять рейхсталеров, что ни единый человек во всем уезде не спросил Василису Каспаровну, на каком основании она, а не кто-либо другой, управляла имением племянника, пока тот служил в армии. На таком основании, что иначе все хозяйство расстроилось бы, а кто вздумает мешаться не в свое дело, тому пускай черт приснится.

— Она ведь у вас беременна, не правда ли? — вот что брякнул меж тем мой глупый язык. В ответ на удивленный взгляд хозяйки я кивком головы указал на дверь. Поднимать руку было тяжело, я весь был точно избит.

— Ганна? А вы почему знаете?

— Как никак, я аптекарь, — с невинным видом сказал я. — Простите мою бесцеремонность.

— Мне на ум не приходило, что так заметно... — протянула Василиса Каспаровна; по особому выражению лица ее я заключил, что она мысленно ставит крестик в неком реестре — и посочувствовал отцу ребенка. Хотя, безусловно, воздастся ему по грехам.

Молодец, Ганс, — сказал я сам себе, — а теперь еще поведай, что один из трех котят в корзинке, к несчастью, вскорости издохнет, авось прослывешь провидцем. Блаженным, как она сказала... Нет, есть нечто более важное.

Сдавленное ледяными стенками пламя, и молочно белые лепестки у края сапфировой короны, будто васильки, сохнут без воды... Холостяцкое положение племянника Ванюши огорчало мою хозяйку гораздо более, нежели она признавалась в том. И дело не только в самом племяннике, и даже не в мечте услыхать топотанье детских ножек в печальном старом доме. Вопрос о продолжении династии в маленьком поместье не менее важен, чем в любом королевстве или княжестве, от этого самым очевидным образом зависит благополучие подданных, тем паче крепостных. А между тем надежды мало, ибо недуг Ивана Федоровича неведом не только местным лекарям, но, пожалуй, и лучшим германским медикусам. Теперь я сообразил, что следует делать, и мне стало весело — как всегда, в те редчайшие мгновения, когда из проклятия моей жизни удается извлечь пользу.

— Благодарю вас, почтеннейшая Василиса Каспаровна, я уже вполне здоров. Еще бы чашечку кофию в вашей компании, если позволите, и ничего более я не смогу желать.

Пока хозяйка распоряжалась, я осторожно спустил с кушетки сперва ле вую ногу, потом правую, сел прямо, ощупал лицо. Да, голова слегка кружит ся, но глаза уже не следят за видениями, и рот закрыт. Пришел в себя.

Кухарка принесла свежий кофий. Я осведомился, не отправился ли Иван Федорович распоряжаться по хозяйству, пока я был без памяти, просил пе редать ему от меня извинения. Затем, перейдя на польский, испросил у до сточтимой госпожи позволения задать вопрос не вполне скромный для пер вого знакомства.

— Не случалось ли такого, что Иван Федорович сватался к некоей деви це, но сватовство расстроилось по ничтожным или вовсе непонятным при чинам?

Наградой мне был неописуемый взгляд, красноречивее любого «да».

— Ох, и доберусь я до того, кто эти сплетни пускает, — ласково пропела Василиса, — ох, поубавлю волос на темечке! Кто вам сказывал про Сторче нок?

— Никто не сказывал, и я даже не ведаю, кто они такие, а предположение сделал только как ученый. В этой семье имеется дочь на выданье?

— Не дочь, сестра... — далее следовал семейный роман, в коем фигуриро вали Григорий Григорьевич Сторченко, неуч, бурбон, негодяй и дурак, две сестрицы его, старшая в изрядных летах и меньшая, не совсем урод, их ма тушка, «добрая женщина, и Господь с ней», покойная матушка Ивана Федо ровича — сестра Василисы Каспаровны, по молодости наделавшая глупос тей, и вдобавок какой то луг, на коем растут отменные травы, причем луг был некоторым образом связан с ошибками молодости ветреной сестры... Я скоро потерял нить рассказа, суть же состояла в том, что младшая из девиц Сторченок и была той самой особой, брак с которой по неясным причинам расстроился.

— ...Я делала, что могла, и мать ее была не против. Мы к ним ездили, они у нас с визитом побывали. Но Ванюша сам мне сказал, что этого не желает, а отчего — сколько я ни пытала... Уж и фрак затевали шить, я к сукну при ценилась в городской лавке, а он... сперва захворал, да так тяжело, и в бреду все твердил, что не хочет жениться, а потом вовсе перестал к ним ездить. Уж я знаю, это Григорий Григорьевич, старый греховодник, сказал ему что ни будь гадкое.

— Быть может, и нет, — отвечал я. — Конечно, я не университетский про фессор и не осматривал Ивана Федоровича, но почти уверен, что единствен ная помеха тут в нем самом.

— Это о чем же вы? — подозрительно спросила меня Василиса Каспаров на, кинув взгляд за окошко. Во дворе я заметил ту самую Ганну.

— Милостивая государыня, я отнюдь не имел в виду...

Ради своей безопасности я решил не пояснять, чего собственно не имел в виду. Но предположение об амурной связи Ивана Федоровича с крепо стной девкой было абсурдным. Не то чтобы подобного никогда не приклю чалось в Малороссии, тут, как и везде в подлунном мире, не все поступают по написанному. Но для Ивана Федоровича это было бы недолжным и

непристойным поведением, а всего недолжного и непристойного он боялся пуще черта. Те прозрачные стенки вокруг пламени... как это объяснить на бедном людском языке, хоть польском, хоть немецком? Строгость и порядочность? Не то. Робость и страх? Ближе, но не то... Ладно, каково будет лечение, таков и диагноз.

— Вот что я хотел сказать: может статься, что ваш племянник страдает расстройством зрения, редким и неопасным, однако способным...

— Бог с вами, батюшка, никогда в нашем роду подслеповатых не было! На что я стара, а по утке со ста шагов не промахнусь. И с чего бы ему глазами страдать, он и книжек совсем не читает, как кончил училище,— последнее было сообщено тоном оскорбленной гордости, как если бы тетушка сказала, что ее любимец не пьянствует и не бездельничает.

— Конечно же, нет, — согласился я, — нисколько не сомневаюсь, что Иван Федорович отменно все примечает, когда распоряжается по хозяйству вот в этом дворе или, к примеру, в поле. Но в минуту волнения, в обществе, и особенно когда он беседует с персонами, коих почитает выше себя...

— И чем это Сторченки выше нас? — снова перебила меня Василиса Каспаровна. — Крыша в усадьбе деревянная, важное дело! Они за счастье должны знать, коли Ванюша к ней посватается, я ему так и сказала!

— А он что вам ответил?

Мой вопрос застал ее врасплох.

— Да... ничего не ответил, бедный мой, вздохнул только.

— Был сильно смущен,— произнес я самым своим докторским голосом, — не мог толком объясниться с девушкой, как ни старались этому споспешествовать родные. В конце концов, идея свадьбы начала внушать ему ужас столь сильный, что это привело к болезни... Да, я уверен, Василиса Каспаровна. Недуг, причиняемый не столько физическими, сколько душевными причинами, при коем пациент не способен видеть истинного облика собеседника, чьего суда над собой он опасается или чье положение ему не вполне ясно. Без всякого затруднения и даже с большим успехом он руководит крестьянами или, скажем, солдатами у себя в полку. Но ничтожный господин вроде меня или самая непримечательная барышня являются ему в обликах фантастических, внушающих растерянность, и эта растерянность еще пуще усугубляет расстройство. Если вам доводилось видеть человека, внезапно ослепшего или с завязанными глазами, — его робость и неуверенность, и как он пытается узнать, что скрывает море тьмы вокруг него, и не ведает, разверзнется ли пустота у его ног, наткнется ли вытянутая рука на каменную стену или чье то лицо, и как явственно он ощущает превосходство зрячих, которым открыто все то, что скрыто от него, — вообразите себе это и поймете, до сватовства ли ему. У вашего племянника на нервической почве расстраивается зрение, и он не различает людей.

— Ну наплели веночков, батюшка мой, — недовольно проворчала она по русски. — Я, старая дура, и половины не поняла. Что ж, и лекарство предложите?

— Всеконечно, любезнейшая Василиса Каспаровна. Лекарство, или, вер нее сказать, средство простое и давно известное — очки для глаз.

Василиса Каспаровна поставила чашку и воззрилась на меня, как обык новенно и глядят на умалишенных.

— Что вы такое говорите, пан Риттер? Отставной поручик, дворянин, и вдруг очки вденет на нос? Будто канцелярист или приказной?

Я долго заверял мою собеседницу, что ничего постыдного в очках нет, что в Европе и Петербурге очки носит и самый высший свет, князья и графы, и те из дворян, кто состоит на дипломатической службе, каковая, по мнению многих, ничуть не плоше военной. Сошлись на том, что вскоре я нанесу по вторный визит и привезу очки. Если же они не помогут, то и вреда, конечно, не принесут. Тетушка призвала племянника, объявила ему наше решение, которому тот удивился, но не противился. С помощью тонкого шнурка я сделал необходимые измерения и откланялся.

Я отпустил Омельяна с его повозкой, сказав, что дойду до города пешком. Мне хотелось побыть одному, наедине с природой. Это всегда помогало.

Еще одно следствие моих «особых минут»: после них я как бы выпадал из времени, переставал понимать его смысл и значение. Я не вспоминал, а сно ва существовал в прошлом, которое становилось для меня настоящим, и, коснувшись лба, мимолетно дивился, что волосы мои острижены, а не сви сают длинными локонами, как то подобает буршу. Будто я только что рас стался с Джузеппе Копполой и, покинув город, вольно брожу по геттинген ским холмам. (Будем ли мы когда нибудь вновь гулять по этим холмам, лю безный мой Зигмунд?)

...Едва он вошел в трактир «У святого Петра», я враз узнал эту мерзкую рожу — несчастный Натанаэль описывал его весьма живо. Кошачьи выпу ченные глаза, искривленный рот, большая уродливая голова, покрытая слишком маленьким париком, из под которого торчали седые космы, руки, похожие на двух пауков и — как только он заговорил — анекдотический ита льянский акцент. Поймав мой взгляд, он тут же перешел в наступление.

— Эй, студенто, купи глаза, э? Кароши юношо, тедеско богати, глаза от книги болеют? Купи мои глаза, э?

Нет, никакого мистического ужаса этот шарлатан мне не внушал. Обыч ный бродячий торговец, даром, что вместо лубков и зеркалец предлагает простофилям более тонкие изделия. В университете его знали как торговца барометрами Джузеппе Копполу. Но отчего то мне стало не по себе, когда я приметил, что из под засаленного рукава его куртки выбивается белоснеж ное кружево.

— Твои глаза? — я повернулся к нему на стуле и положил ладонь на ру коять палаша, ведь мы с тобой уделяли фехтованию не меньше времени, чем книгам, а многие наши товарищи и гораздо больше. — Твои прекрасные желто зеленые глаза, о бескорыстный служитель просвещения? Как есть уже у меня пара своих, куда ты посоветуешь мне вставить твои? И неужели ты сам без них обойдешься — не трудно ли будет, не имея глаз, отыскивать покупателей?

Он вытаращился на меня еще сильнее, потом понял и захихикал.

— Э, no, no... нет, не глаза, а — как по вашему — бериллы, бериллы! Купи бериллы пару, студенто! Вот! Вот!

С каждым «вот» он выкладывал на трактирный столик новый образец своего товара, и тут уж я понял, что «глазами» или «бериллами» он имену ет немецкие Brille. Очки выстраивались в ряд, опираясь на лапки заушин, и таращились на меня глазами подводных тварей, круглые, сверкающие, слов но налитые ртутью; кокетливые бальные лорнетки поблескивали оправой, похожей на настоящее золото.

Я облокотился на стол и положил голову на руку, любуясь представлени ем. Был я уже порядочно пьян, что, как ты помнишь, приключалось со мной почти ежедневно. Я успел понять, что алкоголь предупреждал припадки, а коль скоро пьянство более пристало доблестному буршу, чем духовидение, я предавался самоисцелению с усердием и страстью — пил и в компании, и в одиночестве, как сейчас, убеждая себя, что занят подбором верной дозы. По совести говоря, верной мне казалась та доза, приняв которую, я переста вал печалиться о прошлом и трепетать перед будущим. Чуть позже я обыч но валился под стол, если ты или иной добрый человек не успевали меня до ставить в мою комнату.

Столик был у окна, сквозь которое еще проникали лучи заходящего солн ца, посему не было ничего необыкновенного в том, что выпуклые стекла от брасывали световые зайчики. Они привлекли мое хмельное внимание, как вдруг в одном из них промелькнул изумрудный сполох, синие искры отозва лись перезвоном нежнейших колокольчиков... Леденящий ужас охватил мои члены, я содрогнулся всем телом, будто злой шутник сунул за ворот ру бахи снежный ком. Что есть силы, затряс я своей пьяной башкой. И, благо дарение небу, перезвон умолк.

Эти очки ничем не отличались от других, лишь за стеклами на столешни це лежали не простые светлые пятнышки, а разноцветные, словно два мель чайших обрывка радуги. Подобное явление, впрочем, тоже не покажется чу дом истинному знатоку оптики. Но я теперь знал, что Натанаэль был кругом прав — передо мной стоял проклятый колдун, зовите ли его продавцом ба рометров, адвокатом Коппелиусом, масоном и алхимиком либо самим дья волом — и он явился по мою душу.

Я проглотил рюмку киршвассера, вытер вспотевшей рукой мокрый лоб. Коппола продолжал бормотать и восклицать, расхваливая свой товар.

— Ты, чертово отродье! (Я не узнал своего голоса.) Что это ты мне подсо вывa ешь?!

Торговец нисколько не смутился.

— Зря бранишься, студенто! Кароши бериллы (он безошибочно подхва тил со стола ту самую пару и, кривляясь, приложил к своим глазам, потом убрал и чмокнул губами), луччи наилуччи, си! Так видишь, чего нет: тени, видения, иллюзии. А так (снова поднес их к глазам, будто лорнетку) — так видишь, что есть: пакости всякой не видишь, нет нет, сударь мой! Ты не с той стороны глянул, с этой надо, с этой!

Он щелкнул ногтем по внутренней стороне линзы. Я же, как ни был пьян, отметил, что его акцент куда то пропал.

Купить очки... отгородиться от высшего мира, некогда столь желанного, теперь ненавистного, не водкой и вином, а стеклышком в оправе... как же это раньше не пришло мне в голову? Разве не говорил нам профессор Мейер на лекции, что стекло пропускает видимый свет, но задерживает невидимый?!

— Что у тебя вышло с Натанаэлем Земаном? — спросил я, тщательно выговаривая слова. — За что ты его погубил?

Коппелиус гадко ухмыльнулся.

— А ах, славный мальчик находит, что слишком дорого заплатил за подзорную трубу? Но разве я мог предположить, что он решится взирать сквозь нее не на звезды или ландшафты, а на будуар профессорской дочки? Так что же, мой прекрасный прибор показал ему истину! Красоту без пошлости, без мелочных женских забот, без единого изъяна, пока не поломается механизм — и кого же следует винить, что мальчик признал в этом видении свой по этический идеал? Как вы думаете, братец бурш?

Дорого заплатил... Днем раньше ты, любезный мой друг, успел рассказать мне, что получил письмо от родных Натанаэля, твоего названого брата, где говорилось о его безумии и страшной гибели. С другой стороны, что терять тому, кто теперь уже безумен и готов наложить на себя руки?

Я выхватил палаш и взмахнул им. Позднее другие посетители говорили, что я был слишком пьян, и посему нетвердая моя рука избавила меня от участи убийцы. Я же точно знал, что должен был отрубить эту безобразную голову, если бы Коппола в ту же секунду не исчез. Но несколько пар очков и лорнеток остались на столе, как трофеи.

...Пронзительный крик сороки привел меня в чувство. Я поднял к глазам руку, вяло испугался старческим распухшим суставам и сплетению вен на тыльной стороне. Следовательно, я не только что расстался с Копполой, а много лет назад, что бы это ни значило у людей здравомыслящих. Темно зеленый плющ, друг мечтателей, не обвивал стволов, зато у моих ног нежно синел шалфей, и дерево, под которым я сидел, привалясь к нему спиной, было не геттингенским платаном, а осокором. «Тополь черный, Populus nigra L. var.piramidalis, крона вытянутая, как у кипариса, произрастает в южных губерниях России», — сказав это про себя, я тут же сообразил свое положение и вспомнил дорогу в Гадяч. Ботаника, видишь ли, надежней оптики, когда требуется вернуться в действительность. Как скоро я это понял, то занялся ботанической таксономией как мог усердно, и даже сам профессор Мош Терпин отзывался обо мне с похвалой.

Очки же Копполы, вопреки ожиданиям, не помогли. Дьявольская магия алхимика дала слабину против изумрудно сапфировых звезд и хрустальных колокольчиков. Только то и вышло из этой затеи, что безумный Риттер сперва дико скосил глаза, до истерики напугав даму, с которой беседовал, затем сорвал и отшвырнул очки, так что сломалась оправа, но почему то уцелели стекла, потом же... но к чему эта печальная повесть? Итог тебе известен. Не могу не признать, однако, что идея была здравой. Впоследствии я не

раз мечтал снова встретить этого торговца шлифованным стеклом, чтобы за казать ему за любые деньги, какие будут в моем распоряжении, очки особо го фасона, пусть даже величиной с кофейные блюдца, — ибо лучше слыть в обществе чудаком, чем сумасшедшим... Но или наша новая встреча не была угодна небу, или ему не полюбились мои манеры, или кто то оказался удач ливее меня и положил предел его деяниям.

Сожалел я и об ином: подобно Натанаэлю, я не попросил Копполу, чтобы он дал мне взглянуть на его барометры. Как ты полагаешь, друг любезный, что за погоду могли показывать приборы, сконструированные столь нео быкновенным мастером?

В город я вернулся уже затемно, а наутро без особого удивления узнал от доброй женщины, у которой снимал флигель, что мастера, изготовляю щего очки, в Гадяче нет. Пришлось обратиться к слесарю, который делал ключи и замки.

Немного жаль было стекол: другие пары очков и в особенности золотая лорнетка обладали совершенно иными качествами. Эта пара, уничтожаю щая фантомы, была единственной, и, разглядывая растительные препара ты попеременно сквозь них и в лорнетку, я сделал одно два не совсем ни чтожных открытия. Через эти стекла человек и вправду «видел что есть» — только то, что видно простым глазом, ни сияния высшего мира, но зато и никаких призраков, порожденных нашим собственным разумом... Что ж, моя матушка всегда говорила, что хороший подарок тот, который хо чется оставить себе.

Слесарь был унылый белокурый еврей лет за тридцать. Уныние и безна дежность плотным облаком распространялись вокруг него, и даже светлые пряди у висков свисали как то особенно меланхолично, словно у них сил не хватало завиться веселыми кольцами. Он повертел в пальцах стекла Коппо лы, рассмотрел принесенный мной портрет Грибоедова, обреченно вздох нул. Я разъяснил ему, как должна быть устроена оправа, где находятся шар ниры, к которым крепятся заушины. Он, казалось, меня не слушал. Поло жил два стекла рядом, грустно воззрился на них. Они воззрились на него с тем же скорбным удивлением. Он снова переспросил меня. Я поведал со всей обстоятельностью, как надлежит плющить и гнуть железную проволо ку, дабы она удерживала стекла. Вздох был мне ответом... Услышав в третий раз печальное «и що вы хотите, щоби я изделал?», я не выдержал: русские и польские слова вылетели из головы, осталось лишь одно немецкое, зато длинное, его я и выговорил в сердцах. Оно произвело волшебное действие, печаль моментально рассеялась.

— Я понял вас, пане аптекарю, по онял, и для чего же так сердиться? За десять рублей и к послезавтриму...

«К послезавтриму» меня вполне удовлетворило, относительно десяти рублей мы поторговались, причем мастер совершенно ожил и сделался даже остроумен. «Ка ак, за десять рублей пан бы съездил в Миргород и назад? От пусть тот кучер вам и делает!» Договорились на семи с полтиной, и я ушел. На следующий день я все равно был зван в гости.

— «О, драгоценная, прелестнейшая Гармония! — вскричал Хризостом, словно невыносимая боль пронзила его сердце, — ничего не желал я так сильно, как заключить тебя в объятья и остаться подле тебя на всю вечность. Но я не могу нарушить обещаний, которыми связан. Не давши слова, кре пись, а давши, держись...» — хм, кто был переводчик, Иоганн?

— Не припомню сейчас имени, — признался я. — Поэт, его у вас знают. Ве невицын, Веневиди... имя русское, но похоже на vene, vidi, vici.

Серж весело рассмеялся, выпустив клуб ароматного дыма.

— Я понял. Что там было на самом деле?

— «Ein Mann — ein Wort». Не знаю, как перевести точнее.

— И не надобно, суть ясна. Итак, герой отказался от вознесения в царст во совершенной красоты и поэзии, потому что был связан земными обеща ниями и полагал их не менее священными, чем поэзия и красота... Наши критики сочли эту сказку сатирой на обывателя, сочиненной эпигоном Эрн ста Теодора Амадеуса. Сходство мотивов налицо: золотисто зеленая змейка, которая оборачивается прекрасной синеглазой девушкой. Бедный юноша видит эту змейку в древесной кроне и страстно в нее влюбляется, однако, в отличие от Ансельма из «Золотого горшка», отказывается от чудесной люб ви ради старой матушки, двух сестер бесприданниц и подруги детства, с ко торой он обменялся клятвами верности... Да, романтические герои вроде Ансельма обыкновенно бывают круглыми сиротами, авторам не с руки об ременять их семейством. Наказание за измену царице Поэзии, конечно, не замедлило... Только мне казалось тогда и кажется теперь, что это сатира со чинена не романтиками, а скорее, их противниками. Как ваше мнение?

— И да, и нет... — я затянулся дымом, чтобы помолчать. Серж был един ственным из числа моих здешних знакомых, с кем можно было толковать о литературе и прочих подобных материях. Менее всего мне хотелось, что бы он счел меня шутником и мистификатором либо экзальтированным бе зумцем. Это архивариусу Линдгорсту позволительно было объявлять сказку о духах и драконах собственным семейным преданием, а я посты дился даже объявить имя автора своей сказки — сообщил только, что мне доводилось читать это самое сочинение и по немецки, и не кто иной, как я, привез его в Москву.

Серж, или Сергей Александрович Б., некогда известный петербургский литератор и издатель, проживал в своем южном имении второй год безвые здно. Он не был членом тайных обществ, не участвовал в мятеже 1825 года, и обратного не смогли доказать все его враги. Если бы смогли, то пребывал бы он теперь куда дальше к северо востоку от благодатных малороссийских земель. Однако он был коротко знаком с двумя тремя известными русски ми карбонариями, даже публиковал сочинения кого то из них в своем жур нале. Правда, то были невинные поэтические опыты, но этого оказалось до вольно для серьезного подозрения в сочувствии и недоносительстве. Слу жебной карьере Сержа пришел конец, журнал был закрыт, и он покинул сто лицу для сельской жизни. В уезде его недолюбливали — вряд ли подозрева ли в нем заговорщика и цареубийцу, однако осуждали пристрастие к иност

ранным книгам и русским журналам, равнодушие к наслаждениям местной жизни, равно как и привычку выпивать в одиночестве. Либо в компании немца аптекаря, тоже, поди, революционера и фармазона.

Местные вина не идут в сравнение с немецкими, и даже знать здесь пред почитает разнообразные настойки и наливки. Серж обыкновенно пил водку на кориандре, да еще малороссийскую особенную водку, самое название ко торой происходит от слова «гореть». Едва ли и самый отважный гусар, не го воря о штатских лицах, решился бы отведать пылающий пунш, приготов ленный из такой амброзии! Да и лимонов здесь нелегко достать. Вместо них был шпик, натертый солью с толченым чесноком, колбасы, ничем не уступа ющие баварским, и колечки из сухого теста.

Глядя, как роса оседает на ледяном теле бутылки, взятой с погреба, созер цая сквозисто белые завитки дыма из наших трубок, уходящие в вечернее небо, что кротко глядело на нас меж яблоневых цветов (стол наш стоял в са ду, под роскошно отцветающей яблоней), я не сожалел о синем пламени и трескучих искрах немецкого пунша.

Водка в больших количествах производит на душу странное действие. Ни безудержного веселья, ни болтливости, что считаются важнейшими призна ками приятного возлияния: ты остаешься серьезен, ум твой ясен, даже бо лее, чем в трезвые минуты, мысли текут свободнее и скорее. При этом, одна ко, твое «я» обособляется, будто лодка, которую отталкивают от берега: дно ее еще трется о песок, но водяные струи увлекают прочь. Ты смотришь свы сока и со стороны на себя самого, на собственные и будто бы чужие заботы и беды, новообретенная острота разума впервые дает возможность распу тать эти узлы. Лишь одна трудность тут есть, и состоит она в том, чтобы вспомнить наутро все те прекрасные и удивительные мысли, что являлись накануне вечером.

Серж был младше меня годами двадцатью, но водка и это делала неваж ным. Сухое красивое лицо его в яблоневом сумраке, в кольцах дыма каза лось мне ликом неведомого духа, пришедшего ко мне для беседы. Наскучив моим молчанием, он заговорил сам:

— Во всяком случае, любовь героя, безусловно, метафора поэзии, искус ства. Автор даже дал девушке имя Гармония, отказавшись от аналогии с Гофманом...

— Как раз наоборот, — я обрадовался смене предмета, — автор подхватил и раскрыл аналогию. У сестрички прелестной Серпентины тоже змеиное имя. Вспомните Овидиевы «Метаморфозы».

Серж на мгновение задумался, но я не успел спросить, доводилось ли рус скому дворянину читать Овидия.

— Кадм и жена его Гармония?

— Дочь Марса и Венеры, которую боги по ее просьбе обратили в змею, — подтвердил я. — Как знать, может, миф о Гармонии змее и навел автора «Зо лотого горшка» на причудливую мысль о змейке Поэзии. Будучи юристом, он хорошо знал латинский язык и любил Овидия... насколько мне известно.

Мой собеседник одобрительно хмыкнул и разлил еще понемногу.

— Так, но что же с наказанием героя? Я позабыл окончание, а здесь... — он повернул журнал, и я ахнул. Последних листов не было, текст обрывался на середине.

— Хивря, — с досадой сказал Серж. — Баба глупая, наладилась печь пироги на листах из альманахов. Пока я не заметил, изодрала едва ли всю первую книжку «Полярной звезды» и взялась, как изволите видеть, за «Московский вестник». Я ей: «Что делаешь, дурра», а она: «Та що вы, пане, вон их у вас еще сколько...» А у меня был обычай: брал каждой книжки по два экземпляра и один отправлял сюда, в имение. На тот случай, если застряну тут надолго, вместо пилюль от скуки — и заметьте, как верно угадал! Ну, за прекрасных дам... Так каков был финал, вы помните?

— Наказание героя... — протянул я. — Наказание было обыкновенное, как положено в сказках: юный Хризостом получил то, о чем молил. Прекрасная Гармония спросила любимого, что подарить ему на прощание, на память о ней и о царстве высшей жизни. Хризостом отвечал примерно в таком роде: он, дескать, и так уже довольно несчастен, но станет еще несчастнее, если утратит новое зрение, которое обрел, полюбив Гармонию, и которое открыло ему столько прекрасного даже и в дольнем мире, так вот нельзя ли устроить так, чтобы он сохранил чудесную способность видеть суть вещей? Трижды Гармония умоляла его избрать иной дар, будь это земные блага или же необыкновенные душевные качества. Но все было тщетно: Хризостом не возжелал ни таланта поэта или композитора, ни способности привлекать людские сердца, ибо не хотел до самой смерти петь о том, что навеки для него недосягаемо, любовь же людская и вовсе ему не нужна. Он снова и снова просил возлюбленную оставить ему высшее зрение, и тогда Гармония, опять обернувшись золотисто зеленой змеей, ласково обвила его своими кольцами, раздвоенное жало, словно солнечный луч, коснулось ресниц юноши... и он очнулся там, где и жил, в познаньском предместье.

— А, так он был из прусской Польши? Уже не помню этих подробностей... Вы закусывайте, Иоганн, с горилкой шутки плохи. И что же дальше?

— Дальше, собственно, финал, — помолчав и откашлявшись, сказал я. — Высшее зрение принесло своему обладателю невыносимые мучения. Он взглянул на особу, с которой был помолвлен, и вместо юной девы из хоровода муз ему предстала напудренная барышня, которую продвижение по службе любимого и его виды на наследство от дядюшки волнуют – о, ужас, о, горе — не менее, чем его стихи. Взглянул на ковер из трав и цветов у себя под ногами — и вместо поэтических былинок и лилий увидел ботанические «экземпляры». Словом, совершенное зрение, развеяв сладкие иллюзии, уничтожило поэзию, навсегда лишив героя ее красот и повергнув в несчастье.

— И только то? — протянул Серж. — Не обижайтесь за вашего земляка, Иоганн, но это, воля ваша, не остро. Я ожидал большего, пока пытался вспомнить.

— В самом деле? — как ни глупо, я и вправду почувствовал себя уязвленным. — Чего же, к примеру?

Вместо ответа Серж продекламировал что то по русски. Русский я знаю изрядно, однако мало что понял. Стихи изобиловали поэтическими и старинными оборотами.

— Это из Пушкина.

Я наклонил голову с видом серьезным и почтительным. Александр Пушкин для русских то же, что для немцев Иоганн Вольфганг Гете. С той разницей, что Гете тайный советник в почтенных летах, а русский поэт молод и вольнодумен, нигде не служит и, вероятно, поэтому люди необразованные не относятся к его имени с должным уважением. Тем горячей, однако, любят его ценители поэзии.

— В начале говорится... — Серж помолчал, подбирая французские слова. — ...Примерно следующее: к одинокому человеку в пустыне явился светлый дух, серафим. Легкими, как сновидение, пальцами он коснулся его глаз, и они, провидя грядущее, раскрылись, как у испуганной орлицы... Дальше просто, позвольте, я по русски.

Действительно, дальнейшее я вполне уразумел — и незаметно прижал рукой забившееся сердце. Серж кончил декламировать и выжидательно посмотрел на меня.

— «Как труп, в пустыне я лежал»... — повторил я. Мороз побежал по коже. — Прекрасные стихи, мой друг. Прекрасные.

— Рад, что вам понравилось. Но вы поняли, что я хотел сказать? Высшее знание должно быть страшно не мелкими недоразумениями в частной жизни — оно ужасно само по себе.

— Чем же оно ужасно?

Серж опять рассмеялся.

— Что это вы спрашиваете, Иоганн! Дать точный ответ я не могу, так как, благодарение Богу, не обладаю высшим знанием. Но думаю, что во многом знании многие печали, а всеведения ограниченный человечий разум попросту не вместит.

— Что ж, это верно, — вежливо согласился я.

— Вы что то недоговариваете?

— Нет, пустяки. Просто мне подумалось, что ваш серафим добрее нашей змеи. Коснувшись очей и ушей, он не забыл дать поэту новый язык.

— Добрее? Ну вы скажете, Иоганн! Это же было самым страшным испытанием.

— И все же, представьте... (Я вовремя остановил себя: говори, да не заговаривайся, не доводи до неизбежного «откуда вам это известно».) И все же вы правы в том, что высшее знание не должно быть враждебно поэзии. Оно разрушает только пошлые заблуждения, настоящая же красота мира остается неприкосновенной и только лучше видна. Вспомните нашего Гете, он был и естествоиспытателем.

— Верно. И у Гофмана, сколько помню, золотая лилия символизирует вместе и высшее знание, и поэзию. Странно, кстати, что в сказке о Хризостоме и Гармонии золотой горшок и лилия ни разу не упоминаются, вы не находите?

— Действительно странно. Должно быть, герой оказался недостоин ли лии.

Надеюсь, ирония в моих словах не прозвучала слишком явно. Настоящее объяснение было простым: писать об этой лилии я не имел ни малейшего желания, ибо знал от самого автора, каким брутальным был первоначаль ный замысел «Золотого горшка». В первых редакциях помянутый горшок был куда более презренным сосудом, а чудеса, с ним происходящие, приво дили на ум озорную сказку Виланда о принце Бирибинкере, что мочился по меранцевой водой. Золотой же лилии, коротко говоря, вовсе не существова ло, как не бывало никогда огненного цветка папоротника. Кому и знать, как не студенту профессора Гофмана (не родственника Эрнста Теодора, а гет тингенского ботаника): цветок тайнобрачного растения есть эмблема бес плодных надежд, наподобие русского рака, свистящего на горе, а Lilium flammiferum не присутствует и в самом полном ботаническом атласе...

Его я повстречал, когда следующим утром возвращался от Сержа в город. Он сидел у ручья, осененного ивами: длинная рубаха навыворот, неописуе мые шаровары, босые грязные ноги, сизые от утренней прохлады. Козлиная бородка и длинные сальные волосы добавляли странности (в здешних кра ях бороду бреют даже простолюдины и очень гордятся этим отличием от обитателей северных губерний). Даже если бы он не вертел в воздухе кистя ми обеих рук, затейливо сложив пальцы, и не гудел в такт жестам, раз за ра зом выпевая терцию, не было бы сомнения: передо мной безумец.

Я уже видал раньше этого Иванка. Простолюдины, а иногда и дворяне охотно зазывали его к себе, кормили, задавали различные вопросы. Многие верили, что в его ответах мелькают прорицания будущего: например, если вол Иванку не нравится — верное дело, скоро сдохнет. Беда была в том, что говорил он редко и невнятно, и сам человеческую речь не понимал. Я молил ся, чтобы никто здесь не заметил того, что сам я знал твердо: если умыть Иванка Кацапа, сбрить ему бороду и облачить в немецкий сюртук...

Осторожно, опасаясь спугнуть, я приблизился к нему. Тут же отступил назад и зашел с другой стороны, откуда дул ветер. Где бы он ни странство вал сейчас, бань в этих волшебных землях не водилось, а возможно, также и горшков, хоть простых, хоть золотых.

Умалишенные бывают разные: бешеные или же задумчивые, подобные растениям, иные боятся черноволосых людей, а иные ненавидят капусту за то, что она отравлена, иные целыми днями плачут и ждут смерти, а другие смеются диким смехом и сочиняют плохие стихи. И есть еще такие, что не хотят либо не могут говорить с людьми и видят в обычных предметах боль ше, чем здравые умом. И часами смотрят в ручей, и смеются, и волнуются, будто читают занимательную книгу, написанную на песчаном дне иерогли фами света и тени.

Человек разговаривал с ветром на его собственном языке. Повторял его порывы и трепетания, выпевал его песню в ушах, его скольжение между ивовых листьев — так волосы скользят через гребень. Я не знал, слышит ли он сейчас музыку, перед которой «Волшебная флейта» — детский этюд, или

сам скользит между листьями, держась за шелковые пряди, или наслаждается радужными переливами, вспыхивающими перед ним с каждым новым порывом ветра, или смеется и кружится в танце с волшебными существами, настолько же превосходящими обычных людей, насколько Гете и Кант превосходят орангутанга. Я знал другое: пока это длится, от созерцания его не оторвут ни чьи бы то ни было требования, ни дождь или холод, ни иные прозаические нужды телесной сущности. Все это не более чем докучливый кашель в соседней ложе, не более чем нытье и попреки злой жены для вдохновенного композитора. И вправду — блаженный.

Тем горше будет неизбежное возвращение.

Мой собеседник угадал верно. Лгут романтики, но лгут и их противники. Нет ничего поэтического и возвышенного в умении видеть то, чего не видят заурядные люди, но не менее враждебно это умение прозаическому спокойствию, умеренности и трезвости, и всему тому, что зовется благим. Сочинитель сказки, переведенной на русский господином Веневитиновым, приумал язвительную мораль в назидание юным мечтателям, потому что действительность была стократ неприятнее.

Мать героя вскорости заболела и умерла, по всеобщему убеждению, от горя. Невеста героя после одного особенно непристойного случая вернула ему слово, сказав, что не может стать супругой припадочного, хотя бы он был богатым наследником и имел чин рефендария. Сестры героя, получив каждая по трети дядюшкина наследства, благополучно вышли замуж. А сам герой поспешил убраться с глаз долой, пока драгоценные родственники не добились, чтобы его официально признали умалишенным. Подальше от Восточной Пруссии, в Геттинген, потом и от Германии — в Петербург, куда едут многие немцы, затем в Москву, в южные губернии, чем дальше, тем лучше... Хризостом — Иоанн Златоуст — Иоганн Риттер из познаньского предместья, которого ты, любезный друг, так хорошо знаешь.

Что проку видеть скрытое от глаз, если люди считают подлинным лишь то, что может увидеть любой. А для того, что видим мы, даже нет и слов человеческих, за ненужностью человечеству. Если я начну рассказывать, что речь и другие звуки подобны огненным лентам, что рубиновое стекло, за которым горит огонек, поет скрипкой, что по мерцанию людей можно понять, здоровы они или больны, и что душа может парить отдельно от тела, то я окажусь в сумасшедшем доме быстрее, нежели успею договорить. Здраво мыслящие люди по этому именно признаку и узнают нас, умалишенных: мы зрим видения и слышим голоса. И чем я лучше безумца, воображающего, будто он король испанский, или другого, который доподлинно знает, что голова его сделана из стекла?

Лютер в своих «Застольных беседах» советовал предавать смерти сумасшедших, ибо они суть вместилища бесов. Современные нравственные понятия требуют их миловать, ходить за ними, не давая причинить вред себе и другим, что, конечно, куда более приличествует христианам. Вот даже и здесь, в губернском городе, говорят, теперь есть лечебница для них с особым доктором, с новейшими приспособлениями для водолечения и, буде явится

нужда, для усмирения буйных... Да только куда же деться от страха и омер зения?

Есть одно, в чем безумие и высшее знание сходятся между собой: они отъ единяют человека. Чем более необычно то, что нам открывается, тем мень ше людей, с которыми можно этим делиться. У гениев обыкновенно бывают один два достойных собеседника, у таких, как я, их вовсе нету. Не прими за обиду, дорогой Зигмунд, это не твоя вина, что ты не можешь разделить со мной бредовых видений; и знай, как благодарен я тебе за то, что ты все еще читаешь эти строки. Впрочем, иногда нам, безумцам, удается поговорить друг с другом.

Когда мне в руки попал третий том «Фантазий в манере Калло», я тут же кинулся в Берлин, отыскивать автора. У меня не было ни малейших сомне ний относительно того «странного способа», благодаря которому ему стала известна история студента Ансельма. И точно, я обрел товарища по несчас тью, который, в отличие от меня, внял предостережениям золотисто зеле ной змейки и сделал более разумный выбор, испросив себе дар писателя и композитора лишь с малой толикой безумия. Жало мудрыя змеи — и отзву ки высшей Гармонии, которые удается облечь в слова и ноты. Его жизнь могла бы стать довольно таки благопристойной, особенно в сравнении с мо ей, когда бы не маленькая дочурка американского консула, ныне счастливая супруга в высшей степени достойного человека...

То был последний вечер старого года, и я, должно быть, никогда не забу ду, как скрипели флюгера под пронизывающим ветром. Мы долго сидели в пивном погребке на Егерштрассе. Нас было четверо: я сам; ci devant капель мейстер, впоследствии сочинитель и юрист, убежавший со званого вечера без пальто и шляпы; долговязый субъект в туфлях, надетых поверх сапог, что ботанизировал на склонах Чимборасо (вот уж в это я бы никогда не по верил, если бы не получил из его рук совершенно свежий, будто только что сорванный, оранжевый цветок, описанный Гумбольдтом и Бонпланом); и еще один, низкорослый, что страшно боялся зеркал и получил за это от че ляди прозвище «Суворов»... «В нашем разговоре зазвучал тот юмор, кото рый доступен только смертельно раненым душам» — записал позднее один из нас, и к этому мне нечего прибавить. Нам, кто видел сияние высшего ми ра и получил за это, что причитается, от мира дольнего — один юмор и оста ется, заменой надежде.

Один московский литературный критик как то задал мне простодушный вопрос: почему это немцы ввели моду на романтическое безумие, или среди них сумасшедших больше, чем среди других наций? Я отвечал, что немцы сходят с ума совершенно так же, как прочие нации, однако в силу своего пе дантизма и склонности к порядку, каковая справедливо забавляет францу зов и русских, чаще бывают в силах противостоять безумию и рассказывать о нем. Мой ответ ему отчего то не пришелся по душе.

...На прощание я оставил Эрнсту Теодору одну из двух лорнеток и впос ледствии был рад узнать, что он подарил ее своему молодому приятелю, ны не известному читающей публике под именем Бальтазара, коему волшебные

стекла сослужили бесценную службу. Взамен я попросил о малом одолжении: не упоминать меня в числе собутыльников, сошедшихся в погребке той новогодней ночью. Возможно, и зря: создатель «Крейслерианы» представил бы мою плачевную историю лучше, чем она была на самом деле, и много лучше, чем это удалось мне самому.

На сем прощай, дорогой мой Зигмунд. Не знаю, свидимся ли мы когда ни будь, не знаю даже, как скоро ты получишь это письмо и получишь ли. Извини мне печально саркастический тон: ты сам понимаешь, что мне больше не к кому писать столь откровенно. Остаюсь верный твой друг, ***И.Т.Риттер***.

* * *

Немец достал из платка очки и молча положил их на стол.

— Благодарю вас за хлопоты, милостивый государь, — произнес Иван Федорович и подумал, не поклониться ли, потом решил, что получится нелов ко, потом все же приподнялся со стула и исполнил нечто вроде полупокло на. Никогда в жизни он не осмелился бы просить об услуге ученого профес сора проездом из самого Санкт Петербурга, да притом немца, да еще страда ющего нервной болезнью, потому что совершенно не знал, как с ним гово рить и чем отдаривать. Но тетушка была непреклонна, и пришлось поко риться. Сейчас Ивана Федоровича одолевало множество мыслей: надо ли спросить его о деньгах, или это выйдет обида, или, быть может, надо просто сразу вручить ему деньги — но сколько? И если очки окажутся плохи, мож но ли будет так прямо и сказать, или этим он выкажет невежливость? И что делать, если с профессором опять приключится припадок... впрочем, это то просто: поднести рюмку настойки... Все эти соображения повергали его в полную растерянность, и он действовал и говорил как во сне.

— Теперь уж надо их... э э...

Немец серьезно кивнул. Иван Федорович взял очки, медленно отогнул правую заушину, потом левую, и с видом решительным сунул между ними голову, так что окуляры заняли надлежащие места.

Мир, видимый сквозь круглые стеклышки, ничуть не переменился, все кругом лишь очертилось более четкими линиями и как бы отодвинулось вдаль, а огонек лампадки из красного кружка с пурпурной каемкой принял настоящий свой вид рубинового стеклышка. Тетушка Василиса Каспаровна и сквозь очки виделась прежней тетушкой, разве морщинок прибавилось.

— Что, друг мой, удобно ли? (Иван Федорович согласно качнул головой.) Поди к зеркалу, погляди на себя.

Подойдя к старинному зеркалу, которое мухи щедро усеяли веснушками, Иван Федорович увидел в нем свое лицо. Вопреки опасениям, очки не слишком его безобразили и даже придавали что то солидное, чему, однако, несколько мешали выпученные глаза. Иван Федорович постарался сделать значительное лицо, подобающее отставному поручику и хозяину имения, но вдруг не выдержал, тряхнул волосами и расхохотался. И тут же словно ка кая то дверца отомкнулась у него в груди, и дышать стало свободнее.

Он оглянулся на господина Риттера. И увидел немолодого человека в

длиннополом сюртуке сливового цвета; тонкие его седые волосы были зачесаны так, что наводили на мысли о пудреных париках екатерининского века. Худое лицо было серьезно, но на щеках залегли складки, словно он хотел улыбнуться. А глаза серо голубые, яркие, как у ребенка. Отчего то Иван Федорович в тот же миг позабыл свои тревоги и, напротив того, ощутил у себя в душе нечто забытое и весьма приятное. Когда он был еще не Иваном Федоровичем, а Ванюшей, и не обучался в поветовом училище, а жил здесь, с маменькой и батюшкой, и не знал, что за не вовремя сделанный вопрос или другое нарушение приличий и правил могут пребольно ударить линейкой по пальцам. Когда на хуторе являлись новые лица — все равно, ходебщики с лубками и народными книжками, землемеры с цепями и кольями или маменькины гости, до чего весело было подбежать, спросить: «Дяденька, а ты кто?» И слушать ответы...

— Милостивый государь, я премного вам обязан! Ей Богу, будто глаза водой промыли. Прошу извинить, как величать вас по батюшке?.. Скажите, Иоганн Теодорыч, вы сделали их сами?

Господин Риттер широко улыбнулся.

— Стекла у меня были с собой, а оправу я заказал гадячскому слесарю.

— Что вы заплатили этому мошеннику?! — тут же вмешалась Василиса Каспаровна. — Скажите, сколько вы ему дали, это наш расход.

— Пустяки. Мне в удовольствие сделать подарок моему тезке.

— Подарок! Ах, да как же можно...

— Тетушка, — перебил ее Иван Федорович, и Василиса Каспаровна удивленно умолкла. — Отчего вы не прикажете подавать завтрак?

Подъезжая к господскому дому в селе Хортыще, Иван Федорович еще с повозки увидел во дворе черноволосую барышню, старшую из двух сестриц — Лизавету. Она, обернувшись на лай собак, подозвала босоногую девку и что то ей сказала на ухо. Девка опрометью кинулась в дом, а барышня осталась посреди двора, улыбаясь едва приметно, как если бы ей на ум пришло что то чрезвычайно смешное.

— Имею честь доложить вам мое почтение, любезнейшая Лизавета Григорьевна, — произнес Иван Федорович, подходя на приличное расстояние и кланяясь. — Все ли у вас благополучно?

Лизавета Григорьевна от неожиданности даже моргнула. Это была едва ли не самая длинная речь, ею слышанная от соседа. Ресницы ее, к слову сказать, были очень хороши.

— Вполне, душевно вам благодарны, — отвечала она, по прежнему усмехаясь, — только диву даемся, отчего вас давно не видно. Что это, у вас очки?

Иван Федорович не мог отвести от нее взгляда, словно видел впервые или был поражен чем то в ее наружности — как оно, собственно, и было. Сестрица Григория Григорьевича не отличалась особенной дородностью, но фигуру имела статную и соразмерную. Выйдя из возраста, в каком обыкновенно ищут женихов, она бросила затейливые наряды и девичье жеманство, однако простое кофейного цвета платье смотрелось на ней чрезвычайно мило, несмотря даже на то, что лиф был несколько тесен. Черную свою косу

Елизавета Григорьевна закалывала на темени таким способом, что полу чалось похоже на пышную плетеную булку. Через плечо ее были переки нуты несколько длинных мотков нитей, окрашенных в лиловый, синий и малиновый, и это неумышленное украшение сообщало ей нечто удиви тельно прелестное.

— Очки, Лизавета Григорьевна, велел мне носить постоянно профессор Риттер, что проживает сейчас в Гадяче. — Иван Федорович поправил окуля ры и тут же соврал, будто бес толкнул его под ребро: — Сказал, что иначе мо гу и вовсе ослепнуть.

Лизавета Григорьевна ахнула и подняла пальцы к щекам, и это проявле ние участия очень обрадовало Ивана Федоровича.

— От глаз надо пить водку, перегнанную на золототысячник, — сказала барышня серьезно, будто самый ученый доктор из Петербурга. — Я вам дам с собой бутылочку, пожалуйста, испробуйте.

— Буду крайне вам признателен, дорогая Лизавета Григорьевна, — отве чал Иван Федорович с трепетом в голосе, наклоняя голову точь в точь так, как это делывал один его полковой товарищ. При этом ему даже и не вспом нилось, что бутылок золототысячниковой в тетушкином погребе не менее дюжины, о чем Иван Федорович прежде не преминул бы сообщить. — Не пременно испробую, и на минуту не сомневаюсь, что поможет.

Тут он снова встретился с ней глазами, и обнаружил, что в этом нет реши тельно ничего неловкого, а напротив, все именно так, как ему и следует быть.

— А вы, я гляжу, — он осторожно протянул руку и поддел пальцами ма линовую нитку, — красили шерсть для ваших превосходных ковров?

— Девушки красили вчера, сегодня уже высохла. Досадно, малиновый бледен вышел.

— Нет, отчего же, очень красиво, — возразил Иван Федорович и слегка потянул нитку к себе. — Жалею от всей души, что не имел еще случая озна комиться с этим промыслом.

— На что вам? — Лизавета Григорьевна теперь казалась несколько сму щенной. — Это дело женское, мужчинам не занимательно.

«Чтобы знать, как все это ковроткачество устроить на нашем хуторе, ког да мы с вами обвенчаемся», — чуть было не сказал Иван Федорович — до то го легко ему теперь стало, но все же смекнул, что это будет несколько преж девременно, и вымолвил тихо:

— Мне все то занимательно, что занимает вас, Lise.

По французски Иван Федорович не знал почти ничего, но что Лиза будет «Лиз», помнил отменно, от того же полкового товарища.

— Но что ж мы стоим посереди двора? — Щеки Лизаветы Григорьевны порозовели ярче ее ниток. — Пожалуйте в дом, маменька, должно быть, уже на стол собирает. Маша будет вам рада, она о вас спрашивала...

— Не надо! — внезапно перебил ее Иван Федорович. Прежде бы он умер со стыда, вырвись у него столь неучтивое слово, или, по крайности, коли ос тался бы жив, ничего больше не вымолвил бы до нового дня, теперь же он

ясно видел, что сказал именно то, что надлежало. Лизавета Григорьевна отворотилась в сторону и, потупившись, принялась наматывать на пальчик пушистую лиловую нитку.

Через ее плечо Иван Федорович увидел в окошке физиономии остальных Сторченок. Марья Григорьевна, наряженная в голубое платье и шаль, кажется, приготовлялась плакать, Григорий Григорьевич имел такое выражение лица, словно собирался, по своему обыкновению, вскричать: «Что это, что это?!», маменька же их просто раскрыла рот в изумлении, наблюдая, как живо ее старшая дочь беседует с господином Шпонькою.

— Простите, Лизавета Григорьевна. Но только я так рад вас видеть...

— Вы от этого не ездили к нам? — тихо спросила она.

— Да, от этого, — Иван Федорович, хоть не совсем понял, почувствовал, что самое лучшее будет согласиться.

— А теперь вы...

— Теперь я буду иметь честь просить руки вашей, Лизавета Григорьевна, — и даже произнося эти страшные слова, что и в сердце самого великого храбреца поселяют ужас, Иван Федорович не оробел и не запнулся.

— Моей? Но... братец мне приданого не назначит, он хочет, чтобы Маша сделала партию...

— А пусть он поцелуется с тем приданым, у меня в Вытребеньках всего довольно; да, впрочем, я буду с ним говорить и об этом. Но скажите, Lise, вам то я не слишком противен?

Лизавета Григорьевна ничего не сказала, а только чуть приметно покачала головой, потом добавила шепотом.

— Как чудно... Ведь мне весной говорил Иванко Кацап, что я прежде сестрицы замуж выйду. Он блаженный, знаете? Братец смеялся над ним, и я не поверила...

— Напрасно не поверили, даю вам в том слово дворянина. А что до блаженных, иные из них точно...

На этот раз Иван Федорович, как и прежде с ним бывало, не окончил фразы, позабыв, что хотел сказать, но виною тому была уж не робость.

...Только то и сделал бестолковый немец, что Ванюша посватался вместо младшей сестры к старшей! Глаза вылечил, а ума лишил. Грех мне бранить господина Риттера, добрый он человек, без него Ванюша, чай, так бы и хлопал глазами перед девицами, не в силах слова вымолвить. Но подумайте только — перестарка за себя взял, да еще и без приданого, ничего ведь за ней не дал старый лиходей, кроме луга, а этот луг по настоящему и так был Ванин... Спору нет, Лиза девушка славная, за кухней надзирает хорошо и сама стряпает, хоть до матери ей далеко. А только лет ей давно уже не двадцать, и как то еще обойдется, о Господи вседержителю... — Лизанька, для чего ты встала так рано? Тебе надо больше спать, и так вчера допоздна сидела, это нездорово... Да что же, убегут твои узоры? Хоть и сегодня их нарисуешь, хоть и завтра, будут у нас ковры не хуже, чем у твоей матушки. Поешь пока пампушек с маком, а я Солохе скажу принести вишневого узвара кисленького, или вот свежих вишен Гапка нарвала... Ну как знаешь, может быть,

потом захочется. А если тебе что нибудь нужно, или так просто, фантазия какая придет, ты говори мне сразу, слышишь?

Ивана Федоровича, его тетушку и жену я навещал по меньшей мере один раз в неделю. Ездил на обывательских либо ходил пешком: кучер Омельян, которого недавно обвенчали с Ганной, поглядывал на меня, как москвич на француза.

Узнав, какое действие возымели очки Копполы, я положил остаться здесь по крайней мере до следующей Пасхи. Пока не явится на свет наслед ник хутора, крытого тростником. Я знал, что будет мальчик, и надеялся, что сумею вовремя заметить неблагополучие. Так или иначе, не хотелось остав лять Лизу на милость бабок повитух, а единственный доктор в городской больнице — теперь мой хороший друг, да и сам я не все забыл из лекций «от ца акушеров», славного профессора Озиандера. Как говорил пастор, любив ший некогда обедать у матушки, доброе дело не бросают на полпути. К тому же Серж у себя в имении затеял писать романтическую повесть и о каждой главе спрашивает моего мнения и совета. Наконец, флора южных губерний России по прежнему изучена прискорбно плохо, и на мои письма из Моск вы и Санкт Петербурга приходят самые восторженные отзывы...

Василиса присела к столу, с тревогой взирая на невестку, которая все дер жала вишенку за хвостик и не несла к губам. Женщины не смотрели на ме ня, и я поднес к глазам лорнетку.

В окаймлении кобальтовой сини васильков, словно пламя, изваянное из золота, сияла огненная лилия.

2009

ДЖОРДЖ ЛОКХАРД

СВИНЦОВЫЙ КОВЧЕГ

Смотри, огромное море...
Ты видишь точку вдали?
Смотри, бездонное небо,
К нему прикован твой взгляд...
Смотри, приблизилась точка,
Ты видишь — это корабль,
А там бескрайнее небо,
Что видишь ты в высоте?

Наутилус

ОН ДВИГАЛСЯ С ПЛАВНОСТЬЮ ЛЕДНИКА, СКОЛЬЗЯЩЕГО к цветущей долине, столь же неотвратимо и страшно. Оружие в его руке дрожало мелкой, едва видимой дрожью, холод покрывал глаза безжалостным узором. Сегодня, до восхода солнца, многие жизни прервутся. Он постарается, чтобы их было больше.

В душе царила абсолютная пустота. Там не осталось ничего, ушла даже боль. Его предупреждали, что так и будет, но страх умер одним из первых, опередив остальные эмоции. Теперь он просто шагал по тропе, чувствуя, как оружие оттягивает руку.

Раньше он кого то боялся, кого то любил... Это осталось в прошлом. Сей час он только ненавидел. Его мир сузился до узкой, прямой и очень, очень холодной тропы, и он знал, что на том конце — пропасть, и ему было все рав но. Лишь бы успеть. Сделать то, ради чего – теперь стало ясно — он в муках явился на этот жестокий свет.

Ритмичное дыхание идущих следом звучало подобно песне кузнечных мехов. Он слушал, вспоминал, и частичка его сердца по прежнему сжима лась от горечи. Сколько же пришлось пройти, прежде чем им открылась жуткая тропа, ведущая в пропасть... Сколько боли, сколько ненависти — и сколько любви осталось позади! Любовь могла бы залечить раны в их ду шах, если бы ей позволили.

Но тогда источник ненависти останется цел. А это значит, что сотни, ты сячи жизней будут обрываться в мучительной агонии, год за годом, столетие за столетием. Он вызвал в памяти одну из сжигавших его картин, и оружие дрогнуло сильнее.

Шли молча. Когда впереди открылась цель, Солнце поспешило скрыться за горизонтом, не желая ни видеть, ни слышать, ни думать о том, что долж но было скоро произойти.

Солнцу на следующий день вновь предстояло светить...

1

Ржавые прутья торчали из обломков эстакады как ссохшиеся, окровавленные сухожилия. Низкие хлорные облака ядовито желтого пара клубились над горячим озером, вспученной кожей отражаясь в его мутной воде, наполняя и без того смертоносный воздух невыносимым зловонием. Масляная пленка на камнях меняла цвет с каждой волной.

Медведь сидел под нависшим осколком древней магнитной дороги и наслаждался теплом, тянувшимся от горячей воды. Погода сегодня была хорошей. Серый снег сходил на нет в десятке метров от берега, ветер гнал поземку из отяжелевшего влажного пепла. Под его напором провода и обрывки тросов, свисавшие с эстакады, извивались, как змеи, с раздавленными головами.

Вой ветра едва проникал сквозь шлем скафандра; тяжелое дыхание Медведя и ритмичное жужжание моторчика снегоочистителя почти забивали остальные звуки. Но это не страшно, поблизости от озер краты не летают. Запах хлора столь же противен им, как и людям.

Медведь взглянул на часы, мысленно выругался и еще раз пересчитал канистры. Семь полных, одна на треть. Удачный рейд, теперь можно целый месяц отдыхать. Давно пора... Медведь чувствовал слабые угрызения совести за то, что так гонял пацана. Конечно, для него здесь дом родной, но все же... Парню ведь едва перевалило за двенадцать. Сам Медведь в таком возрасте даже на поверхности еще не бывал.

— Талли, завязываем, — произнес грузный, широкоплечий пожилой мужчина в белом защитном скафандре. Его длинные седые волосы были собраны под шлемом в хвост, глаза скрывал светофильтр. Скуластое лицо никто не назвал бы красивым.

— Я сейчас! — звонкий голос из наушников заставил Медведя поморщиться. Давно пора починить приемник, так и оглохнуть недолго.

— Талли, нам пора.

— Ну еще минутку! — в голосе мелькнуло напряжение. — Я почти... Отбил... Есть! Возвращаюсь.

Из озера вынырнуло странное пучеглазое существо с толстыми, неловкими лапами и волнистой коричневой кожей. Медведь включил лебедку и вытолок термический скафандр на берег. В одном из манипуляторов мрачно алел крупный булыжник.

— Смотри, какой самородок! — Талли протянул камень. — Там и поболь...

Медведь отпрянул:

— Выброс! — резко приказал он. — Быстро и сильно, дальше от берега!

Мальчик запнулся. Но жизнь давно приучила его к осторожности, и сейчас, ни словом не возразив, он неуклюже махнул рукой, бросив булыжник в воду. Медведь оттащил скафандр Талли назад.

— Не трогай то, с чем не знаком, — терпеливо сказал он, когда мальчик раскрыл зажимы на плечах и откинул шлем. — Эти камни называются бурсы. Они твердые лишь в воде, на воздухе плавятся. Мог лишиться руки.

Талли молча кивнул. Он отличался от своего приемного отца, как снег от огня. Высокий, гибкий, его бледная белая кожа казалась прозрачной, на

плечи ниспадали гладкие темно серые волосы. Длинное и узкое лицо Тал ли, острые уши, серебристые миндалевидные глаза и неестественно длин ные, хрупкие на вид пальцы, не оставляли сомнений в родстве мальчика с очень редкими и таинственными мутантами, которых люди прозвали «зоннерами».

— Проверь уровень, — попросил Талли. Медведь отцепил с пояса счетчик и дотронулся сенсором до шеи мальчика. Цифры на дисплее отразили более чем восьмикратную смертельную дозу облучения — смертельную для чело века.

— Все в порядке, — буркнул Медведь. — Снимай жакет и лезь в кузов под душ.

Мальчик вздохнул.

— А можно, я пока посижу в скафандре?

— Лезь, не бойся. Я прогрел машину заранее.

Талли просиял:

— Спасибо! — юрко выскользнув из термокостюма, он голышом поскакал по снегу к массивному вездеходу, спрятанному в ближайшей воронке. Тя жело покачав головой, Медведь принялся собирать вещи.

***

За минувшие дни дорога, прорезанная плазменным грейфером, вновь об леденела и скрылась под толстым слоем серого снега. Вездеход медленно полз в ночи, содрогаясь от чудовищных порывов ветра. Молнии непрерыв но рассекали небосвод, время от времени били в машину, наполняя кабину зловещим гулом, стеклоочистители беспомощно метались перед глазами. Медведь чувствовал, как под гусеницами вездехода хрустит ледяной пепел.

Он был уже стар, ему перевалило за сорок. Немногие люди могли похва стать столь долгой и успешной жизнью. Прозвище «Медведь» он получил за необоримую, дикую природную силу, позволявшую ему голыми руками гнуть траки от гусениц и рвать брезент; настоящее имя — Айван — давно ни кто не употреблял.

«Почти никто» — Медведь покосился на Талли, уютно свернувшегося прямо под пультом управления. Там находился раструб обогревателя каби ны, а мальчик, как и все зоннеры, очень любил тепло.

Несколько лет назад они раскопали чудом сохранившийся визор, где сре ди кристаллов нашелся фильм про животных. Увидев кошек, Медведь был поражен. Сейчас, глядя на спящего мальчика, старый охотник не впервые поймал себя на мысли, что в Талли есть очень многое от тех грациозных, давно вымерших тварей. Возможно даже, в первые десятилетия после Паде ния какой то безумец создал зоннеров из кошек...

— Что случилось, Айван? — не раскрывая глаз, внезапно спросил Талли.

Медведь вздрогнул:

— Ничего.

— Ты смотрел на меня.

— Размышлял.

— О чем? — Талли открыл слегка вытянутые серебряные глаза и улыб нулся.

Медведь покачал головой.

— О всяком, — он вздохнул. — Спи дальше. Ураган скоро кончится, утром могут появиться краты. Лондон всего в трех сотнях лиг отсюда...

Талли сел.

— Пролетит над нами? — спросил он серьезно.

— Да.

— Мы успеем вернуться?

Медведь ощерил неровные зубы в ухмылке.

— Если не помешают.

Мальчик выбрался из под пульта и уселся в кресло второго пилота. Заку тался в теплую накидку.

— Айван, а ты бывал под городом?

Старый охотник покосился на Талли.

— На поверхности?

— Ну да.

Медведь отвернулся.

— Я жив, — сказал он угрюмо. — Значит, не бывал.

Вездеход качнуло на глубокой трещине, Талли пришлось вцепиться в подлокотники. Медведь привычным движением выпрямил машину.

— Если ты на поверхности, прятаться негде, и приближается город, зарой ся в снег, — посоветовал он хмуро. — Заройся глубоко, как только сможешь. Это все равно не спасет, но... Так спокойнее. Можно верить, будто есть шанс.

Талли подался вперед:

— А шансов совсем совсем нет?

— Совсем, — резко ответил Медведь. — Сенсоры просвечивают снег на де сять метров. Впрочем, у таких, как ты, один шанс все же есть... — он обернул ся к мальчику. — Детекторы не найдут человека в зоне сильного излучения. Запомни, если случится так, что мы не успеем в убежище, выбирайся из ма шины, раздевайся и беги к ближайшей воронке. На тебе не должно остаться ничего металлического или пластикового.

Талли помолчал.

— Я замерзну.

— В воронках всегда тепло, — хмуро ответил Медведь. — Подождешь там... пока со мной закончат, потом забери из машины скафандр и дуй в убе жище.

Некоторое время слышен был только вой урагана снаружи. Мальчик зяб ко кутался в накидку.

— Над моим островом города не летали, — сказал он внезапно. — А здесь... Будто плохой сон...

— Кто бы нас разбудил, — буркнул Медведь.

— Неужели это везде? Во всем мире — так?

Старый охотник покачал головой.

— Только на поверхности.

Талли сжал кулаки.

— Другого дома у нас нет!

Медведь усмехнулся.

— Ты не хуже меня знаешь, как попасть в город. Будешь жить сытно и спокойно... Одни заботы от этой «свободы», — он передернул плечами. — Чем старше я становлюсь, тем чаще над этим задумываюсь.

Талли отпрянул.

— Айван, с тобой все в порядке? — спросил он тревожно.

Медведь хотел сплюнуть, но вспомнил, что очиститель кабины давно сломался, и лишь выругался сквозь зубы.

— Слишком в порядке, — отозвался он угрюмо. — Спи. Утром придется работать за четверых.

Притихший мальчик кивнул и вновь забрался к себе под пульт. Вездеход мерно покачивался на застывших волнах вскипевшей земли.

2

Тучи смущенно порозовели, встречая обнаженное Солнце, и сомкнулись плотнее, оберегая наготу светила от бесстыжих взглядов людей. Перепад температуры, как всегда, вызвал кратковременную метель, но за ночь ураган уже разметал весь рыхлый снег, и воздух быстро очистился. Медведь бросил взгляд на шкалу термометра.

— Плохо, — пробормотал он, отметив заметное потепление. Теперь краты появятся наверняка. Вопрос лишь, сколько и как хорошо вооруженные... А до убежища предстояло ехать еще пару часов.

Круглый экран радара пока оставался чистым, однако это ничего не значило. Радиус действия установки не превышал полулиги, чтобы ее труднее было засечь из пролетающего вдали города. Кроме того, Медведь знал, что некоторые краты ни во что не ставят сам процесс охоты и ценят лишь трофеи. Такие могли затребовать со спутника карту перемещений дичи и с двух трех лиг запустить в вездеход ракету...

— Эй, — Медведь толкнул спящего мальчика. — Вставай.

Сонный Талли выбрался из под пульта и уселся в кресло второго пилота. Зевнул, бросил взгляд на термометр... Огляделся сквозь обледеневшие окна кабины.

— Оттепель?

— И ветра нет, — Медведь вздохнул. — Вот что, парень. Одевайся теплее, садись на сани и жми обратно по нашему следу. В лиге от машины брось чаффу и полным ходом обратно.

Удивленный Талли обернулся:

— Разве у нас еще остались чаффы?

— Есть... Парочка... — неохотно признался Медведь. — Думал сберечь...

Мальчик уже напяливал толстый вектильный комбинезон.

— А может, пронесет?

— Слово «может» убило больше охотников, чем краты, — Медведь грузно выбрался из кресла и положил тяжелую руку на хрупкое плечо Талли. —

И вот еще. Возьми радар и карту. Увидишь, что меня засекли, даже не думай возвращаться, гони в убежище.

— Ясно, Айван. — Талли серьезно кивнул. — Удачи тебе.

— Крату под хвост, — буркнул Медведь.

Он помог мальчику выгрузить тяжелые аэросани и несколько секунд стоял в дверном проеме, глядя как вдали исчезает сверкающий снежный вихрь. Вездеход неторопливо полз вперед. Слишком неторопливо для такой погоды.

Вернувшись в кабину, Медведь отключил все контуры, которые можно было засечь издали, довел обороты турбины до предела и слегка изменил курс, рассчитывая выиграть пару минут. Мысли бросить вездеход у него даже не возникло; эта машина кормила и спасала стольких людей, что легче было погибнуть в когтях развлекающегося крата. Старый охотник не заметил, как на гаснущем экране радара возле яркой блестки аэросаней появилась другая, маленькая и тусклая.

Талли в это время наслаждался гонкой. Ему редко доводилось управлять машинами, даже в убежище: слишком уж редкими и ценными были работающие аппараты. Однако шалости или бессмысленное лихачество мальчика не влекли: он знал цену опасности. Дома, на острове... Пока у него был дом... Пока не прилетели эти чешуйчатые гады...

Талли встряхнулся. Прошлое не вернуть. Отомстить за родителей он сможет, лишь когда вырастет и научится у старого Медведя всему, что тот знает. Мальчик глубоко уважал своего мрачного опекуна, хотя полюбить его так и не сумел. Однако он отлично знал, сколь многим рисковал Медведь, когда взял на воспитание полумертвого детеныша мутанта. И еще Талли знал, какая судьба его ожидала, окажись в ту ночь рядом с разбитой машиной другой человек...

Спидометр отметил полную лигу, и мальчик резко развернул сани, заставив их пойти юзом. Маленький радар, примотанный к рулю изолентой, обладал слишком низкой чувствительностью, чтобы засечь вездеход в лиге отсюда, поэтому Талли с некоторым удивлением заметил слабый, размытый сигнал в том направлении.

«Что то отражает», — решил он, выбрался из саней и быстро закопал в снег небольшую черную коробку. Но едва чаффа заработает, радар ослепнет, поэтому, прежде чем включить ее, Талли вернулся к саням и еще раз взглянул на припорошенный серым инеем экранчик. Сигнал явно приблизился, однако оставался столь же нечетким. Словно...

Мальчик вздрогнул всем телом. Он уже видел такой сигнал, в ночь, когда погибли его родители. Совсем близко отсюда, менее чем в трехстах метрах, искал добычу «скорпион».

Талли совершенно автоматически бросился к саням, прыгнул в седло и уже коснулся кнопки, когда до него дошло, что робот охотится не за вездеходом, а за ним. Это, должно быть, был очень старый или поврежденный «скорпион», иначе радар никогда бы его не обнаружил. Если вернуться к Медведю, робот пойдет по следу и уничтожит вездеход...

Молодой зоннер в отчаянии огляделся. Увиденное его не обрадовало. Метрах в ста на север начинались руины какого то довоенного поселения, осколки стен торчали из снега ребрами мертвых животных. Рухнувшая эс такада магнитной дороги, вдоль которой они с Медведем добирались до озе ра, здесь уже полностью ушла под землю. Никакого укрытия, даже воронок поблизости не было.

Из оружия у мальчика имелся только пистолет и одна небольшая грана та, против бронированного «скорпиона» — все равно, что иголка против кра та. Шансов не было. Хотя...

Вскочив, Талли бросился к месту, где закопал чаффу, вытащил ее и быс тро вернулся к саням. Двигатель взвыл на максимальных оборотах. Едва удерживая равновесие, Талли домчался до руин неизвестного поселка и рез ко затормозил у стены здания, которое сохранилось лучше других. Если по везет... Очень повезет...

Он толкнул сани под самую стену, вывинтил крышку топливного бака, сорвал с руля радар и изолентой примотал гранату к горловине. К счастью, мальчик всегда носил с собой моток проводов на случай поломки электро оборудования.

Талли привязал провод к кольцу гранаты и, двигаясь как можно быстрее, отступил под прикрытие ближайшего куска стены. Прикрытие было весьма жалким, ну да ничего, «скорпионы» никогда не отличались интеллектом, а здесь, наверное, будет одна из первых моделей. Лишь бы взрыв не привлек крата или другого робота... Глубоко вздохнув, Талли быстро зарылся в се рый снег. Теперь оставалось только ждать.

Минуты тянулись бесконечно. Талли нервничал, опасаясь, что робот не заметит отсутствия человека в санях и уничтожит их издали. Но ему повез ло. Вскоре послышался слабый шум воздуха и справа, метрах в двадцати от затаившегося мальчика, из снежной пустыни возникло жуткое серо белое чудовище.

Такого старого «скорпиона» Талли не видел даже в учебной книге. Робот, видимо, не раз и не два участвовал в боях, его панцырь был сильно погнут и даже пробит в нескольких местах. Мягкая брезентовая подушка, призван ная уменьшать шум от глайдерного движетеля, так истрепалась, что больше походила на бахрому, смертоносный «хвост» с дальнобойным лазером был перебит и укреплен заново ржавыми распорками, неловко приваренными к боковым ребрам жесткости. Увидев эти распорки, Талли сразу догадался, что именно засек его радар.

Однако даже такой, полусломанный «скорпион», оставался страшным противником. Обе камеры объемного зрения на передней части машины функционировали. Обнаружив пустые сани, робот подлетел к ним вплот ную, выпустил тонкие опоры и отключил нагнетатели.

Из люка между камерами выдвинулось щупальце с сенсором запахов. Талли ощутил, как сердце забилось сильнее. В ту ночь... Ребенок лежал меж ду трупами родителей, покрытый их кровью, и «скорпион» его не засек. Эта... Проклятая железяка!

Ненависть рванулась в горло обжигающим свинцовым потоком. Талли молча дернул за провод. Щелканье чеки заставило робота мгновенно втянуть щупальце и развернуть лазер к саням, однако нагнетатели были уже выключены, и скрыться «скорпион» не успел.

Сильный взрыв подбросил старого робота, вывернув ему левый борт. Аэросани разметало в клочья. Тем не менее, хотя «скорпион» сильно пострадал, уничтожен он не был, и Талли уже готовился к последнему сражению, когда подрезанная взрывом стена тяжело накренилась и рухнула, похоронив робота под обломками.

— Хэйя! — Талли издал торжествующий вопль. Выбравшись из укрытия, он, не удержавшись, подбежал к дергающемуся роботу и пнул его ногой. Потом, спохватившись, вытащил ключ, быстро отвинтил держатели на борту «скорпиона», открыл люк и повернул металлический тумблер. Сервомоторы последний раз взвизгнули.

Только теперь пришел страх. У мальчика подкосились ноги, он сел прямо в снег рядом с неподвижной машиной. Вокруг догорали брызги топлива из взорванного бака аэросаней. Несколько минут Талли тяжело дышал, пытаясь справиться с волнением.

Он не сразу заметил, что за рухнувшей стеной неизвестного здания лежало что то очень странное.

***

Эстакада магнитки осталась далеко слева. Вездеход с урчанием полз по снегу, заметный с огромного расстояния. К счастью, недолгий штиль уже сменился свежим ветром, гнавшим хлорный туман с горячих озер, и Медведь вздохнул с некоторым облегчением. Поэтому сигнал по аварийной видеосвязи застал его врасплох.

Пару секунд Медведь недоверчиво смотрел на индикатор. Если глаза не врали, его вызывал Талли. Но он же сто раз говорил парню, чтобы тот не пользовался связью в дневное время! Наверно, что то случилось...

— Быстрее! — рявкнул Медведь.

— Тут был «скорпион»! — донесся слабый, обезображенный помехами голос. — Я его взорвал! Сани тоже!

Старый охотник мысленно застонал. Он уже надеялся без проблем добраться до убежища...

— Вернись к эстакаде. Я выезжаю.

— Поскорее! — голос Талли был едва понятен. — Я здесь такое нашел! Не поверишь!

— Поверю, поверю... — пробормотал Медведь. Теперь придется ставить машину на автопилот, а самому ехать обратно на вторых аэросанях. Если появятся краты, это будет для них настоящим подарком.

Ругаясь вполголоса, старый охотник натянул антирадиационный скафандр, сменил баллоны с воздухом и выбрался на крышу вездехода. Вторые аэросани были закреплены на внешней подвеске, чтобы последний оставшийся в живых пилот сумел воспользоваться ими в одиночку. Медведь

устроился на сидении, пристегнулся, запустил двигатель и повернул рычаг главного зажима. Хлорный туман рванулся навстречу.

Ориентироваться на следы вездехода было легко. Слишком легко. Любой крат выследил бы охотников с закрытыми глазами. Оставалось надеяться, что поблизости их нет.

«Может, пронесет» — вспомнил Медведь и стиснул зубы.

Он домчался до места за двадцать минут. Талли прятался в сугробе. Подбежав к старому охотнику, он уселся позади него в седло и жестом указал направление. Аэросани стремительно подлетели к руинам.

— Смотри, какого «скорпиона» я завалил! — не удержался мальчик.

Медведь только покачал головой.

— Молодец. Вытащи из него батарею.

Пока Талли исполнял приказ, охотник подошел к рухнувшей стене и задумчиво осмотрел то, что за нею скрывалось. Такого он еще не видел. ЭТО напоминало металлический скелет громадного зверя, вроде крата, но совсем иного вида, с остатками крыльев по бокам туловища. Гидравлические цилиндры и трубочки на месте главных мышц не оставляли сомнения, что находка была роботом, однако о таких роботах Медведь даже не слышал, а в этом деле он был специалистом. Единственное объяснение, приходившее на ум. — Талли умудрился отыскать необычайную редкость, довоенного боевого дроида, которые триста лет назад сражались в пылающем небе, где еще не царствовали краты со своими летающими городами. Медведь невольно присвистнул.

Если перед ними настоящий боевой дроид, то он сохранился лучше всех, о которых старому охотнику доводилось слышать. Скелет не был расплющен или сломан, лишь несколько «костей» казались погнутыми. Остов крыльев напоминал зонтик с оборванной обшивкой, однако ни реактивных сопел, ни винтов видно не было. Самой странной деталью оказалась «голова» — она сидела на гибкой шарнирной «шее» и походила на череп крата, только вдвое меньше нормального и вытянутый назад. Пожалуй, разобрав эту машину, можно будет узнать ее устройство и даже — чем черт не шутит? — попытаться ее восстановить... Ничего себе находка!

Тем временем Талли вернулся с сердцем «скорпиона», массивным радиоактивным цилиндром из ядовито желтого металла. Медведь помог ему укрепить батарею на левой лыже аэросаней.

— Что думаешь? — спросил мальчик, кивнув на странного робота.

— Повезло.

— Знаешь, его на радаре не видно! — Талли протянул старому охотнику свой прибор. — Словно это и не металл вовсе! Здорово, правда?

Медведь нахмурил брови.

— Странно... — пробормотал он, глядя на экранчик радара.

— Ага, еще как! — Талли счастливо улыбнулся. — Потому его и не нашли раньше. Айван, а как мы его заберем?

— Волоком, — мрачно отозвался охотник. — Вернемся сюда ночью.

— Но... — Талли замер от удивления. — Его же найдут краты!

— Лучше его, чем нас, — буркнул Медведь. — Двигайся, вездеход на автопилоте.

Постоянно оглядываясь, мальчик скрепя сердце занял место в седле рядом с приемным отцом. Аэросани взвыли и рванулись прочь, подняв вихрь сверкающих ледяных пылинок.

Два мертвых робота остались лежать в руинах. Если бы Медведь знал, кого отыскал Талли, он бы трижды подумал, прежде чем сюда возвращаться.

3

— Мама! — Талли вскочил, судорожно озираясь. Тусклая лампа под потолком наполняла каморку мрачным красноватым светом, пахло потом и затхлой водой. Из ниши, выбитой в стене, торчал край ржавого железного подноса, где зеленели тошнотворные клубки мутировавших водорослей.

Глубоко вздохнув, Талли опустился на нары и устало протер глаза. Старые часы, которые он притащил из своего первого рейда с Медведем, невозмутимо показывали шесть часов утра, мультяшная птица на дисплее чистила перышки. Мальчик с трудом успокоил бешено колотящееся сердце.

Встал, привычно склонился к подносу с водорослями. Вкусный, немного одуряющий запах кислорода придал бодрости. Талли вытащил фильтр из настенного поглотителя и вытряхнул его над утилизатором мусора. Мутно белые кристаллики углерода с шелестом исчезли во тьме.

На верхней полке нар грузно шевельнулся Медведь.

— Чего не спишь? — буркнул он.

Талли поднял голову.

— Сны...

— Пить надо больше.

— Айван, я такого никогда не видел, — забравшись по лестнице, мальчик уселся на край нар. — Даже по визору. Небо... Оно голубое, яркое яркое!

Медведь привстал на локте и смерил Талли мрачным взглядом.

— Голубое небо, говоришь?

— Ага! — мальчик возбужденно кивнул. — Там было тепло, даже жарко. А море, ты только представь, море было... Ну... — Талли замялся, подыскивая сравнение. — Как мертвая ныршка!

— Чего? — моргнув, Медведь сел.

— Цвет, ну ты знаешь, — мальчик нетерпеливо мотнул головой. — Ныршку когда убиваешь, она ведь становится такая... Ну, серая с зеленым! Вот и море...

Старый охотник тяжело вздохнул.

— Наслушался ты Гинзбургов, парень.

Талли медленно покачал головой.

— Нет, Айван, — он серьезно посмотрел на приемного отца. — Это не мог быть город кратов.

— Будто ты его видел! — фыркнул Медведь. — Города сверху не такие, как снизу. Они парят над ламинарным слоем, там и небо голубое, и солнышко греет... Что б их всех пережгло в скорлупе... — он нахмурился. — Спать будешь?

Талли молча покачал головой. Медведь крякнул и поскреб в затылке.

— Тогда одевайся и иди на шестой ярус. У нас сыр кончился.

Мальчик удивленно поднял брови.

— Там же все спят сейчас...

— Ну, так разбудишь, — буркнул Медведь. — Как принесешь, положи в холодильник. Меня не буди.

Кивнув, Талли грациозно спрыгнул на пол и принялся одеваться. Медведь с ворчанием повернулся на другой бок.

***

В коридоре дул прохладный ветерок. Каморка Медведя находилась почти у самых жалюзей ярусного вентилятора. Это, помимо всего прочего, говорило об огромном уважении, которым пользовался старый охотник среди обитателей Шахты 17. Ни на одном из двадцати трех ярусов не было так, чтобы у самого вентилятора устроили персональную каморку: только лазареты да детсады.

Детсад был и тут, за соседней дверью. Талли хотел по привычке скользнуть мимо, но замер, заметив хрупкую фигурку в белой рубашке до пят. Ребенок стоял у самого вентилятора, зажмурившись и раскинув руки. Поток воздуха развевал длинные серебристые волосы.

Талли с болью стиснул зубы. В Шахте 17 кроме него самого жил один единственный зоннер. Ее нашли под тушей убитого крата, на поверхности, около года назад. Никто не знал, сколько времени провела она в снегу, придавленная зловонным трупом ящера. Знали только, что выжила она чудом и навсегда утратила способность говорить.

— Лань, — тихо позвал Талли.

Малышка не шелохнулась.

— Лань, ты простудишься, — мальчик подошел к ней и ласково коснулся плеча. — Почему не спишь?

Она с трудом отвела взгляд от лопастей вентилятора, мелькавших за жалюзями. В больших глазах — серебристых, как и у Талли — застыло выражение страха и робкой обреченности. Имя «Лань» ей дали как раз за взгляд. Да и спасли, вероятно, лишь потому, что, посмотрев в эти глаза, только бесчувственный робот или надменный крат мог не содрогнуться.

— Пойдем, я отведу тебя в кроватку, — Талли улыбнулся. Девочка доверчиво взяла его за руку и молча, сосредоточенно, кивнула.

Талли долго смотрел на засыпающую малышку. Всякий раз, как он ее видел, в душе юного зоннера подымалась черная, ядовитая ненависть к миру, где они с Ланью обречены были жить. Он — уже двенадцать долгих лет, она — меньше пяти. Сколько же горя можно уместить в столь незаметный срок...

Талли уже шагал по мрачным каменным коридорам, поднимался по грубым лестницам, механически говорил пароль в ответ на оклики ярусных часовых, но в душе его по прежнему стояли картины из прошлого. Каким то непостижимым образом они смешивались с памятью о сне, накладывались друг на друга, и Талли видел дохлых кратов, валявшихся в пыли под лучами

Солнца, видел стальных «скорпионов», в зловещей тишине мчавшихся над волнами серо зеленого моря. Он знал, что воздушная подушка «скорпиона» с одинаковым успехом пронесет его и над водой, и над пустыней, и мыслен но удивлялся самому себе, столь упорно ищущему рациональное объясне ние даже мечте.

Шестой глубинный ярус находился гораздо ближе к поверхности, чем пятнадцатый, где жил Медведь. Это был предпоследний жилой уровень: вы ше пятого радиационная обстановка уже не позволяла обычным людям дол го дышать отравленным воздухом.

Талли несколько минут шел по темному коридору, направляясь к боль шой молочной ферме, где держали мутировавших животных, когда заметил в одном из ответвлений слабый свет. Он хотел пройти мимо, но вспомнил, куда вел этот путь, и словно прирос к месту. Любопытство было главной слабостью Талли.

Совершенно бесшумно, подобно туманному призраку, мальчик скольз нул в коридор и подобрался вплотную к приоткрытой двери, из которой струился слабый свет. Там о чем то беседовали люди; Талли прижался к сте не и до предела обострил слух.

— ...не могли изготовить краты, — говорил техник по имени Меелин. — Да, тут есть стандартный разъем, но говорю тебе: в основе этой штуки лежит нечеловечья логика. Взгляни хотя бы сюда. Скажи, какой инженер в здра вом рассудке поставит обратные рычажные колена без демпферов, но с гид ротрансформатором? Или эти инжекторы. Такое впечатление, словно когда робот был цел, его покрывала плоть.

— Может, и покрывала... — угрюмо ответил другой человек. Талли вздрогнул, узнав голос капитана Джейсона, командующего вооруженными силами Шахты 17.

— А смысл? — возразил Меелин. — Мы до сих пор гадаем, из чего изго товлен его скелет.

— Фильмы, — внезапно сказал Джейсон. — Может, эта штука не настоя щая. Для фильма.

— Но она работает, капитан, — заметил техник. — Я включал его, вытащив процессор; все системы в порядке. Он почти не поврежден, но если вставить процессор обратно, диагностика не проходит. Очевидно, его мозг сожгли импульсом ЭМИ.

— Так что же, пустим на запчасти? — спросил Джейсон.

Меелин помолчал.

— Пока нет, — ответил он после паузы. — У меня еще есть надежда. Если я прав... А я прав... Этот дроид должен быть знаком с нанотехнологией. Слишком странное у него устройство, да и материал явно не металлический. Включим его и погрузим в бак с питательной средой.

— Какой средой?

— Органикой, — Меелин ухмыльнулся. — Используем одного из заморо женных кратов. Я добавлю в бак соли металлов и порошок арсенида галлия. Есть шанс... Возможно, он сумеет синтезировать новый процессор.

— Да ну... — недоверчиво протянул капитан Джейсон. — Будь у кратов такая техника, нас бы давно раздавили.

— До войны они тратили миллиарды на военные технологии, — возразил Меелин. — Я видел обломки таких машин, в сравнении с которыми нынешние «скорпионы» не опаснее ныршек. Признай наконец: если бы краты действительно желали нас уничтожить, давно бы уничтожили. Мы полезные, — он гневно дышал. — Очищаем для них планету.

Капитан долго молчал.

— Хорошо, делай как знаешь, — сказал он наконец. — Только будь осторожен. Если эта штука заработает...

— Все учтено, — поспешно ответил техник. — Я собрал пульт управления.

— Ладно, — деревянный стул скрипнул, когда Джейсон поднялся. — Мне еще надо проведать пленника.

Меелин тоже встал.

— Как он?

— Грязная тварь! — с чувством бросил капитан. — Всадить бы ему нож в глотку, или в промежность... Чертов Гарсиа, на кой *** ему понадобился этот ящер, хотел бы я знать!

Послышались шаги. Талли быстро отступил назад и юркнул в дверь мастерской. Джейсон тяжело прошагал мимо, не заметив мальчика.

Юный зоннер беззвучно двинулся следом. Он чувствовал обиду на взрослых, отобравших его находку. В ту ночь, десять дней назад, когда город кратов пролетел над убежищем, они с Медведем отправились к месту битвы со «скорпионом» на грузовых аэросанях. Им повезло; роботов пока не обнаружили. «Скорпиона» разобрали на месте, разбитый тяжелый панцырь никому не был нужен. А неизвестный скелет пришлось тащить целиком, погрузив на импровизированную волокушу. К счастью, как всегда бывает после пролета города, на земле бушевал ураган, так что следов не осталось.

В убежище охотников ожидала семья беглых брэнов Гинзбург и капитан Джейсон. Гинзбурги собирались купить канистры с активированным песком, ради которых Медведь, собственно, и ездил к озеру. Джейсон пришел, услышав о находке робота. Медведю пришлось отдать дроида в лабораторию.

Думая о подслушанном разговоре, Талли сжал губы. Из за идеи мастера Меелина, теперь Медведю придется пожертвовать одним из убитых кратов, которые хранились в вечной мерзлоте на четвертом ярусе. Правда, кратье мясо было жестким и вонючим, его никто не любил, но в случае голода оно могло бы спасти много жизней...

Тем временем Джейсон дошел до лестницы на пятый ярус. Дальше прятаться было невозможно и Талли, весело подпрыгивая, догнал его и «нанароком» столкнулся.

— Ой, капитан! — мальчик моргнул. — Я вас не заметил!

— Талли? — Джейсон нахмурил брови. — Что ты тут делаешь в шесть утра?

— Мне не спалось, а у нас кончился сыр. Медведь отправил меня на ферму, а я увидел свет в коридоре и решил посмотреть, кто еще не спит. Там бы

ли вы, и я случайно услышал, что вы идете к пленнику. Можно мне с вами, я хочу посмотреть?! — на одном дыхании выпалил Талли.

Джейсон покачал головой.

— Подслушивать нехорошо.

— Я не подслушивал! — возмутился Талли. — Я шел по коридору и услышал, как вы разговариваете. Можно с вами, капитан? Пожалуйста, ну пожалуйста! Я еще ни разу не видел крата! — «Живого», — мысленно добавил мальчик.

Капитан вздохнул с досадой.

— Ну, пошли. Только молча.

— Мм мм! — Талли просиял.

Они подошли к пропускному шлюзу, где Джейсон надел респиратор; воздух на пятом ярусе был уже опасен для простого человека.

Для Талли, как и для кратов, радиационная опасность почти ничего не значила.

4

Пленника держали в старой нефтяной цистерне на краю пятого яруса. Когда люк с лязгом открылся и тусклый желтый свет проник в темницу, обмотанный цепями ярко красный ящер, лежавший в углу, с шипением накрыл голову крылом: его держали в полной темноте.

— Ну вот, смотри, — голос Джейсона из под респиратора звучал глухо.

Талли смотрел. Живой крат ничем не напоминал картинки или замороженные трупы, хранившиеся в запасниках. Ящер был намертво связан, хвост привинтили к стене несколькими стальными скобами, и все же в нем ощущалась неземная грация и легкость. Талли подумал, что хорошо понимает, почему краты так любят подобные тела: он бы и сам не отказался воплотиться в этого мощного зверя... Проникнуть в город... И рвать, рвать, рвать!!!

— Гадина, — прошептал Талли.

Крат поднял голову, подслеповато моргая.

— Лю юди... — протянул он низким, с хрипотцой голосом.

Джейсон выругался.

— Да, тварь, люди! — капитан остервенело пнул ящера в челюсть. Большая голова крата дернулась, он невольно издал шипение. Джейсон ударил его снова.

— Спрашиваю последний раз, погань. В твоих интересах ответить правду. Что ты делал в шахте?

Крат закрыл глаза. Его бока тяжело вздымались.

— Я не тот, кем кажусь, — ответил он с трудом. — Пожалуйста, умоляю, просто выслушайте. Я не врррраг, я прилетел с другой планеты...

Джейсон схватил ящера за рог и рывком повернул его голову к Талли, застывшему у дверей.

— Смотри туда, — с ненавистью бросил капитан. — Видишь мальчика? Всю его семью вырезала одна из ваших машин. Семь лет назад я потерял

жену и дочь, когда тварь, похожая на тебя, решила со скуки поохотиться ночью!

Он скрипнул зубами.

— Клянусь памятью дочери, ответь на все вопросы, и я дам тебе быструю смерть, но если опять начнешь лгать о планетах...

— Я не лгу!!! — с такой яростью рявкнул крат, что Талли отпрянул. — Ты, надменная обезьяна! Что значат твои жалкие муки в сррррравнении с судьбой моего нарррода?!

Он мотнул головой, вырвав рог у Джейсона, и обратил на капитана взгляд, полный ненависти.

— Ты ы... — крат сузил зрачки. — Выслушай до конца! Хоть раз! Я не ваш враг! Я врррраг ваших врагов, они мои враги, врррраги моего рррода!

Он бешено дернулся, звякнув цепями.

— Здесь была колония! С планеты Корд 4! Давно! До вашей пррррокля той войны! Теперь все мертвы, все мои рррродичи, их убили, даже хуже, забрррали душшши!

Ящер обратил взгляд на Талли.

— Ты попрррекаешь меня этим детенышшшем? — спросил он, задыхаясь от ярости. — Знаешшшь ли ты, что делают в городах с НАШИМИ детьми?!

Могучее, покрытое чешуей тело крата содрогнулось.

— Я не верррил... — прошептал он. — Глаза отказывались видеть, мозг отказывался думать, серррдце не могло биться! Когда я прилетел... Они... Сначала решили, что я один из них! Я!!! Один из НИХ!!! — ящер издал такое рычание, что старая цистерна отозвалась резонирующим звоном. Талли невольно прижался к Джейсону.

— Я поступил глупо, — продолжал пленник. — Надо было игрррать в их игрррррры... Пока не проберррусь к кораблю... Но они поняли, они все поняли, когда я разорвал их укрррротителя... Укрррротители!!! — проревел крат. — Они берут наших детей, едва вылупившихся, и выжигают им душшши! Заменяют на обезьяньи! Ты, ты — способен представить?! — ящера трясло. — Я видел... Фабрррики!!! Ты видел, млекопитающщщщий?!! Ты видел, как жирные обезьяны переписывают свой грязный разум в тела наших детей, и живут веками, будто рождены крылатыми?! ОНИ! ОНИ смеют летать!!! — крат, выпустив когти, процарапал в стальном полу глубокие борозды. — Я, Шерр'кхан, не справился с собой, выдал, подвел весь рррод, я, я, я!

Внезапно, понизив голос, ящер почти спокойно спросил:

— Чем ты грозишшшшш мне, двуногий? Смерррртью? Пытками? О, как ты жалок... Я был на фабрррике, где моих родичей ррразводили, будто мясной скот, резали «негодных» детей, выжигали душшши всем остальным. Твои соплеменники, человек, отбраковывают нашшших детей, если они не того цвета, или слишшшшком умные, непригодные для... укрррррощения... — ящер сглотнул. — Полагаешшшшш, после всего ЭТОГО я смогу жить? Я держусссь лишь надеждой. Надеждой сообщщщить домой про вашшш... ад, да? Вы ведь это так называете?

Джейсон с улыбкой потрепал Талли по голове.

— Нравится ящер? — спросил капитан. — Мы уже неделю слушаем его бред. Хотел бы я знать, зачем он понадобился моему заместителю.

Крат яростно дернулся.

— Отпустите меня! Я должен сообщщщить домой!!! Вы не понимаете, здесь же ад! Ад!!! Ад... — люк цистерны с грохотом захлопнулся, оборвав голос ящера. Талли глубоко вздохнул.

— Значит, и краты бывают безумны? — спросил он у Джейсона.

Капитан кивнул.

— Как видишь.

— А вдруг он не врет? — с замиранием сердца спросил Талли. — Вдруг он и правда наш союзник?

Джейсон усмехнулся.

— Мы очень хотели в это верить, малыш. Даже взяли у ящера пробу ДНК и выслали агенту в город, чтобы тот проверил в базе...

Талли замер.

— И?..

— ...и он проверил, — капитан невесело вздохнул. — Талли, мы сейчас говорили с кратом по имени Кларк Эванс, он владелец воздухоочистительного завода и живет в Торонто. Красного ящера последней модели, которого ты видел, Эванс купил полгода назад, когда его предыдущее тело во второй раз сломало крыло и перестало быть надежным.

Талли поник.

— Так он все наврал...

— Конечно, — Джейсон пожал плечами. — Или в самом деле спятил. Я думаю — спятил, поскольку нормальному крату в жизни не пришла бы в голову мысль выдать себя за ящера носителя, внезапно получившего разум! — капитан фыркнул. — Редкий бред, правда, малыш?

— Ага, — уныло отозвался Талли. — Капитан, спасибо вам за... экскурсию.

— Ты смотри, слова то какие... — с улыбкой протянул Джейсон. — Экскурсия... Знаешь, Талли, когда я был в твоем возрасте, из всех жителей шахты читать умели лишь пятеро.

— Не может быть! — мальчик открыл рот.

— Еще как может, — вздохнул капитан. Они уже подошли к пропускному шлюзу, и Джейсон снял респиратор. — Ладно, малыш, беги на ферму. Медведю передай, мне скоро потребуется один из добытых им кратов, пусть отберет самого гнилого.

Молча кивнув, Талли продолжил свой путь. В душе у него царило смятение.

***

С памятного разговора в цистерне прошло пять дней, но мальчик никак не мог забыть сумасшедшего ящера. Жизнь после успешного рейда текла неторопливо и скучно, Медведь большую часть дня отсыпался в кровати или неторопливо прогуливался по ярусам, изредка вступая в пустые беседы с такими же, как он, знатными охотниками. Вечера всегда несли с собой домино, карты, не самый приятный запах гидробионики и — скуку, понять кото

рую едва ли смог бы другой человек. Ведь любой человек, в отличие от Тал ли, всегда ощущал вокруг «своих», и это мощное стадное чувство замеча тельно успокаивало.

К счастью, Талли нашел себе развлечение: он целыми днями пропадал в лаборатории мастера Меелина, где тот вместе со старшим Гинзбургом пы тался починить таинственного дроида. Находка мальчика с каждым днем ставила перед взрослыми все больше и больше загадок.

Дроид и в самом деле использовал нанотехнологии. Едва его погрузили в огромный чан с органическим бульоном из дохлого крата, как вокруг скеле та начала непостижимым образом нарастать плоть. Всего за день процесс за вершился, и глазам изумленных людей предстало странное существо — не что среднее между кратом и тяжелым танком. Конструкция робота была ли шена всякой логики, бронированные щитки соседствовали с обнаженной плотью и, хотя внешний облик машины поражал своим совершенством, ни малейшего признака рациональности в ней не наблюдалось. Робот казался декоративной — удивительно красивой и бесполезной — игрушкой, а не бо евой машиной. Это в очередной раз подняло вопрос об его истинном пред назначении.

— Говорю, бутафория для кино, — утверждал Гинзбург.

— Слишком уж дорогая бутафория... — мастер Меелин с каждым днем становился все мрачнее, поскольку никаких признаков возобновления мы шления дроид не проявлял.

Талли предположил, что перед ними ранняя модель носителя для разума кратов, однако взрослые отмахнулись от этой идеи.

— Такое чудо и сегодня не построить ни в одном городе, — объяснил Ме елин обиженному мальчику. — Если б не стандартный разъем на шее, я бы даже сказал, что дроида создали не люди.

— А кто же тогда? — удивленный Талли оглянулся на сказочно красивую, стремительную машину, безвольно валявшуюся на полу в углу лаборатории.

— Если б я знал, малыш... — Меелин утер со лба пот. — Если б я знал...

Но прошло еще три долгих дня, прежде чем удивительный случай приот крыл завесу тайны. И в этот раз вновь решающую роль сыграло неуемное любопытство юного зоннера.

Был уже поздний вечер, Гинзбург давно ушел, а Меелин дремал в кресле, уронив голову на грудь. Скучающий Талли возился с кристаллами от визо ра — ему хотелось вновь увидеть голубое небо, последнее время это превра тилось у мальчика в настоящую манию. По левую сторону лабораторного стола тянулся ряд розеток под различное напряжение. Совершенно случай но, Талли подключил сетевой кабель в розетку на 480 вольт и, в тот же миг, услышал за спиной шум. Обернувшись как ужаленный, он успел заметить движение бронированного хвоста дроида — тот приподнялся на полметра и вновь замер в неподвижности. Восхищенно открыв рот, мальчик оглянулся на выключенный визор.

— Блок питания... — прошептал Талли. Бросившись к полке с инструмен тами, он схватил первый попавшийся трансформатор и, недолго думая, су

нул оголенные концы проводов в розетку. Вспышка и грохот разряда разбу дили даже мастера Меелина.

— Талли? — спросил тот, протирая глаза. — Что ты де... О о о!

Мальчик тоже потерял дар речи. Они с мастером молча смотрели, как робот в углу медленно поднимает голову, смешно моргая металлическими веками.

— Как? — прошептал Меелин, когда немного опомнился.

Талли кивнул на обугленный трансформатор. Меелин открыл рот.

— Ну конечно, процессор давно сформировался и был отключен... — не сводя глаз с дроида, он нашарил на столе пульт управления. — Талли, звони капитану...

Мальчик дернулся исполнить приказ, но не успел, поскольку древний ро бот заговорил. И слова его мгновенно разнесли вдребезги все теории, что строили люди.

— Персональных настроек не обнаружено, включаю базовый профиль «домашний помощник», — бодрым мощным голосом заявил дроид. — Идет анализ локации.

Талли и Меелин переглянулись. Между тем робот пружинистым движе нием вскочил на ноги — пол даже вздрогнул от такого издевательства — и элегантно поклонился, расправив крылья параллельно земле.

— Гравитационный анализ подтверждает локацию, — сообщил дроид — Напоминаю, что функция спарринг партнера на Земле запрещена и будет отключена до отлета с планеты.

— Какая функция? — сдавленно переспросил Меелин.

— Спарринг партнер, — бодро ответил робот. — В соответствии с конвен цией о мирном космосе, пункт девять тысяч сто шестой, параграф сто девя носто первый, продукция, поставляемая на экспорт, не должна содержать по тенциально опасных функций. Обучение боевому искусству признано опас ным видом тренировок на ста сорока шести планетах Союза, включая Землю.

Талли, не веря собственным ушам, подался вперед.

— Ты с другой планеты?!

— Просьба уточнить: вас интересует точка производства или продажи? — спросил робот.

— Производства... — выдавил Меелин. Дроид перевел на него взгляд све тящихся белых глаз.

— Извините, но запрос и подтверждение должны исходить от одного лица.

Талли сглотнул.

— Где и когда тебя сделали? — спросил он нерешительно.

Робот ответил без малейшей запинки:

— Фабрика «60» , Корд 1, 2207 й земгод, пятое января, дата окончания те стирования 11:49:02.

Талли задохнулся. Прервать молчание сумел лишь Меелин, и тот не сразу.

— Любопытно, — с трудом придя в себя, заметил мастер. – Шесть веков назад... Чертовски любопытно. Талли, ты позвонишь капитану или мне сде лать это самому?

— Я... — мальчик судорожно вздохнул. — Мне... Надо идти...

— Ты хочешь уйти?! — Меелин недоверчиво оглянулся. — Сейчас?!

Талли с отчаянием кивнул.

— Мне очень нужно!

Потрясенный мастер машинально развел руками.

— Ну что ж, иди...

— Скоро вернусь, — выдавил Талли и опрометью бросился прочь.

Еще никогда его сердце не билось так отчаянно.

5

На пропускном пункте Талли пришлось использовать всю силу воли, чтобы выглядеть невинно. Но солдаты не особо приглядывались. По пустынному пятому ярусу пугающе металось эхо, когда Талли бежал вдоль сумрачных коридоров. Постоянной охраны здесь никогда не держали...

Люк открылся с оглушительным скрипом. Морщась от вони — цистерну никто не убирал — Талли забрался на лесенку и ступил в темницу пленного крата. Тот неподвижно лежал в углу в луже собственных испражений.

— Шерр'кхан! — позвал мальчик.

Ящер не реагировал. Талли, глубоко вздохнув, подобрался к нему ближе и толкнул ногой. Зверь слабо застонал.

— Шерр'кхан, с какой планеты ты прилетел? — тихо спросил мальчик. — Прошу, мне надо знать. Это очень важно.

Крат с огромным трудом приподнял воспаленные веки и некоторое время молча смотрел на Талли.

— Зачем? — прошептал он с мукой.

— Я должен знать!

— Я скорррро умру... — прошептал ящер. — И вам будет некого выссмеивать...

Талли в отчаянии топнул ногой.

— Прошу, скажи! Я не смеюсь!

Крат опустил веки.

— Мой мир носит горррдое имя, — выдавил он. — Вам его не выговорррить.

Талли упрямо мотнул головой.

— Нет, ты уже называл эту планету, когда я был здесь неделю назад!

Ящер слабо качнул головой.

— Ложь, — ответил он едва слышно. — Я говорил, откуда прилетели погибшшшие колонисты. Их мир носит имя Корррд 4. Сам я с дрррругой планеты и никогда не бывал в системе Корррд...

— Корд! — Талли отпрянул, в ужасе глядя на изможденного ящера. — Черт, так ты не врешь!

Крат приоткрыл глаза.

— Верррришь? — спросил он тихо.

— Теперь верю... — Талли зажмурился и яростно мотнул головой. — Нет, еще не верю! Капитан сказал, что проверил твою кровь в городе! Ты есть в их базе данных!

Ящер хрипло вздохнул.

— Конечно, есссть. Меня приняли за одного из нихххх... — он слабо зарычал, но тут же закашлялся и умолк. Продолжил лишь после паузы, явно превозмогая боль:

— Я приземлился в горах... Покинул корабль, и меня сссразу сбила летучая машшшина людей. Почти насссмерть. Когда пришшшел в себя, все называли меня Кларррк... — ящер вновь попробовал зарычать. — Насссстоящий Кларк пропал много дней назад. Его все исссскали, а нашшшли меня... И перррепутали. В базу занесссли мои данные...

Талли топнул ногой.

— Почему ты не рассказал все это капитану?!

— Я рассссказывал... — прошептал ящер.

Талли недоверчиво оглядел пленника.

— Потрясающе! — мальчик всплеснул руками. — Так что же выходит, все краты могут думать сами?! Без людей?!

Ящер рывком приподнял голову и гневно взглянул на Талли.

— Кто ты, взявшшший на сссебя право издеватьссся надо мной? — хрипло прорычал пленник.

Талли вздрогнул.

— Я не издеваюсь, — сказал он тихо. — Я тебе верю, Шерр'кхан. Теперь верю.

Ящер, видимо, истратив остаток сил, вновь уронил голову на грязный пол.

— Какая ррразница... — прошептал он с мукой. — Мне уже не долететь до корррабля. Я умррру здесь, и мой нарррод проведет еще долгие годы в самом стрррашном рррабстве в галактике...

Талли отчаянно замотал головой.

— Нет! Не проведет! — он упал на колени и заглянул в громадные глаза изнуренного ящера. — Я найду твой корабль и подам весточку! Твои родичи уничтожат всех кратов, ведь правда?

Шерр'кхан слабо растянул чешуйчатые губы в улыбке.

— Глупое млекопитающщщее, — шепнул он. — Ссссигналы не летают быссстрее сссвета. Только корррабли.

— Тогда я освобожу тебя! — гневно стиснув зубы, Талли встал. — И ты сам полетишь домой!

Ящер с хрипом втянул воздух сквозь окровавленные ноздри.

— Я даже ххходить не могу...

— Сможешь, — с неожиданной злостью бросил Талли. — Вспомни, что делают в городах с вашими детьми. И что они делают с нами! — он ударил себя в грудь. — Я пошел за инструментами. Будь готов, когда я вернусь.

Больше не тратя время, мальчик бегом бросился прочь. Его провожал взгляд огромных черных глаз с вертикальным зрачком.

***

«Он не дойдет», — понял Талли спустя пять минут после того, как ржавый грузовой лифт доставил их с Шерр'кханом на поверхность. Измученный ящер едва переставлял лапы, хвост и крылья безвольно волочились.

Вдобавок погода была плохой, метель гнала серую поземку по радиоактивной земле. В совершенно чистом небе, шокирующим застывшим ливнем сияли мириады звезд.

— Далеко твой корабль? — уже безо всякой надежды спросил мальчик. Толстая меховая одежда сковывала его движения, но в сравнении с Шерр'кханом Талли выглядел просто реактивным.

Ящер в ответ на вопрос с трудом приподнял голову и огляделся.

— Слишшшком далеко... — сказал он мертвым голосом.

Мальчик стиснул зубы.

— Ты хорошо переносишь радиацию? Как все краты?

— Я не крррат! — рявкнул Шерр'кхан.

— Да, да. Так все же?

— Очень хорошшшо.

— Тогда идти вон к той воронке, — Талли указал на ближайший кратер. — Там всегда тепло и ты не замерзнешь. Я скоро вернусь.

Шерр'кхан поднял голову.

— Куда ты?

— За вездеходом... — хмуро отозвался Талли.

Лифт уже ехал вниз, а плана у мальчика так и не родилось. Похитить последний большой вездеход Шахты 17 означало обречь сотни людей на голод и смертельно опасные лыжные рейды. Аэросани просто не сдвинут огромного ящера с места...

Двери раскрылись на пятнадцатом ярусе, и все мысли начисто покинули голову Талли. У самого лифта стоял Медведь. Старый охотник бросил на приемного сына лишь один короткий взгляд, но этого хватило мальчику, чтобы понять: Медведь ЗНАЛ.

— Айван... — Талли подошел к охотнику. — Надо поговорить.

Медведь угрюмо качнул головой.

— Не о чем.

— Я должен был его выпустить! — горячо возразил Талли. — Это наш единственный шанс!

— Шанс? — Медведь грузно повернулся всем телом и скрестил за спиной руки. — Шанс был. Теперь его нет. Теперь краты знают, где вход в шахту 17.

Талли яростно вскинул голову.

— Они и раньше знали!

— Это тебе новый дружок сообщил? — усмехнулся Медведь.

Мальчик стиснул кулаки, но ответил спокойно:

— Нет. Так сказал мастер Меелин капитану Джейсону.

— Ну ну... — Медведь угрюмо отвернулся. — Ко мне то зачем пожаловал? Ты теперь взрослый, вон какие решения принимать научился. За всех скопом.

Талли едва не заплакал, но страшным усилием воли сдержался. Он не имеет права сдаться сейчас.

— Шерр'кхан умирает, — тихо сказал мальчик. — Он сейчас на поверхности, прямо над нами. Если ему не помочь, все погибнет, и краты продолжат управлять нашим миром.

Медведь приподнял левую бровь.

— Вот как?

— Да! — гневно, глотая слезы, Талли схватил названного отца за руку. — Айван, Медведь, учитель, ведь я никогда не подводил тебя раньше. Поверь мне сейчас! Шерр'кхан не крат, он настоящий пришелец! Я проверил!

Охотник долго молчал.

— Мал ты еще, Талли, — глухо ответил он наконец. — Слишком мал для такого выбора.

— Пожалуйста, поверь мне! — взмолился мальчик. — Это наш первый и последний шанс свергнуть кратов! Разве ты не мечтал сбить их проклятые города, разрушить концлагеря брэнов?!

— Хорошо ли ты все взвесил? — очень серьезно спросил Медведь. — Допустим, твой ящер и в самом деле ящер, а не поганый аристократ из Торонто. Ты подумал, что станет с нами, если из космоса нагрянет целый флот разъяренных ящеров?

Талли запнулся.

— Но... Но они же не нас резать станут!

— А кого? — тихо спросил Медведь. — Ты не видел войны, малыш. На такой войне нет времени разбирать, кто друг, кто враг. Да, мы ненавидим кратов не слабее, чем ящеры, но ведь и мы, и краты — люди. Нас уничтожат всех вместе...

— Нет! — яростно прервал Талли. — Ты неправ! Посмотри на меня! — он гордо вскинул голову. — Шерр'кхан такой же ящер, как и носители кратов, но он нам не враг, и я это понял! Я ему помогаю! Так и они, когда прилетят, поймут, где друзья! Как понял я!

— Ты не человек, Талли, — сурово сказал Медведь.

Эти слова буквально заморозили мальчика.

— Что? — спросил он после долгой паузы.

— Ты не человек. Ты зоннер.

Талли сглотнул.

— И... И что?

— Ни один человек не стал бы помогать Шерр'кхану, — угрюмо ответил Медведь. — Пойми, он наш враг. Ящер или крат — нет разницы, он ненавидит нас всех. И уничтожит при первой возможности.

Талли молча стоял, глотая слезы. Медведь смотрел в сторону.

— Дашь нам вездеход? — после долгого молчания спросил мальчик.

Медведь с болью зажмурился.

— Нет, — сказал он глухо. — Я не имею права.

— А если б имел, дал бы? — совсем тихо спросил Талли.

Старый охотник медленно покачал головой.

— Почему? — Талли сжал кулаки.

— Мне жаль Шерр'кхана, но страдания ящеров — не наше дело, — хмуро отозвался Медведь.

— Они страдают по нашей вине.

— Мы не отвечаем за кратов.

— Но отвечаем за себя!

— За себя я и отвечаю, — буркнул Медведь. — Разговор окончен. Можешь возвращаться к своему ящеру. Его не тронут, Джейсон обещал.

Талли отпрянул.

— Капитан знает?!

— А ты думал, нет? — Медведь фыркнул. — Тебе позволили еще разок проверить ящера. Он, кажись, и в самом деле не крат, иначе я давно поднялся бы на поверхность с винтовкой.

Стиснув зубы, Талли отрывисто кивнул и вошел в кабину лифта. Медведь смотрел ему вслед.

— Все же уходишь? — угрюмо спросил старик.

— Это мой выбор, — коротко ответил мальчик и нажал кнопку первого яруса. Там, спрятанный среди торосов, стоял последний вездеход Шахты 17. Медведь давно обучил приемного сына, как заводить вездеход без кодовой карты — на случай его, Медведя, неожиданной смерти.

Пока кабина поднималась, Талли стоял с закрытыми глазами. Он вспоминал свою жизнь среди людей, вспоминал несчастную малышку Лань и чувствовал, как черная ненависть к кратам захлестывает душу.

Он, не задумываясь, продал бы эту душу за шанс отомстить.

В принципе, так он и сделал.

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

СКАЗКА НА НОЧЬ

— А сказку перед сном? Ну, пожалуйста!..

Детские глазки блестели любопытством и предвкушением. Посмотришь в такие, и сам обо всем забудешь: и об усталости, и о беспокойстве, и о том, что постель под тобой из еловых ветвей, а ночник — луна над головой.

Сказку... Он бы и рад рассказать, да только откуда ему знать сказки? За всю свою жизнь он ни одной не слышал. Даже в детстве.

Хотя...

—Ладно, будет тебе сказка. Слушай... Давным-давно, в тридевятом царстве — тридесятом государстве жили-были две... принцессы. Да, принцессы. И еще у них был брат.

— Он был принц?

— Нет. Он был... рыцарь. Странствующий... Поэтому принцессы очень редко его видели: он постоянно был в разъездах.

Жили принцессы в красивом дворце с цветущим садом и круглым прудом. Дворец этот стоял в самом центре большого города, известного на весь белый свет. В город приезжало множество... э-э... принцев. Да, принцев — со всех концов мира. И все они непременно желали познакомиться с принцессами...

— Почему?

— Потому что... потому что принцессы были очень красивые... Только вот принцессы не любили встречаться с принцами.

— А что, принцы были некрасивые?

— Да нет, не в том дело. Принцы были, может, и неплохие. По крайней мере, некоторые из них. Просто... принцессам куда больше нравилось гулять по саду, сидеть у круглого пруда, кататься на мохнатых белых пони, словом, вести самую настоящую беззаботную жизнь, которая обычно полагается принцессам. Только, знаешь, даже у принцесс, при всей их сказочной жизни, есть кое-какие обязанности. И одна из них — выйти замуж за принца.

— Зачем?

— Ну... Так уж заведено... И вот, деваться некуда, старшей принцессе, потому что она — старшая, первой пришлось знакомиться с приезжающими в город принцами. Она стала все ночи напролет... танцевать на балах... Да, на балах... Возвращалась к себе в спальню под утро, спала до обеда, а потом — снова на бал. У нее даже не оставалось времени, чтобы повидаться с младшей принцессой. А младшая принцесса очень из-за этого расстраивалась. Из-за этого, и из-за того, что её тоже скоро заставят... хм-м... ходить на балы и знакомиться с разными принцами.

— Кто заставит? Король?

— Э-э... И король тоже... Хотя... Он был совсем старый и больной, и особо помочь принцессам не мог... Словом, младшая принцесса теперь гуляла по парку одна, одна сидела у пруда, одна каталась на пони и ждала, что вот-вот и ее... позовут на бал. И тут в городе появился могущественный волшебник. Он рассказал, что далеко-далеко, у самого синего моря есть сказочная страна. Страна эта огромная-преогромная и очень красивая. В небе там всегда радуга, на которой танцуют сильфы, а ночью идет дождь из звезд, и на каждую можно загадать желание, которое непременно исполнится... Наша младшая принцесса послушала рассказы волшебника и тут же решила уехать в эту сказочную страну.

— Одна?

— Нет, не одна. Она позвала с собой короля и старшую принцессу, и брата — странствующего рыцаря. Но в итоге с ней ушел только брат. Король сказал, что он слишком стар, чтобы ехать так далеко. А старшая принцесса... она решила остаться в своем дворце и продолжать встречаться с чужеземными принцами.

— Так ты же говорил, она не хотела знакомиться с принцами? Почему же решила остаться?

— Эх, малыш, я и сам не понимаю...

* * *

— Никуда я не поеду, Эльза, — ярко накрашенная женщина резко качнула головой, отчего над головой немедленно образовалось облачко пудры, которой были густо обсыпаны выжженные краской волосы.

Щедрый слой свинцовых белил и клюквенных румян почти не скрывал болезненную желтизну кожи и темные круги под глазами говорившей. Косметические ухищрения ей не помогали. Больше всего пользы было от полумрака, царившего в пустующем в тихий послеобеденный час прокуренном зале дешевого кабака с разбитым пианино на замызганной сцене. Его густые тени, словно вуаль, маскировали одутловатые черты лица и равнодушную усталость в глазах.

— Илва, ну что ты такое говоришь? — молоденькая девушка едва не плакала. — Посмотри на себя! Посмотри вокруг! Ты же сдохнешь в этой вонючей дыре!.. Давай уедем, а?.. Илва, ну, пожалуйста...

Илва грустно усмехнулась, глядя на сидящую напротив нее за грубо сколоченным столом девушку. Неужели всего три года назад Илва была такой же? Такой же юной? Такой же наивной?

Нет, не была. Младшей сестре повезло больше, чем ей. Безжалостная нищета вытолкала Илву на панель, когда той не было еще пятнадцати. Она утаивала каждую монетку, берегла каждый медяк. Эти жалкие гроши вместе с мизерными заработками отца, которого бесконечная нужда давно превратила в бессильного старика попрошайку, покупали ее младшей сестре отсрочку.

И Илва, и Эльза понимали, что это всего лишь отсрочка неизбежного. Из хлипких лачуг на нищей окраине многолюдного торгового города дорога в

будущее была только одна, и самое лучшее место, в которое она могла привести — это бордели в кварталах богатых предпринимателей, солидных банкиров и успешных аферистов.

— Да куда мне? — как то обреченно махнула рукой Илва. — Ну, что мне там делать?

— Как что? Ты же слышала — там же свободные земли. Много земли. Прямо у моря. Выбирай, селись на ней, строй дом, охоться, рыбачь — и это будет твоя земля. Чем раньше приедешь, тем больше тебе достанется.

Эльза почти слово в слово повторила содержание передних полос газет, неделю назад появившихся на каждой улице города. Закаленный в гражданских войнах генерал, недавно вернувшийся в город после успешного похода на дальний юг, к глубокому удовлетворению правительства разорил еще одну отдаленную территорию, официально ставшую теперь очередной провинцией. И хотя от самой провинции толку было мало, она имела важное стратегическое значение. А именно, это была последняя преграда, лежавшая между южными границами страны и берегом узкого Крайнего моря, за которым, по слухам, лежали неисследованные пустынные территории.

Ненаселенные земли не принадлежали никому, и, значит, кто первым предъявит на них права, тот их и получит. Предприимчивое правительство, не упускавшее возможность заполучить дополнительную прибыль, на эти просторы глаз положило давно, и теперь, когда между границами страны и морским берегом более не было преград, следовало немедленно заявить о своих правах на них.

Безлюдье земель означало, что в кои то веки новые территории не придется завоевывать. Армия может отправиться в одну из восточных провинций и навести порядок среди местного населения, никак не желающего отдавать свои земли правительственным чиновникам для строительства железной дороги. А на заморские территории можно спокойно отправлять вооруженных поселенцев. До тех земель они доберутся и без кораблей — море узкое, даже на простой лодке при хорошей погоде можно за три пять дней пересечь.

Переселенцы, обосновавшись на другом берегу, лучше любых договоров прочно закрепят за правительством права на новые земли; заодно можно избавиться от голи и рвани из нищих кварталов, разрастающихся, словно парша на теле торговых и промышленных городов. Надо им только что нибудь посулить. Что нибудь такое, что заставило бы их добровольно убраться, избавить от своего мерзкого присутствия приличных горожан.

— Плодородные земли! Леса, полные дичи! Изобилующее рыбой побережье! — надрывались на перекрестках мальчишки, торгующие газетами. — Теплые зимы! Бескрайние земли! Ничейные! Приезжай, выбирай! Селись на ней, строй дом, охоться, рыбачь — и эта земля станет твоей! Чем раньше приедешь, тем больше получишь земли! Земли за Крайним морем! Получи землю бесплатно! Приезжай и бери, сколько хочешь!

Побирушки и попрошайки жалких городских окраин, неудачливые торговцы, нищие клерки, отставные солдаты, мелкие воришки, испитые наем

ники, ловкие мошенники, растерянные иммигранты, авантюристы и перека ти поле — многие, очень многие с готовностью откликнулись на призыв. Снимались семьями, домами и целыми улицами, паковали свой скарб в рас шатанные повозки, натягивали над ними полукругом полотно, запрягали измученных лошадей и тощих мулов, а то складывали нехитрые пожитки в скрипучие тачки и тележки — и бесстрашно пускались в долгий путь. На плодородные земли, к изобилующим рыбой побережьям. За новой жизнью. За лучшей долей.

Скорее, скорее! За Крайнее море! Позже приедешь — меньше достанется!..

— Эд сказал, что с радостью возьмет нас с собой: его отряд будет охранять большой караван, который собрала гильдия торговцев, — продолжала угова ривать сестру Эльза.

Она почти не врала. Если и привирала — то немного, и только про ту часть, что «с радостью».

Возвращение в столицу Эда — первое с тех пор, как восемь лет назад брат ушел из дома, Эльза сочла подарком судьбы. Ведь не поедут же через весь мир две молодые женщины в сопровождении одного только старика отца? Тем более, что отец уже готов передумать — никуда, мол, он не по едет, сил нет.

Брата Эльза не узнала. Детская память хранила расплывчатый образ ху дого юноши со светлыми, как ясное небо, глазами. Теперь перед ней стоял закаленный испытаниями, продубленный ветром, прокопченный солнцем незнакомец с белесым шрамом, пересекающим левую щеку. Тяжелые сапо ги с исцарапанными звенящими шпорами, потертая кобура револьвера на широком поясе с массивной металлической бляхой, жилетка из пропитан ной пылью грубой кожи. Резкие движения, грубые жесты. И пасмурные, всегда прищуренные глаза в тени широких полей шляпы.

За прошедшие годы Эд стал командиром небольшого отряда наемников, выглядевших отъявленными головорезами и решивших, что на массовом переселении можно неплохо поживиться: наняться в охрану, а по пути, мо жет, еще и пограбить менее подготовленных к неожиданностям дальней до роги путешественников.

Когда Эльза кинулась к нему — возьми с собой! — он только скривился:

— Только баб мне еще в дороге не хватало! — но в итоге уступил долгим, жалостливым мольбам Эльзы, процедив сквозь зубы: — Так и быть.

Едва получив от него согласие, Эльза кинулась к сестре. Если уж она уго ворила того страшного незнакомца, в которого превратился брат, Илву она и подавно уговорит.

— Илва, миленькая, ты только подумай — совсем другая жизнь. Ведь дол жен же быть на этом свете такой угол, где она возможна. Эти земли — навер няка как раз такое место.

— Нет, не поеду, — снова покачала головой Илва. — Я вообще не знаю, как на земле работать — чего мне там делать?.. Разве что устроить бордель... А что — прибыльное может оказаться дельце, — и она громко, сипло рассмея лась своей невеселой шутке.

Циничные слова, а еще больше — страшный каркающий смех резанули Эльзу будто по самому сердцу.

— Но почему? Почему?!

Эльза не понимала — не понимала, почему сестра не спешит оставить по зади ту грязь, в которой вынуждена жить.

А Илва смотрела в лицо младшей сестре и думала, как же объяснить это ей, к счастью, не испытавшей и десятой доли того, что выпало старшей. Ил ва еще дышала, еще ела и пила, еще разговаривала, но сама она лучше дру гих знала, что надломленное уже никогда не срастется. За какие то пять лет она превратилась в измученную и безразличную ко всему на свете потаску ху. Ей больше ничего не хотелось. Совсем ничего.

Даже лучшей жизни.

— Не поеду, — только и сказала она.

* * *

И вот наша принцесса села в красивую карету, запряженную шестеркой быстрых лошадей...

— Таких же, как наша?

Костлявая кляча со стертыми зубами и такими загрубевшими губами, что они уже не чувствовала уздечки, была настолько стара, что, казалось, давно должна была пасть замертво. Сердитый мул, впрочем, выглядел чуть покрепче.

— Таких же. Даже лучше... Словом, принцесса вместе с рыцарем и целой свитой придворных отправилась в сказочную страну.

— А принцессе не было страшно ехать так далеко?

— Ну что ты! Нет, конечно! Ведь с ней ехал ее брат. Странствующий рыцарь был очень рад поехать в волшебную страну вместе с принцессой. А поскольку путь был все-таки очень далекий, он собрал в дорогу целый отряд других... рыцарей. Под их защитой можно было ничего на свете не бояться.

* * *

— Слышь, Эд, — привалившись спиной к седлу, подал голос Свищ, один из его головорезов, тощий, бородатый, с неровными зубами и за мызганной косынкой на грязной шее. Каждый вечер, на привале, как сле дует хлебнув из большой бутыли и сдвинув на затылок заляпанную ши рокополую шляпу, он неизменно затягивал одну и ту же песню. — Ты ведь обещал нам в дорогу девку. И не привел. Что ж нам теперь, бедным солдатам, делать?

О том, что речь шла о её старшей сестре, Эльза поняла не с первого раза и не со второго. А когда поняла, то не сразу смогла поверить, что брат, пусть и превратившийся за годы отсутствия в страшного чужака, мог пообещать та кое. Однако когда хлебнувший лишнего Свищ однажды озвучил, что «со гласен взамен и на твою младшенькую», Эльза похолодела от ужаса. Она по няла, о какой такой «девке» шла речь раньше.

Эд тогда молча обвел своими пасмурными глазами выжидающе уставив шихся на него наемников, задержался на пьяном Свище. По лицу брата ни чего невозможно было прочитать, и Эльза, принявшая молчание за знак со гласия, затряслась от страха.

Померившись взглядом с вожаком, Свищ, однако, утих. Но тема эта поднималась раз за разом. И у Эльзы всегда замирало сердце — ведь Эд ни разу не сказал четких и ясных слов, ни разу не запретил, и потому она постоянно боялась, что однажды брат просто отвернется: делай, мол, Свищ, что хочешь.

— Мало того, что нам жрать нечего — так еще и веселья никакого. Добы чи уже пятый день нет, — ныл тем временем Свищ, бесцельно вертя в руках револьвер — единственный принадлежащий ему предмет, который он дер жал в чистоте. — Деревня последняя вообще, кажись, больше недели назад была... Не с кем, понимаешь, отвести душу... Кем вот теперь перебиваться?.. Может, все таки младшенькой твоей, а?.. Молчу, молчу, — шутливо поднял руки он, встретив пасмурный взгляд Эда. – Тогда, может, это... дочек купе ческих? Зазря мы их, что ль, который месяц охраняем? Пусть, так сказать, расплатятся.

«Да от кого вы их охраняете? Самая страшная беда, которая может при ключиться с путешественником, едет рядом с нашим караваном — просто торговцы предусмотрительно от нее откупились. Да и то, похоже, мало за платили», — подумала про себя Эльза.

Подумала, но промолчала. Она вообще старалась лишний раз рот не от крывать, чтобы не напоминать о своем присутствии.

* * *

— Путешествие было очень долгим, но очень интересным. Они повстречали по пути разных людей — звездочетов и книгочеев, циркачей и актеров, воинов и странствующих рыцарей. Услышали от них немало увлекательных рассказов.

Они проезжали мимо сказочных замков и заброшенных храмов забытым богам, через заколдованные леса и хрустальные горы... Через чужеземные деревеньки и города. Всюду их встречали с радостью, устраивали в честь их приезда самый настоящий пир...

* * *

Длинная вереница закрытых полукруглыми тентами фургонов вяло тя нулась по залитой палящим солнцем безжизненной сухой равнине. Обоз полз так медленно, что, если бы за ним наблюдал кто то с высящегося на востоке плоскогорья, то почти не заметил бы движения.

Но за караваном никто не наблюдал. Насколько хватало глаз, в округе не было ни одной живой души. Единственными обитателями выжженной рав нины были суслики, стервятники и ветер.

Караван, собранный торговцами, насчитывал более ста человек. Предус мотрительные купцы собрали с собой не только собратьев по ремеслу, но и

представителей разных профессий, которые могли пригодиться при освоении диких земель. Однако, даже при их предусмотрительности, рассчитать провизию так, чтобы ее хватало на изнурительные переходы по мертвым землям, не выходило.

Наемники в подобных случаях голодом себя понапрасну не терзали — резали чьего нибудь мула и устраивали себе самый настоящий пир. Не приглашая, впрочем, никого к нему присоединиться.

Только Эд кивком подзывал робеющую Эльзу и отдавал ей зажаренный кусок мяса. Она тихо выдыхала «Спасибо», отчего то боясь поднять взгляд на страшного чужака, который по какому то недоразумению был ее братом.

И потому никогда не видела, что в пасмурных глазах Эда словно бы пробивался сквозь завесу туч одинокий луч солнца. На короткий миг.

Убыток охранники неизменно возмещали — как только по пути встречалось какое нибудь маленькое поселение или обоз таких же переселенцев. Однажды, в самом начале пути, даже остановили пыхтящий густыми клубами угольного дыма поезд.

С криком и гомоном, вспарывая сухую землю копытами лошадей, наемники стремительно врывались на улицы убогих поселков или окружали сбившиеся обозы. Без разговоров стреляли охрану, если такая была. Забирали лошадей, провизию и запасы пороха, а остальное — поджигали. Не забывая, конечно, непременно устроить себе жестокое веселье, включавшее пальбу по живым мишеням, оттачивание мастерства заарканивания бегущей добычи лассо и прочие, менее смертоносные, но не менее гадкие развлечения.

В подобных увеселениях Эд не участвовал — стоял поодаль, молча наблюдая за происходящим. Своих головорезов он не поощрял. Но и не останавливал.

Торговцы, страшившиеся нанятых охранников едва ли меньше, чем те, на кого эти охранники нападали, в такие моменты стояли в стороне. После того, как один из наемников спокойно пырнул ножом возмутившегося было однажды парня, никто больше не пытался вмешиваться. Купцы ждали, когда их охранники навеселятся, и только потом продолжали путь. И надеялись, что, покуда они платят, наемники их трогать не станут.

Эльзе было, пожалуй, хуже, чем остальным. От караванщиков наемникам прибыль. А от нее? Как ни крути — она им если и не обуза, то в любом случае и не прибыток. Вот возьмут они однажды и решат, что пора бы и ей расплатиться за то, что они ее охраняют.

«Охраннички! Это от них надо охранять».

Эльза боялась наемников и своего брата не меньше остальных.

Она вообще всего боялась.

«Скорее бы доехать! Только бы доехать, а там...»

А что там?

* * *

— И вот, после долгого путешествия принцесса и странствующий рыцарь приехали, наконец, в волшебную страну. Нашли они местечко покрасивее и стали понемногу обосновываться. Разобрали кареты, распрягли лошадей, стали возводить дома и красивый дворец для принцессы...

В далеких землях и вправду было все точно так, как рассказывал великий волшебник — радуги в небе и звездный дождь по ночам. Только вот об одном волшебник не упомянул. В тех землях жил сказочный народ. И он не обрадовался, что принцесса со своей свитой приехала к ним без приглашения.

— Волшебник что — про них не знал?

— Да нет. Я думаю, волшебник про них просто... «забыл» рассказать.

* * *

Плавуны, в целом, походили на людей. Такого же роста, с двумя руками и двумя ногами, и на лице — два глаза, нос и рот. Правда, рот неизменно тон когубый, глаза — рыбьи, прозрачные, без ресниц, и скорее, не нос, а наметки на него — маленький бугорок с двумя отверстиями. Этим отличия не огра ничивались.

Кожа плавунов была холодной и серебристой, мелкая чешуя покры вала спину и затылок, между пальцами — перепонки, на предплечьях, икрах и вдоль позвоночника — плавники. А чуть выше ключицы — жаб ры. Отчего, если смотреть на плавуна, казалось, будто на шее у него — второй рот.

Плавуны, хоть и проводившие бо́льшую часть жизни в воде, земли, испокон веков считавшиеся своими, отдавать пришлым чужакам наме рены не были. Прибрежной, а значит, своей полосой они считали бес крайние просторы на много верст в ширину. Они изрыли землю канала ми, разводили на ней скот, охотились и, заливая целые поля водой, что то выращивали.

Купцы каравана, охраняемого наемниками Эда, как и прочие переселен цы, столкнувшиеся с неожиданными коренными жителями на обещанных землях, быстро нашли способ успокоить совесть.

— А чего тут сомневаться? Правильно говорили — земли без*людные*. Эти ж — разве люди? Ну, а раз они не люди, то, значит, и земля не может быть ихней. Ведь никто же не скажет, что лес может принадлежать кабанам или оленям, потому что они там живут. Так и тут.

Поворачивать обратно никто не намеревался. Пересекшие едва не полми ра, переселенцы эти земли считали своими по праву. И были готовы отста ивать их насмерть.

Решимости стоять насмерть им было не занимать. Подобной решимос ти всегда хватает, когда защищаешь единственное или последнее, что у тебя есть.

И когда еще ни разу не пришлось столкнуться с противником в смертель ной схватке. А пока, обсуждая услышанное от тех поселенцев, что пришли на эти земли до них, торговцы рассуждали:

— Война? Ну, стало быть, война. Нам же не впервой, так? — воинственно размахивали руками даже те, кто еще недавно зеленел и отворачивался от картины зверств, учиняемых над другими путниками их охранниками. — Мы же извели в свое время оборотней и холмовиков, всех до последнего пе ребили. Перебьем и этих — как наши прадеды. А то, что плавуны в море пря чутся, так что с того? Найдем способ, дойдем до морского дна. Всё проче шем, изведем всех, кто нам мешает жить.

Эльза тоже не собиралась возвращаться. Вовсе не по тому, что не с кем.

Потому что — некуда.

* * *

— Значит, сказочные люди не обрадовались?

— Не обрадовались. Не то, чтобы они были злыми людьми. Просто, они по лагали, что воспитанные гости сначала спрашивают разрешения прийти... Принцесса, разумеется, вовсе не собиралась быть такой грубой, но она ведь не знала, что в волшебной стране кто-то живет. Иначе она бы непременно спросила разрешения. Ну, а тут — делать нечего, она ведь уже приехала.

Принцесса, конечно, пыталась извиниться, но сказочный народ все равно очень рассердился. И стали люди принцессы с этим народом часто... э-э... ссо риться... Да, ссориться...

* * *

Крайнее море переселенцы пересекли благополучно. Но едва они успели вытащить свой скарб из лодок, едва устроились на ночлег у берега, как в первую же ночь, бесшумные и молчаливые, на них напали плавуны. Они не знали огнестрельного оружия, не знали даже стрел и мечей, но успешно воз мещали их отсутствие пращами и острыми раковинами. А также летучими рыбами, яд которых убивал человека в считанные минуты...

Уже наутро, перепуганные и растерянные, пересчитав свои потери, по ахав над трупами серебрянокожих плавунов, новые переселенцы почти тут же приняли решение. И пусть оно им было не по нраву — пусть. Но из двух зол выбирать принято меньшее.

— Вот какое у нас есть к тебе предложение, Эд, — опасливо косясь на раз бойничьи морды наемников, на всегда раскрытые на случай неожиданности кобуры револьверов, вкрадчиво начал разговор самый храбрый из торгов цев, некогда дородный, а после долгого перехода сильно отощавший Фил. — Вы нас, почитай, спасли этой ночью от смерти, за что большое вам спасибо. И до места вы нас довели, это правда. Только... Мы — люди, далекие от во инского дела. А места здесь, сам видишь, какие опасные... Словом, нам нуж на защита. И положиться нам больше не на кого — только на вас. Вы — на ша единственная надежда.

Эльза сидела неподалеку, когда происходил разговор. Чужая и торгов цам, и охранникам, она, несмотря на страх перед последними, все таки держалась наемников — как никак, там был ее брат. И неважно, что за долгие месяцы путешествий она не обменялась с ним и сотней слов. Зато

она вволю наблюдала за Эдом со стороны, и, как ей казалось, стала немно го его понимать. Вот и сейчас она заметила, что при словах о единствен ной надежде Эд словно бы едва заметно вздрогнул, и шрам на смуглой щеке будто стал бледнее.

...Не все наемники сразу согласились принять предложение, переданное торговцем через Эда. Однако, свой отряд он все таки убедил. Прищурив па смурные глаза и положив для верности руку на кобуру на поясе, обвел на емников тяжелым взглядом и весомо сказал:

— Нам от них выгода до тех пор, пока они живы. Если всех убьют, то нам, в конце концов, не с кого будет поживиться.

* * *

— В волшебную страну изо дня в день приезжали и другие люди. Те, как и принцесса, тоже слышали рассказы о прекрасных землях с радугами в небе днем и дождями из исполняющих желания звезд по ночам, и тоже решили обязательно посмотреть на это чудо своими глазами. Новые путешественники видели красивый дворец, который построили принцессе, и думали, что были бы не против жить неподалеку.

Прошло не так много времени, и у принцессы в волшебной стране появилось свое, пусть и очень маленькое, но самое настоящее королевство.

* * *

Форт стоял на круглом холме. Лес с одной стороны, поле — с другой, и морской берег, как вечное напоминание, как постоянная угроза, на го ризонте.

В стенах форта уже появились навесы для переживших длительный пе реход коней и мулов, десяток незатейливых хижин с обмазанными глиной крышами, деревянные склады, барак казарма для наемников и пара домов с отштукатуренными стенами для уважаемых торговцев. С утра до ночи сту чали молотки, хрипели пилы и доносились звонкие металлические удары из кузницы.

Едва поднялись на холме крепкие бревенчатые стены, как к новому фор ту потянулся пришлый народ. Кто то прятался по лесам, чудом пережив атаку плавунов, вырезавших их поселение; кто то только что приехал и бы стро смекнул, что в одиночку в этих местах не выжить, а ехало на обетован ные правительством земли немало. А то приходили сразу две три дюжины, справедливо рассуждая, что в куче — сила, в куче — не так страшно, кучу так просто не перережешь.

Не прошло и пары месяцев, как в стенах форта уже появились — и отку да только? — салунщики, продающие спиртное, игроки с честными глазами, обчищающие доверчивых простофиль, девицы с бойкими глазками и со мнительной репутацией, разнузданно пляшущие под треньканье расстроен ного пианино, охотники, погонщики, ловчие, наемники, наездники и просто люди без определенного рода деятельности, которые непременно слоняют ся около укрепленных лагерей и поселков.

Переселенцы всех принимали. Они тоже считали, что чем больше народа, тем безопаснее. Да и лишние рабочие руки не помешают.

Новые переселенцы споро засыпали прорытые плавунами каналы, осушали залитые водой луга и огораживали поля. У озера, откуда брали воду на разные нужды, выставляли круглосуточную охрану. Отыскав на новой земле запасы полезных минералов и металлов, пополняли запасы пороха, отливали пули. Обучались, кто как мог, объезжать диких лошадей, изобилующих в этих местах, и стрелять из револьверов и ружей. Последнее умение в этом краю было просто таки жизненно необходимо.

Возможность применить новоприобретенные навыки стрельбы на практике выпадала куда чаще, чем многим хотелось бы. Не проходило и недели без того, чтобы вышедшие за пределы форта люди не возвращались побелевшими, зажимающими раны, нанесенные ударами острых раковин.

В иные дни, случалось, и не возвращались.

* * *

— Прошло время, и жизнь в маленьком королевстве принцессы наладилась и даже стала похожа чем-то на жизнь в ее прежнем дворце. Она гуляла вокруг своего нового дворца, рассматривала радуги в небе, а по ночам сидела под звездным дождем, загадывая желания...

* * *

На новом месте и для Эльзы нашлось дело. Вместе с другими девушками она ходила в лес, на охоту, за грибами или за хворостом. Походы в лес — с любой целью — считались наиболее безопасным занятием. Это на рыбалку, как на войну, отправлялись самые крепкие мужчины, непременно в сопровождении вооруженных до зубов наемников на быстрых лошадях. Но даже под их охраной, на лодках выходить никогда не рисковали, рыбачили больше на берегу моря или озер. Работа на некогда залитых водой, а теперь осушенных переселенцами полях, также считалась опасной. Как и ловля диких лошадей на открытых просторах.

Лес был как то надежнее. Чтобы набрать ягод или вырыть кореньев, чтобы подстрелить оленя или расставить капканы на зайцев, требовалось уходить в самую чащу. То есть — дальше от берега моря. Дальше от плавунов. Дальше от опасности.

Постоянному притоку пришлого народа Эльза радовалась. Чужаки не знали, кто такой Эд, не видели зверств, чинимых в дороге его головорезами. И потому, даже зная, что она — сестра Эда, не избегали ее, не косились с опаской, как переселенцы из каравана торговцев. Эльза больше не чувствовала себя так одиноко и так обособленно ото всех, как прежде.

И даже торговцы «ее» каравана, хотя по прежнему боялись Эда и его головорезов, со временем перестали избегать Эльзы. Привыкли.

Привыкнуть можно ко всему на свете.

Даже к страху.

* * *

Странствующий рыцарь, брат принцессы, теперь никуда не уезжал, жил во дворце.

— Почему? Ему расхотелось совершать подвиги?

— Подвиги?.. Да нет, не расхотелось. Просто теперь не надо было далеко уезжать, чтобы их совершать.

* * *

Вручение своих жизней в руки другого человека неизменно извлекает на свет из последнего все то, что частенько лежит, никем не виденное, на самом дне души. И добровольно отдающим себя в его власть остается только упо вать, что там, на дне, не порок, а добродетель...

Впрочем, торговцы не уповали. Просто им не из чего было выбирать.

Но чем больше народу приходило под защиту форта, тем крепче держал дисциплину среди своих головорезов Эд. Переселенцы полностью зависели от него. Они это знали. Он это знал. Их жизни Эду со своим отрядом было в равной степени легко и растоптать, и оградить.

Пока что он выбирал последнее.

* * *

— Жаль только, с соседями, сказочным народом волшебной страны, помириться все никак не удавалось. Как ни старались жители маленького королевства, как ни пыталась сама принцесса — сказочные люди не хотели ничего и слышать. Шло время, и многим стало казаться, что так и не суждено им с волшебным народом помириться, что так и будут они всегда... ссориться со своими соседями...

— Ну, а дальше-то что? Чего молчишь?

— Дальше?.. А дальше наша принцесса однажды познакомилась с... принцем. Да, принцем. Из сказочного народа.

— И они полюбили друг друга с первого взгляда?

— Конечно...

* * *

На останки древнего города, когда то, видимо, неприступного, а теперь превратившегося в каменные развалины и почти поглощенного лесом, Эль за набрела случайно. Но, однажды обнаружив старые руины, во время по следующих отлучек в лес она стала частенько приходить туда. Бродила сре ди величественных обломков, гладила нагретую солнцем цветную облицов ку разрушенных стен, проводила пальцами по следам истертых временем рисунков на поваленных колоннах. И думала: что за город здесь когда то стоял? Что за люди здесь жили? Кто разрушил их город? За что?

Именно там, пригревшись как то у пологой плиты с полустертыми зага дочными письменами, она задумалась так глубоко, что расслышала подо зрительный шум слишком поздно. Не успела даже схватить лежавшее сов сем рядом, под рукой, предусмотрительно заряженное ружье, обращаться с

которым ее научил Эд. На ее шее затянулась ловко наброшенная петля, и она увидела, как ее окружили серебристые лица с прозрачными глазами без ресниц и тонкогубыми рыбьими ртами.

Плавуны обменялись между собой несколькими короткими квакающими фразами. Затем один из них, с зеленоватыми плавниками на предплечьях, довольно захохотал, и в следующий миг ее рывком подняли на ноги и повели сквозь лес.

Первый испуг прошел, и, хотя по прежнему трясущаяся от страха, Эльза сообразила, что, во первых, ее спутники — не верхом, значит, у нее есть шанс от них убежать, а во вторых, она не связана, и даже от плотно затянутой у нее на шее петле к рукам захвативших ее плавунов не тянется веревки. И, наконец, идут они прямо к недавно осушенному переселенцами лугу на западе от форта. Быть может, плавуны еще не знают, что там уже хозяйничают люди. Быть может, она успеет закричать или даже добежать до своих...

Закричать она успела. Добежать — нет. Хотя плавуны даже не торопились преследовать ее, пустившуюся бегом, прямо со склона лесистого холма, вперед, вниз, к людям. Чем дальше от плавунов отбегала Эльза, тем туже стягивалась на шее петля. Попробовав ее ослабить, девушка почувствовала под пальцами упругую скользкую поверхность, и, вскрикнув, отдернула руку: петля была живой, словно щупальце какого то морского чудища.

Правда, ее крики донеслись таки до охранявших поле наемников, и те немедленно вскочили на лошадей. Всадники помчались прямо к лесу, бесполезно паля из ружей, ворвались в заросли и вынуждены были замедлить ход.

Плавунов с Эльзой и след простыл...

* * *

— И что? Принцесса и принц жили долго и счастливо?

— Гм-м... Вроде того.

* * *

Хоть и плохо, плавуны все таки говорили на языке людей. По крайней мере, некоторые. Только мало кто давал себе труд обмениваться с Эльзой хотя бы парой фраз. Разве что когда надо было объяснить пленнице, какую работу та должна выполнять. Да еще однажды плавун с зеленоватыми плавниками на предплечьях, тот самый, что был среди захвативших ее, проквакал:

— Челове эки, вы плохо усвоили прошлый уро о ок... Мы разрушили все ваши ка аменные города а а... Вы забы ыли, мы то по омним.

Эльза почему то ожидала, что, захватив ее в плен, плавуны станут расспрашивать о форте, о том, сколько людей его охраняет, какое у них оружие...

Плавунам, похоже, до всего этого не было дела. Никто ее ни о чем не спрашивал. Не держал в клетке, не привязывал. А зачем? Петля живого щупальца на шее была надежнее любой привязи. Она задушила бы ее прежде, чем

Эльза успела убежать от прибрежного поселка плавунов. И прежде, чем ус пела бы перерезать щупальце чем то острым.

Вот работать заставляли. Собирать на залитых водой лугах водоросли, а потом сушить их и толочь. Чистить острые ракушки. Кормить ядовитых ле тучих рыб. Чистить за огромными существами с черной лоснящейся кожей, двумя плавникам и хвостом и с дружелюбными мордами, смахивающими чем то на короткошерстых котов. Эти чудища заменяли планунам скаковых лошадей.

Зачем плавунам была нужна человеческая пленница, Эльза не понимала. Не ради же работы ее захватили? Ведь наравне с ней занимались точно та ким же трудом и другие плавуны, и было не похоже, что они не справляют ся без помощи пленников.

Убивать, кажется, тоже не собирались. По крайней мере, пока.

Но пришло время, когда Эльза от души пожелала, чтобы ее лучше убили. Случилось это, как только она поняла, что плавуны привели ее к себе лишь по прихоти одного из них, с зеленоватыми плавниками на предплечьях.

...Когда несколько месяцев спустя Эльза больше не могла трудиться на залитых водой лугах — наклоняться за водорослями мешал живот, — ее пе рестали заставлять работать. Начали лучше кормить. Когда как то раз забо лела — лечили. Даже говорили изредка.

Настал день, когда плавун с зеленоватыми плавниками на предплечьях подошел к Эльзе, долго рассматривал ее прозрачными рыбьими глазами без ресниц, а потом снял с ее шеи щупальце ошейник.

Эльза убежала той же ночью...

* * *

— В маленьком королевстве этому событию очень обрадовались. И сыграли принцу с принцессой громкую, красивую свадьбу. Вот после нее-то принцесса с принцем и зажили долго и счастливо...

* * *

До форта Эльза все таки добралась. Измученная, чуть живая — но дошла.

Не сказать, чтобы ее появлению особо обрадовались. Но удивились. А не которые даже изъявили сочувствие. Которое, впрочем, немедленно иссякло, как только Эльза рассказала, что с ней приключилось.

Выслушав ее историю, переселенцы, привечавшие в форту чужаков и картежников, легкомысленных девиц и просто подозрительных личностей, регулярно устраивавших безобразные пьяные драки в салуне, окаменели лицами. Многие из них уже потеряли кого то из близких в непрекращаю щихся схватках с плавунами, потому рассчитывать на их сочувствие Эльзе не приходилось.

—Только ублюдочных плавунцов нам тут не хватало, — пришли к едино душному выводу переселенцы.

Они бы собственноручно вытолкали Эльзу за стены форта и спокойно захлопнули бы за ней ворота, а еще лучше — спалили бы на костре, но тут

вмешался Эд. Прошел сквозь толпу. Звенели исцарапанные шпоры на тя желых сапогах, ладонь лежала на рукояти револьвера. А покажите ка хоть одного, кто не видел, как ловко он управляется с этим оружием! Линии подбородка жесткие, застывшие, шрам на смуглом лице побелел, а в пас мурных глазах вот вот грянет гроза. Подошел к Эльзе, которую окружила клокочущая возмущением и праведным гневом толпа, взял ее за руку и молча, спокойно, не торопясь, повернулся спиной и повел сестру в офи церскую пристройку к казарме.

— Поживешь пока здесь, — едва не впервые обратился он к ней.

Измученная, заплаканная, Эльза ничего не ответила. Только без сил по валилась на жесткую седельную кровать и заснула.

С тайным желанием никогда больше не просыпаться.

Но просыпаться все таки пришлось.

Пришлось выходить из казармы. Резаться об острые взгляды переселен цев. Вздрагивать от ударов жестоких слов.

С замиранием сердца ждать каждый вечер брата — лишь бы вернулся жи вым и невредимым. Эльза перестала бояться его, молчаливого, замкнутого; Эд больше не был для нее чужим. Он оставался по прежнему далеким, но непостижимым образом был близким и родным.

Эльза больше не выходила за пределы форта — после случившегося Эд не пускал. Ей оставалось коротать день за днем, месяц за месяцем внутри вы соких бревенчатых стен, за которыми сменяли друг друга осень, зима и вес на с летом. Не обращать внимания на злые пересуды. Прислушиваться к ра зухабистой игре расстроенного пианино и взрывам пьяного смеха, донося щихся из салуна, к нередкой, но оттого не ставшей привычной стрельбе. На деяться, что это — драка в кабаке, а не атака на форт. Ждать возвращения брата. Размышлять — обо всем на свете. Вспоминать.

Эльза часто думала, отчего Эд стал таким? Замкнутым, жестким, молча ливым. Страшным...

Потом вспоминала Илву — слой свинцовых белил и клюквенных румян на нездоровой желтоватой коже. Вспоминала, как давным давно, будто в другой жизни, уговаривала сестру переехать, убеждая, что ничейные земли за морем как раз то место, где возможна другая жизнь, и дивилась своей наивности.

Не место делало жизнь такой, какой она была. Такой ее делали люди.

Не люди, впрочем, как выяснилось, тоже.

Слышала — снова и снова — слова плавуна с зеленоватыми плавниками: «Челове эки, вы плохо усвоили прошлый уро о ок... Мы разрушили все ва ши ка аменные города а а... Вы забы ыли, мы то по омним». И, невольно прижимая руки к животу, а позже — колыбель к груди, с тревогой прислу шивалась к далекому грохоту морского прибоя. В нем ей чудилось грозное предупреждение и голос неизбежности.

Неизбежности, от которой не уйти и не спастись. Разве только получить небольшую отсрочку.

Вроде той, которую получила она, напросившись в путешествие к ничей ным землям за морем.

Вроде той, которую в свое время купила ей Илва.

Бессонными ночами Эльза слушала грозное предупреждение моря, и пе ред глазами, будто наяву, снова и снова вставали — мощные, величествен ные и гордые — каменные города неизвестного народа, с неведомыми пись менами на высоких колоннах, с облицованными цветным изразцом стенами. Вставали — и падали под напором невиданных морских чудовищ, валились под градом летящей гальки, рушились под натиском пришедших с моря ура ганов... Кричали, погибая под ударами острых раковин в руках плавунов, пе реселенцы из за моря, искатели новой жизни в богатых ничейных землях... Ржали, обезумев от запаха гари, рвали привязь лошади... Сухо палили ру жья и револьверы... И рушились, поддаваясь неукротимому напору воды, бревенчатые стены форта...

* * *

— Значит, сказке конец?

— Почти... Самое главное, малыш, что любовь принцессы и принца сказочного народа не только принесли много счастья им самим. Она еще навсегда помирила обиженных друг на друга соседей.

— И те больше никогда не ссорились? — голосок совсем уже сонный. Спокойный, умиротворенный.

— Никогда.

— А почему?

— Потому что принц с принцессой вместе смогли создать такое особенное волшебство, которое навсегда объединило два народа. Сделало их одним целым. Как только они увидели это волшебство, то сразу перестали ссориться. И начали с тех пор жить мирно и дружно. Вот тут-то сказка и кончается...

Девочка спала.

Костер почти потух, и он не стал разжигать его. Встал. Привычно поправил револьвер на поясе. Крутанул барабан... Поморщился — оставалось всего три патрона.

Потянулся. Поправил на плече пропитавшуюся засохшей кровью повязку. Скупой лунный свет выхватил белесый шрам на смуглом лице, заглянул в пасмурные глаза — и смущенно скрылся.

Он огляделся вокруг. Впереди лежало Крайнее море. Нужна только лодка, чтобы его пересечь.

Позади поднимался дым от пепелища, оставшегося на месте разоренного плавунами форта. Огненная могила многим сотням людей.

Девочка заворочалась, и он снова присел рядом. Легонько погладил светлые волосы, улыбнулся самым краешком губ, глядя на то, как дрожали ресницы на закрытых глазах. Осторожно подтянул сползшее одеяло и заботливо прикрыл зеленоватый плавник на серебристом предплечье.

Завтра они поплывут через Крайнее море.

ЮЛИЯ ЧЕРНЫХ

Я ТОКСИКОЛОГ

Поскольку сам процесс вытрезвления не зависит от ведомственной принадлежности учреждения, куда доставлен гражданин...

Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ в Минюст РФ от 20.04.2006 г. № 34/6 123 ВА

НЕТ, ВСЕ ТАКИ ЖЕНЩИНЫ ЛЕГКОМЫСЛЕННЫЕ, УПРЯМЫЕ и бестолковые создания! Ну, какого хрена ее понесло в гости к родне на три дня, оставив мужа в обнимку с двумя ящиками водки? Да же и не водки – ликера, что ли, орехового, вон, белка на этикетке нарисована. Ангела бы во искушение ввело, не то что мужика во цвете лет! Разумеется, когда мы приехали на вызов, полтора ящика были употреблены, квартира разгромлена, жена в истерике, а сам пациент скорее мертв, чем жив.

В квартире вообще то ничего так. Чистенько. Было. Стереообои на стенках с пейзажами. Покоцанные здорово, видимо, кто то пустые бутылки пытался в озеро выкинуть. Занавески почему то обгорелые, да груда пустых бутылок. Сам хозяин лежит на диване недвижимо. Дышит. Духан стоит – атмосфер пять. Смотрю, однако, доктор наш не торопится капельницу ставить. Живот помял – печень, конечно, выперло, на глаз видно, а поджелудочная еще держится. Постель засранная, но не в буквальном смысле.

— Что это у вас за водка? – спрашивает доктор. – Леонид, посмотрите.

Леонид – это я. Стажер. Специалист по токсическим веществам. Типа эксперт.

— Это не водка, — сквозь рыдания говорит жена. – Это «Пот дракона».

Ах, вот оно что! То то я смотрю, у мужика глаза хоть и закрыты, а под веками ворочаются. Ух, блин, да он сейчас говорить начнет!

Как накаркал. Мужчина несколько раз открывает рот и с усилием выталкивает слова:

— Душно мне...

Он выгибается в кровати, и вдруг из раскрытого рта выбивает столб пламени. Фельдшер Маша, занявшая при словах «Пот дракона» позицию в изголовье с подушкой наготове, сноровисто накрывает ему лицо. Жена заходится в рыданиях.

Я беру одну из бутылок. Надо же, обознался. Не белка это, а Дейнебский дракон с каштаном в лапах.

— Свекор привез, — говорит жена между всхлипываниями. – Они на Дейнебе живут. По дешевке купил, а у нас скоро свадьба, серебряная... Должна была бы быть...— Она утыкается в платок.

Мельком подивившись причудам русского языка, разглядываю бутылку. Вроде все на месте. Голограммы, медали, чешуя в стеклянной стенке. Пробую на вкус. Не первый сорт, но похоже на правду. Однако послевкусие подозрительное. С «Потом дракона» надо быть очень, очень осторожным – Дейнебский каштан, из которого его гонят, содержит эфирные масла, придающие «неповторимый аромат», но их сивушные масла в человеческом организме в сочетании с кислородом вспыхивают на раз. На Земле самогонка из Дейнебского каштана самый верный способ самоубийства путем самовозгорания.

Смотрю бутылку на свет. Ага, вот оно. Не научились еще подделывать.

— Смотрите, – показываю женщине. – Если вот так повернуть, из голограммы должен всплыть дракон с каштаном.

— Ну да, — говорит она, – знаем. Что мы, неграмотные, что ли. Вон, всплывает.

— Да, но у него в лапах не каштан в золотом ореоле, а ананас какой то. Паленый «Пот» вам подсунули.

Женщина бледнеет, потом краснеет. Дошло, видимо, чем ситуация пахнет.

— Леонид, созвонитесь с седьмой наркологией, — командует доктор. — Если там не примут, повезем на Болотниковку.

У жены при слове «наркология» в глазах вспыхивает атавистический страх семи поколений алкоголиков.

— Не дам, – говорит она тихо, но твердо. – Не пущу. Сама выхаживать буду.

Доктор пожимает плечами – он и не сомневался.

— Подпишите вот здесь отказ от госпитализации. Мы сейчас внутримышечно введем общеукрепляющие средства, а вам придется подежурить. Не давайте говорить, вообще открывать рот. Воду пить нельзя, даже газированную – вскипит. Лучше водку.

— Газированную? – тупит жена.

Доктор рассеянно кивает и продолжает:

— Если будет самовозгораться, накрывайте плотной тканью, и ни в коем случае не заливайте водой. Я думаю, дня через три организм справится с токсинами. Если наступит ухудшение — вызывайте скорую.

Ей очень повезет, если этот кретин доживет до серебряной свадьбы. Но современная токсикология не знает надежного способа вывода из каштанового похмелья. Полное переливание крови, разве что. Драконьей.

Следующий вызов на соседней улице. Пять минут по тропинке через широченную стройку. Едем в обход три квартала. Сколько раз наш главный пытался выбить для нас авиатарелку или хотя бы гравикапсулу. Дохлый номер. Вот помрет кто нибудь, пока мы по залыберям колдыбаем...

У подъезда стоит большеглазая бледная девушка, кутаясь в черную накидку.

— Скорее, — кричит она, — маме плохо!

Мама – это святое. Спешно прибываем в квартиру. Кто у нас тут мама? Вот те раз! Пожилая негритянка мечется в широкой кровати и вяло поста нывает. Украдкой смотрю на девушку. Типичная курносина из Рязани, аф ропризнаков не наблюдается. Ладно, с этим потом разберемся.

У кровати тазик с рвотными массами. Молодец, не выбросила. Нагиба юсь, рассматриваю. Массами это назвать нельзя, так, жидкость бледно жел того цвета с вкраплениями желчи и, кажется, крови. Не здорово. Опускаю экспресс диагност ТКС 3, краем уха слушаю, как девушка рассказывает, что мама третий день не ест. Негритянка еле слышно сообщает, что у нее ниче го не болит, только наизнанку выворачивает. Ничего себе, а наизнанку вы ворачиваться не больно?

Диагност звякнул. Снимаю показания. Бактериальный фон – терпимо, токсины – в норме, радиационный – почти хорошо. В чем шутка юмора? Не ужели органические яды? Фосфолипаза, например. Это было бы неприятно: они экспресс методом не определяются, а диагностируются, главным обра зом, по внешнему виду трупа. До которого не хотелось бы доводить.

— Как зрачки, Николай Павлович? — спрашиваю доктора.

— Немного расширены.

Тоже ничего не дает.

Иду на кухню выбросить колпачок диагноста. Вбегает девушка.

— Мама пить просит, передайте чайник.

Передаю. Что то меня царапнуло, не понимаю пока что. Интуиция у ме ня так себе, куда мне до Маши!

В комнате продолжается допрос больных и сочувствующих. Что пили, какие препараты принимали? Пили сначала зверобой, потом марганцовку, потом левомицитин с активированным углем — ничего не помогает. Консер вов не ели, ни земных, ни инопланетных, грибов, змей, пауков тоже. Из по дозрительных блюд вспомнился паштет недельной давности поедания.

Мне передают полупустой чайник и просят набрать воды. Я иду с ним на кухню, небрежно помахивая. Опаньки! Что то шмякнуло внутри.

— Что у вас там? – спрашиваю девушку.

— Ничего, — пожимает она плечами. – Вода.

А вот сейчас посмотрим, какая там вода. Чайник – запаянная колба с но сиком, так не заглянешь. Прошу принести кастрюлю. Выливаю воду и начи наю осторожно встряхивать. Ага, вот она. Из носика показывается швейная иголка с большим ушком, в котором продета светлая шерстяная нитка.

— Что это?! – восклицает девушка и тут же тянется к иголке. Я ее оттал киваю и зову фельдшера. Маша подходит, смотрит и недовольно морщится. Она терпеть не может доморощенного колдовства. Она у нас специалист широкого профиля в этой области.

Натянув магиенепроницаемые перчатки из кожи черного козла, Маша осторожно извлекает иголку и внимательно рассматривает нитку.

— А это ведь на тебя заряжено, — говорит она девушке. – Ты не пила от сюда воду?

— Нет, — отвечает та растерянно. – Я кофе в турке варю и минералку...

— Счастлив твой бог! Надо бы вызвать специалиста, но, думаю, я сама справлюсь. Фен в доме есть?

Фен есть. Свечка у нас своя. Маша начинает сушить нитку феном, а нас во главе с доктором выгоняет на кухню.

Рассаживаемся вокруг стола.

— Может, чаю? – предлагает девушка.

— Нет! – в один голос отвечаем мы с Палычем.

Сидим, ждем. На буфете стоит фотография немолодого негра с почти европейскими чертами лица.

— Это Ваш отец? – спрашиваю, чтобы не молчать.

— Да, — отвечает она. – Он пропал без вести в дальнем космосе десять лет назад. Мама до сих пор верит, что он вернется, хотя...

Улавливаю неуверенный тон в голосе и начинаю задавать наводящие вопросы. Выясняется, что последние полгода к маме зачастил поклонник – соотечественник, уроженец Центральной Африки. «Очень приличный человек, этнограф». Он занимался культурой и обычаями Российской глубинки, изучил ее вдоль и поперек, а сейчас собирается возвращаться на родину, в Африку, и маму зовет с собой. Настойчиво. Мол, здесь квартиру продадим, там дворец купим, и будет нам счастье. Та, может, и поехала бы, да не хочет дочку тащить, а оставить боится.

В комнате раздается крик. Мужской. Мы переглядываемся, девушка вскакивает. Через пару минут открывается дверь, выходит Маша.

— Что это было, — спрашиваю. – Колдовство Вуду?

— Какое Вуду?! — раздраженно говорит Маша. — Обыкновенный деревенский наговор, на мертвую воду, кое как слепленный. Хотела бы я знать, какой болван этим баловался?

Я тихонько рассказываю про поклонника. «Фотографии есть?» — спрашивает Маша. Девушка приносит групповой снимок. Маша раскручивает иголку на нитке, и та, отклонившись от вертикали, уверенно показывает на высокого бритого негра.

— Он! – ахает девушка.

— Ты вот что, — наставляет ее Маша. – Как он придет в следующий раз, иголочку эту ему куда нибудь воткни...

— В яйца! – радуется девушка. Чувствуется, что ей давно этого хотелось.

— Нет, ну зачем же. Надо быть гуманней. В подкладку пиджака, пальто. Так, чтобы было незаметно. И он от вас отстанет.

В коридор, держась за стенку, медленно выходит худая негритянка с измученным лицом. Но глаза у нее почти живые и блестят.

— Мама, — подскакивает к ней девушка. – Куда ты встала? Иди, ложись, я все принесу.

Мы складываем инструменты. На прощание Маша берет в руки фотографию отца и прикладывает ко лбу. Так она лучше чувствует.

— Коридор, — говорит она уверенно. – Зеленые обшарпанные стены... двери...

— Что на двери написано? – быстро спрашиваю я. — Посмотри направо! Читай!

— БППРИАЗ...

— Налево!

— Фотограммомет... Все. Не вижу больше. Кончилось кино, – Маша воз вращает фотографию на буфет. – Этот человек жив. И он на Земле.

Уходим, оставив за собой легкое замешательство, переходящее в панику. Надеюсь, счастье им все таки будет.

В машине спрашиваю Машу:

— Что такое БППРИАЗ? И эта... фотограммо... чего?

— Понятия не имею! Спроси в лаборатории, может, они знают.

Ввожу в автопилот следующий адрес. Знакомое местечко. Не притон, но что то вроде. Взрослые уехали во Внеземелье на заработки и оставили дво их ребятишек на попеченье бабушки. Бабушка умерла год назад, 15 летние подростки вырвались на свободу и давай резвиться. Квартира приличная, денег не меряно, пригляда никакого, голова дурью набита. Во всех смыслах. За этот год ребята испробовали практически все земные и неземные нарко тики и не стеснялись угощать друзей и приятелей.

Палыч передает мне буканот с почтой вызова.

— Леонид, что скажете?

Причина вызова: «Друг взлетел и завис на потолке. Помогите спуститься».

— Галлюцинации, – уверенно говорю я, возвращая буканот Палычу. – Псилоциды, мескалин, фенциклидин, ДОБ, дейнебская зеленка.

— Смотри внимательней.

Ну, чего там еще? Ох, ты, мать чесна! Вызов повторяли три раза. С про межутком в полтора часа. Представляю себе наших диспетчеров! «Снимите друга с потолка». Естессно, первый раз их послали, второй раз задумались, а на третий раз послали нас выводить всех «из тени». Хотя постойте, что же это за глюки, которые три часа длятся без изменений? Чует мое сердце, опять из Внеземелья какую дрянь приволокли.

Пытаюсь представить, что бы я делал на месте этих ребят. Собственно, я и делал. Меня тоже воспитывала бабушка, только с родителями повезло меньше. Отец сгинул, когда я был в еще несмышленом возрасте, а мама... А что мама? На моей мамочке хороший токсиколог со специализацией «Алко голизм» может три диссертации сделать. Начиная с «проблем выживания» и заканчивая «способами изготовления алкогольных напитков из подруч ных средств». Понятно, да? Наверно, поэтому я пошел в токсикологи. Пси хическая травма с детства и все такое.

Прибываем. Заходим. Квартира большая, но бестолковая. Пять комнат, все в кучу – двери, двери, двери. Хозяева – мальчик и девочка, близнецы. Сегодня в разуме. У девочки только зрачки расширены, а у мальчика суже ны в точку, но оба говорят и ходят. И приводят нас в комнату, где действи тельно, под потолком, нагнув голову, упираясь затылком в потолок, обхва тив руками босые пятки, висит в позе лотоса молодой человек не самого ху дого телосложения.

Оглядываюсь на Машу. Она тоже обалдела не меньше меня. Палыч доста ет пинцет, подходит к парню на потолке и щекочет пятку. Пятка дергается.

— Мария, запишите, рефлексы присутствуют. Что он принимал?

Девочка протягивает пластиковый пузырек с надписью на камольском языке. Блин, внеземелье! Опять накаркал.

— Леонид, Вы интролингво изучали, насколько я помню. Можете перевести?

Интролингво я действительно изучал, но эти закорючки не всегда разби раю. Хвостик налево, хвостик направо – это нам доступно, но понять, когда хвостик изгибается в вежливом наклоне, а когда в издевательском – уволь те, не осмысляю. Впрочем, на пузырьке четким официальным языком зна чится: «летальные капсулы». Лихо! Я бы трижды задумался, прежде чем та кое глотать.

— Снять с потолка пробовали? – спрашивает Палыч близнецов.

— Ой, сколько раз! Он тяжелый и не дается.

Подхожу к парню, подпрыгиваю и хватаю за ногу. Действительно тяже лый. Взбрыкнув пяткой, он вырывается и распластывается под потолком. Теперь до него без стула не достанешь.

Рассматриваю пузырек с капсулами. Достаю одну, разламываю. Просы пается белый порошок, а из половинки выглядывает кремниевое рыльце ми крочипа гравитатора. Порошок? Морфий, классика, с добавками. Растворя ясь в желудке, запускает гравитатор. Вот это я понимаю, улет! Хорошо, хоть не на улице, где бы мы его там ловили. Поможет только промывание желуд ка, а как его делать на потолке?

Палыч начинает неторопливо перебирать флакончики в медиките. Из со седнего помещения доносятся стоны. Заглядываю туда.

В небольшой комнате как хворост в лесу вповалку лежат молодые ребя та. Желатиновые пирамидки и мескалиновые «пуговицы» разбросаны по полу. Кто то курит, сосредоточенно пуская дым, кто то лежит под гипноус тановкой с отломанной дверцей. Излучение падает на девочку рядом, и она время от времени протяжно мычит. Ну еще бы. Судя по сухости кожи и се кущимся волосам, она опийная наркоманка, а с гипноизлучением это плохо сочетается. Милая, не хотел бы я попасть в твои кошмары.

В центре комнаты на полу сидят два молодых человека, один толстый, другой худой. Между ними лежит спичка.

— А спо о орим, ты не сможешь перепрыгнуть через спичку, – говорит толстый.

— А спорим, что могу.

— Не е ет. Спичка – она большая. Она больше, чем ты.

— Ну и что. А я подпры ы ыгну.

Речь их тягуча и замедленна. Анаша.

За прошедший год я научился различать наркоманов по внешнему виду. У опийных наркоманов резко сужены зрачки, бледное лицо, сухая кожа, они постоянно чешутся. Анашисты беспечны, легковесны в своих поступках и действиях. Меняется восприятие течения времени: минуты кажутся часами, а часы – минутами. Им представляется, что все предметы изменили свои

размеры, из за чего движения могут быть плохо координированными. У них расширены зрачки, покрасневшие лица, веки. Речь «заплетающаяся», дыхание учащено. У тех, кто принимает кодеин или эфедрин, повышенная активность, болтливость, непоседливость, сбивчивая речь и бессмысленная суетливость, нарушена координация движений. Обращают на себя внимание бледное лицо, расширенные зрачки, сухие губы, которые наркоман постоянно облизывает. Количество следов инъекций на коже очень невелико. Синтетические наркотики, всякие ЛСД, Love Drug, ДОБ, дейнебская зеленка — «вещества, производящие чувства внутри нас» — вызывают галлюцинации и предсказать поведение такого наркомана практически невозможно. Теперь правильно, господин профессор, я исправил свою тройку?

Про внеземные наркотики я и не говорю. Вон, висит один под потолком, пятый час снять не могут.

Входная дверь распахивается, и в квартиру врывается человек пять бойцов в серой полицейской форме и бронехитонах.

— Всемнапол!!! — орет один из них. – Рукизаголову!!!

Девчонка привычно падает, остальные и так лежат, а я с достоинством остаюсь стоять, посверкивая жетоном «Скорой токсикологической». Меня обходят, полицейские разбегаются по квартире. Из комнаты, где висит наш пациент, раздаются крики и ругань. Я так понимаю, что его пытаются уложить на пол. Ну ну.

Захожу туда. Действительно, двое неслабых качков, ухватив за ноги и за шею, тянут пациента на себя. Он отлепляется от потолка и зависает у них в руках. В это время возле широкого окна раздается призывное бибиканье. Подхожу, выглядываю и цепенею от зависти. Аэробус. Икарус. Дверью к окну. Последняя модель. Во, блин, полиции и армии все, а здравоохранению остатки с барского стола.

Полицейский открывает окно и начинает грузить в аэробус наркоманов. Некоторые вылезают сами. Нашего пациента втаскивают и приковывают наручниками к креслу. Он вспархивает и зависает головой вниз.

— Ваши документы!

Протягиваем паспорта. Высокий худощавый капитан мельком их просматривает и тыкает в меня пальцем.

— Будете понятым, Леонид Аркадьевич. Остальные свободны.

Вопросительно смотрю на Палыча. Он связывается с диспетчерской, выясняет, что вызовов по нашей части пока нет, и дает добро.

Мама моя, в редкий период просветления пыталась объяснить, почему пьет. «Человек создан Господом не для этой жизни. Большую часть мозга мы не используем, но он побуждает нас к действиям, нам самим непонятно каким. Нет покоя, понимаешь? Ни на Денебе, ни на Альтаире, ни на Земле человек не сумел использовать все резервы своих извилин. А это мучительно. Чтобы заглушить зов мыслей, мы пьем, травим себя наркотиками, нюхаем и колемся. Те, кто избежал этого, либо гении, либо дебилы».

Моя мама была умная женщина, но в плане заглушения своих мыслей она преуспела с лихвой. А я не дебил и не гений. Я токсиколог.

На следующем дежурстве первый вызов к мужику, отравившемуся «дра коньим потом». В «причине вызова» значится: «бредит, заговаривается».

— Он что, разговаривает? – интересуюсь у Палыча. – Хотя... Третий день. Пора бы и в себя прийти.

Палыч пожимает плечами.

В квартире чисто, прибрано, даже стереообои кое где залатаны.

Пациент выглядит не лучше, чем в прошлый раз. Глаза его запали, а ли цо, наоборот, распухло. Он невнятно бормочет, но когда мы подходим по ближе, отчетливо произносит: «голова моя машет ушами, как крыльями... на шее ноги маячить...»

— Вот, слышите, — говорит жена. – Бредит. Все про черного человека тал дычит.

— Стихами ваш муж не увлекается? – интересуется Палыч.

— С чего бы это? Ну, частушки поем по праздникам.

Палыч присаживается к кровати и надевает манжету тонометра.

— Черный человек на кровать ко мне садится, – комментирует пациент. – Черный человек спать не дает мне всю ночь.

— Действительно, на стихи похоже, – говорю я.

Доктор сухо смотрит на меня поверх очков.

— Был такой поэт, – поясняет он. – Есенин. Лирик. Это отрывок из по эмы «Черный человек».

Надо же, лирик, а как лихо написано. Куда там нашим космо панк рокерам.

— Что вы даете мужу? – спрашивает Палыч.

— Водку, как вы и сказали, газированную.

— Леонид, проверьте, — говорит доктор, не моргнув глазом. Газированная водка – это круто, и где, интересно она ее берет?

— В магазине покупаю, – как бы в ответ на мои мысли торопится доло жить женщина. – Самую лучшую, мы уже ученые. А газируем дома, мне де верь установку привез.

Действительно, бутылка внешне сомнений не вызывает. Вставляю экс пресс диагност, тот щелкает и мигает красной лампочкой «смертельные токсины». Ну ка? Це два аш пять о аш. Этиловый спирт, как и было пред сказано. И больше ничего.

— Чем газируете? – спрашиваю женщину. Она ведет меня на кухню и де монстрирует кустарного вида установку, в которой торчит знакомый такой баллончик. Ой, какой знакомый баллончик...

Осторожно, стараясь не дышать, вынимаю его из установки, на вытяну той руке несу в комнату и предъявляю доктору.

— Где работает Ваш деверь? – строго спрашивает он?

— В медицине, как и вы, – растерянно отвечает женщина. – Сантехником в госпитале.

— Оно и видно, – сердито говорит Палыч. – Мария, ставьте капельницу, будем выводить из запоя.

Иду с Машей в машину за станиной и причиндалами к капельнице. Маш ка веселится:

— Она что же, его три дня на закиси азота держала? Видать, здоровый мужик, если выдержал.

Люблю я смотреть, как людей из запоя выводят! Лежит такой страшный, синюшный, еле дышит, и вот уже через пять минут щеки розовеют, глаза приобретают осмысленное выражение, дыхание восстанавливается...

Пациент обводит осмысленным взглядом присутствующих.

— Где этот, черный? — говорит он хриплым голосом. – Он мне денег должен.

Жена кидается к серванту, начинает судорожно перебирать какие то конверты, что то находит, успокаивается.

— Да не эти, дура! – не унимается мужик. – Другие.

— Какие такие другие?

Взгляд мужика делается еще более осмысленным. Он уже понимает, что сморозил.

— Ну...такие... премия, там...

К чести жены, она ориентируется достаточно быстро.

— Да бог с ними, с деньгами, Васечка! Лишь бы ты был здоров.

Васечка облегченно закрывает глаза.

На лестничную площадку, куда нас провожает хозяйка, выходит соседка с ведром. Пустым. Вот зараза.

— А что, Любаша, — говорит она ехидным тоном, – твоего уже выпустили из полиции?

— Полиции? – переспрашивает жена.

— Ну как же! Твой же здесь вертеп устроил, приехала полиция, всех повязали, увезли – и Мишку из соседнего подъезда, и Петьку, и черного этого, ханыгу.

— Какого черного?!! – орет жена, доведенная Есениным до исступления.

— Нигера, – поясняет соседка. – Из Рязани. Он еще стихи читал.

Все вс? поняли? Нигер. Из Рязани. Где в лесах много много диких обезьян.

Смена заканчивается в 9 утра. Иду домой мимо стройки и квартала, где живет та, глазастая. У которой мама болела магическим токсикозом. Собственно, мне не то, чтобы по дороге, но ноги сами туда заносят. Третий день как. Иду и размышляю, допустимо ли стажеру проведать больную? Конечно, это прямо предписано врачебной этикой, клятвой Гиппократа и... И вообще, а вдруг ей опять хуже стало? Требуется помощь? Необходимо проверить. Я в этом просто уверен! Но, видимо, в десяти метрах от подъезда начинает действовать какое то особое поле, и моя уверенность испаряется. Третий день как.

На этот раз на подходах к дому меня отлавливает бомж. Видно, совсем доходяга, лицо землистого цвета, черты расплывшиеся, ногти синюшные.

— Слышь, паря, – хрипит он. – Купи значок. Хороший значок. Берег на черный день, но не могу больше. Трубы горят. Купи, а?

Значок знатный. Красивый значок, номерной к тому же. На фоне звездного неба летит ракета, пламя из сопла вырывается, звезды мерцают. Все это объемное и движется. Неподвижны только буквы: «28 МГЭ». Институт какой то, что ли? Почему то думаю про глазастую, беру значок, сую бомжу десятку.

У подъезда замедляю шаг. Вдруг?

Вдруг дверь распахивается и оттуда вылетает девушка уже не в черной накидке, а в красной курточке с капюшоном. Увидев меня, она замирает на мгновение, потом бросается вперед.

— Здравствуйте! – почти кричит она, хватая меня за руку. – Это вы? Вы пришли проведать маму? Ой, я так рада! А она на работе, уже совсем здорова. Пойдемте к нам, я вас чаем угощу.

Вот те здрасьте! Сколько раз я представлял, как осторожно беру ее за руку и как бы ненароком начинаю гладить нежные пальчики, все дальше и дальше, продвигаясь к запястью... а тут меня... почти борцовским хватом. Весь наработанный сценарий пошел насмарку, но так тоже нефигово. По крайней мере, не надо ничего объяснять – за меня уже все рассказали.

Пьем чай из тщательно проверенного чайника. Делимся биографиями. Ее зовут Ольга, она учится в институте пищевой промышленности. На факультете синтетических питательных веществ, но хочет переходить на биотехнологии. Ей кажется, что из водорослей выращивать телятину приятнее, чем из нефти. Набираюсь наглости и спрашиваю, как получилось, что ее родители черные, а она светлая? Приемная, что ли? Ольга не обижается, а смеется.

— Нет! Моя мама метиска, полурусская. И я тоже метиска. Вот, смотри, – она протягивает мне свои пальчики. – Видишь, лунки ногтей не розовые, а фиолетового цвета. Метис может быть абсолютно белым, но ногти его выдадут всегда.

В голове что то щелкает, откладываясь. Продолжаем разговор. Я рассказываю про себя, про бабушку, про работу. Время пробегает стремительно. Наконец спохватываюсь, что надо бы уходить.

На прощанье протягиваю значок на память. Типа подарок, вместо цветов. Ольга берет, рассматривает и стремительно бледнеет.

— Где ты его взял? – тихо говорит она.

— У бомжа купил.

— Это значок той экспедиции, где пропал мой отец. Ты давно его купил?

В моей голове отчетливо щелкает несколько раз, и все детали головоломки выстраиваются в один ряд. Не может быть, чтобы было так просто!

— Пойдем, — говорю я, безжалостно хватаю Ольгу за руку, вытаскиваю на улицу и волоку к тому углу, где видел бомжа последний раз. К счастью, он еще не набрал на свою бутылку.

— Дядя Ахмет! – кричит девушка ни минуты не раздумывая. – Дядя Ахмет, вы что, вернулись? А где мой папа?

Бомж тупо смотрит поверх голов.

Ольга хватает его за куртку и начинает трясти.

— Где мой отец?! Где все?! Говорите же, дядя Ахмет!

Бомж разлепляет потрескавшиеся губы.

— Ахмет, – говорит он. – Да, я Ахмет.

Приводим дядю Ахмета к Ольге домой и загоняем в ванную. Я делаю инъекцию дипромедалона, чтобы трубы поменьше горели, Ольга оповещает родню. Первой появляется Ольгина мама, потом небольшая толпа чернокожих

оживленных людей. Землячество. Оказывается Ахмет и Ольгин отец у себя на родине вроде национальных героев — представители страны в межгалактической экспедиции. Приезжает даже настоящий колдун Вуду – маленький, сморщенный, с нашлепками нейрозондов на бритой голове.

Отмытый Ахмед восседает в гостиной как именинник и явно ждет, когда поднесут. Колдун пристально смотрит ему в глаза, берет за руку, гладит по голове и говорит несколько слов на родном языке. Публика всех оттенков шоколада почтительно внимает.

— Он не зомби, — переводит шепотом на ухо Ольга. – Он живой, но не совсем. Душа его заблудилась далеко далеко среди звезд, и вернуть ее трудно.

Ольга отстраняется. Ну что ж ты так мало наговорил, колдун!

Гости начинают спорить, кто заберет Ахмета. Мне вручают охапку тряпья на выброс. Проверяю карманы, обнаруживаю неиспользованные зажигалки, мелкие липкие монеты, пультик с кнопками, видимо, от сигнализации, упаковка янтарной кислоты, рецепт и справка о проживании в Доме социального призрения Севастопольского района г. Москвы. Разглядываю рецепт. Транквилизатор, причем не из слабых. Клиника экстремальной медицины, доктор Прохорова Е.Б., телефон, адрес. Отложим.

Зажигалки и монеты выбрасываю вместе с барахлом, рецепт забираю себе, пультик отдаю Ольге. И иду домой. Хватит на сегодня, спать пора.

Дома меня ждет повестка в полицию. Наверное, по душу тех наркоманов.

На следующее утро звоню Ольге, узнаю, что Ахмета приютили родственники, а его жена прилетит послезавтра. Он ничего не помнит, никого не узнает и очень плохо соображает. Когда ему налили водки, начал читать стихи. Ахмет был космолингвистом, знал десятки языков и наречий основных народов Галактики. Где остальные члены экипажа и что с ними сталось, узнать не удалось.

Еду в Клинику экстремальной медицины к доктору Прохоровой Е.Б. Происходит занимательный диалог: «На что жалуетесь?» — «Я здоров. Нужна консультация по поводу вашего пациента». Прохорова бросает взгляд на рецепт и костенеет. «Сведений не даем». «Мне очень нужно! Видите ли, этот человек...» «Вы из полиции? Официальный запрос, пожалуйста!» «Нет, я медик» «В смысле?» «Ну у у, стажер» «Плохо вас учили, молодой человек! Идите и пригласите следующего». Вот стерва!

На дежурстве рассказываю историю с Ахметом Маше и жалуюсь на врачиху. Машка тут же просекает фишку:

— Это ты, Ленечка, на тайну личности нарвался. Она ведь даже не спросила, что тебя интересует. «Нет» — и все! Давай мы Ахмета устроим в клинику к Палычу, где он консультирует. Ахмет алкоголик, верно? И запросик пришлем на карту официальный.

Машка – золотой человек! Полностью с ней соглашаюсь. Надо связаться с Ольгой по этому поводу.

После дежурства недоетый и недоспатый иду в райотдел полиции давать показания про наркоманов. Утомленный по жизни следователь выясняет путем опроса, как меня зовут, где я проживаю и действительно ли я присут

ствовал... мая при обнаружении и изъятии наркотических веществ. Пере чень веществ забит в протокол. Подтверждаю и уточняю, что изъяты были также психотропные препараты и высокотоксичные вещества. Следователь оживает и под диктовку записывает все, что я наговариваю. Расписываюсь под каждой страницей.

На прощание уточняю, в какой стороне туалет.

— Ниже этажом и направо, пройдете через террористов, завернете за угол экономической преступности и сразу за криминалистами дверь без надписи.

М да. Весело они тут тусуются.

Спускаюсь этажом ниже, прохожу мимо ОБОПиТ, заворачиваю за угол и натыкаюсь взглядом на дверь с надписью «БППРИАЗ». Опаньки. Развора чиваюсь. «Фотограммометрическая лаборатория». Бли и ин! Какого там цвета обшарпанные стены?

Звоню Маше домой, подходит дочка. «Дядь Лень, — говорит она мне до верительно. – Мама спать легла после смены. Я ее разбужу, а она меня в ля гушонка превратит. Хочешь?». Не хочу. Машка страшна в гневе. И впрямь превратит!

Сбегаю вниз. В дежурке скучают двое.

— Мужики, – говорю. – Негра у вас не было?

Они переглядываются.

— Негры нас посещают регулярно, – говорит один. – Тебе на кой?

Сбивчиво, перескакивая с одного на другое, рассказываю про пропавшую экспедицию, Машкино ясновидение, дядю Ахмета. Мужики проникаются.

— Значит, его родственники опознали? Эй, Морозов!

Подходит полицейский в форме старшего лейтенанта.

— Чего тебе? – спрашивает он дежурного, мазнув по мне быстрым взглядом.

— Ахмета твоего родственники опознали. Оформляй протокол и пиши себе галку, только по всей базе пробей.

— Не учи ученого — ворчит Морозов и ведет меня в кабинет.

— Так, – говорит он мне. – Смотрим по РИФу.

— Это что такое?

— Российский информационный фонд. Сейчас найдем твоего Ахмета в Едином реестре.

Ахметов в базе тыщщи. Бесфамильных – сотни.

— Есть еще параметры?

Почему то всплывает «нигер из Рязани».

— Рязань, — говорю.

— Так, Рязань по всем полям. О! Двое!

С экрана на меня глядит карими глазами «дядя Ахмет».

— Он! – говорю я.

— Похож, – соглашается Морозов. – Карточка выставлена Рязанской клинической больницей по потере памяти. О, да здесь и легенда есть!

Он нажимает на кнопку, выскакивает надпись «Введите код доступа». Морозов вводит, и на экране разворачивается страница с описанием исто рии Ахмета. Читаем, едва не сталкиваясь лбами. И впрямь легенда!

Три года назад в деревню Лопухи, что под Солотчью, из Красных болот вокруг Черного озера вышло пятеро мужчин. Они были оборваны и угваз даны по уши, и частично обморожены: стояла поздняя осень. Деревенские приняли их за заблудившихся охотников, хотя оружия ни у кого не было. Группу доставили в Рязанскую областную клиническую больницу, где при обследовании обнаружилось, что все пятеро не помнят ничего до момента выхода в деревню, кроме своего имени, в то же время один из них уверен, что он капитан, другой – штурман, третий – бортинженер. Двое не помнят ничего и практически ничего не соображают. «Частичная либо полная утра та интеллекта» значится в легенде. Предполагалось, что это экипаж летаю щего крыла, упавшего в болото и каким то чудом не замеченный радаром и местными жителями.

Для прохождения дальнейшего лечения отправлены в Клинику экстре мальной медицины, Москва.

— Как найти остальных? – спрашиваю Морозова.

— Никак, ссылок нет. Эта карточка тоже должна быть снята и поставлена на учет от клиники ЭМ. Так что повезло твоему Ахмету, что родственники опознали! Слушай, а они не подавали в розыск как без вести пропавших?

— Какой розыск! Где? В космосе?

— Эх, темнота, темнота. Был бы он в базе, мы по сверке давно бы нашли и Ахмета, и папашу твоей девушки. Пальчики они сдавали? Сдавали! Ну и все. Скажи этим родственничкам, чтобы зашли ко мне протокол подписать, и снимем Ахмета с розыска. Сейчас помечу в досье, чтобы не забыть.

Морозов открывает файл досье. Подглядываю через плечо. Пять приво дов, все по пьянке. Бурная жизнь у космолингвиста, ничего не скажешь! Цепляю взглядом строчку «Взят на поруки». Тыкаю пальцем.

— Кем взят?

Старлей смущается.

— Ну, это так положено писать. По закону мы должны задерживать таких на три дня, либо отдавать на поруки. А кому нужно алкашей держать? Про спится, и на улицу, а для проформы пишем. Хотя... Последний раз меня не было, им Прокопенко занимался, а он дотошный, харя протокольная. Гля дишь, и впрямь на поруки отдал. Сейчас узнаем.

Морозов снимает трубку.

— Василь Петрович! Категорически приветствую. Скажи, Ахмета неделю назад кто у тебя забирал? Я мафию развожу? Какую мафию? Африкан скую? С этого места поподробней!

Выясняется, что за Ахметом и впрямь приехал его соплеменник.

— Петрович! Дай ка его координаты. Ну, скинь файлик, будь человеком! Бутылку? Да хоть две! У меня пол ящика конфиската стоит. «Драконий пот».

Я отчаянно мотаю головой. Ох, чую, пациентов у нас прибавится! Моро зов на меня косится и продолжает:

— Знаю, что паленый, а мы его водочкой разбавим. Ага, по рукам. Ну, давай.

В углу экрана начинает мигать конвертик с почтой. Морозов открывает файл.

Зелимхан Безымянный. Место жительства – проездом. Место работы – Космоспецстрой, ведущий инженер. Не слабо. Фотография. Так. Понятно. Значит, моя Ольга – Зелимхановна. Бывает хуже, но реже.

— Старлей, — говорю. – Хочешь еще галочку? Пойдем, протокол на месте составишь.

Морозов схватывает на лету.

— Погоди, парадный китель надену. Вас в этот спецстрой на порог не пустят.

Звоню Ольге, объясняю ситуацию и договариваюсь встретиться через полчаса у подъезда учреждения.

Морозов надевает парадный мундир с рядком медалей.

— Ничего себе, — говорю. – Боевые ордена?

— Ну так, — он пожимает плечами. — Вот эти две побрякушки для девчонок...

— А эта, «За отвагу»?

— А это мы ящериц на южных границах отстреливали.

Скромно. С достоинством. Знаю я этих ящериц – три метра от носа до хвоста и бластеры из лап не выпускают.

Честно говоря, я ожидал, что к Космоспецстрою прибудет вторая половина землячества, но там была только Ольга. Через пять минут подошла ее мама. Вы когда нибудь видели бледного негра? Цвет почти такой же, только губы белые.

Заходим. Охрану на вахте разгоняет Морозов мундиром и медалями. В вестибюле висит доска почета, вторым в верхнем ряду – Зелимхан. Ольгина мать смотрит на фотографию. Долго смотрит. Потом хватает за рукав проходящего мимо сотрудника.

— Где он? – отрывисто говорит она, показывая на фотографию. Сотрудник сообщает где. На пятом этаже.

Ведущий инженер проводит совещание. Врываемся в предбанник – капитан, звеня медалями, мама и мы с Ольгой в кильватере. Секретарша пытается преградить дорогу. Хе хе!

В кабинете за длинным столом сидит с десяток сосредоточенных людей. В торце – высокий негр с европейскими чертами лица что то вещает. Увидев нас, он замолкает, встает, и на лице его отражается целая гамма чувств – от удивления до радости узнавания.

— Женщина, — говорит он утвердительно. – Я вас знаю.

Ольгина мама подходит к нему вплотную.

— Зелик, — говорит она. Дальше не может. Слезы текут по лицу, оставляя дорожки. Зелимхан осторожно подбирает каплю на щеке. – Зелик, ты вернулся.

Она припадает к нему и утыкается носом в пиджак. Зелимхан обнимает сначала неловко, потом все уверенней. Моторные навыки не стираются вместе с внешней памятью.

— Она его жена, – объясняет Морозов собравшимся. – Он пропал без вести десять лет назад, а сейчас мы его нашли.

Собравшиеся сопереживают. «Санта Барбара», серия 7654. Женщины рыдают, мужчины хмурятся. Занавес.

Счастливый конец не будет окончательно счастливым, если я кое что не дорасскажу.

Члены экспедиции держали друг с другом связь через маячки – та штука с кнопками, которую я нашел у Ахмета. Их собрали вместе, объяснили, кто они есть и чего именно они члены, развели по семьям. Не всех. Штурман ус пел жениться и остался с новой женой. У Зелимхана тоже была какая то пассия, но Ольгина мама быстренько ее аннулировала.

У нас с Оленькой тоже все хорошо. Я теперь смело и по хозяйски могу ее взять за руку и даже за ногу, что частенько проделываю.

Вернуть память членам 28 межгалактической экспедиции пока не удает ся. Ребята явно подверглись какому то воздействию. Ни сканирование моз га, ни гипнорепродукция не дали результатов. Интересно, что у Ахмета в со ставе крови обнаружились токсины в таком количестве, при котором чело век обычно не выживает, даже фальшивый «Драконий пот» на него не дей ствует. Палыч пишет по Ахмету докторскую и считает, что восстановление памяти возможно, надо только подобрать подходящую методику. Думаю, что у него получится.

А по части нашей работы... Ох, что то не верю я, что человечество само по себе выберется из пандемии алкоголизма, наркомании, токсикомании про стой и магической. Что такое наши методы? Ерунда, погоня за уходящим поездом. Кто то из великих говорил, что болезнь надо не лечить, а преду преждать. Но боюсь, что сейчас эта задача нам не по силам, и решить ее смо жет разве что медицина будущего.

АНТОН ТУДАКОВ

ДРАКОНЫ НИКОГДА НЕ СПЯТ

— РИКО, А КТО БУДЕТ ПРОВЕРЯТЬ ГИДропонику в оранжерее?!

Гневный материнский вопль настиг Рико, который несся по потолочным скобам к тамбуру. До выхода наружу оставались считанные метры, он даже успел включить воздушный пузырь на ошейнике... И такой облом!

А, была не была! Один отчаянный прыжок, и Рико выплывает из потока света, льющегося через осмотическую мембрану. Над ним раскинулась россыпь звезд Млечного пути. Рико никогда не уставал глазеть на текущую в темноте реку огней, пусть даже кое где ее загораживали фермы транспортных лифтов и паутина струн Марчо Боба, отвечавшего в поселке за работу системной мультилинии или стармульки. Струны Марчо перевешивал каждую неделю, но качество связи от этого не улучшалось.

— Рико, негодник! А ну марш обратно!!!

В вакууме, конечно, звук не распространяется, а вот по локалке мамин глас мог настигнуть Рико в любом конце Сциллы. Благо, серебристая контактовая татушка ползла у него по спине от затылка.

Оставалось одно – молчание и позорное отступление под опоры стабилизатора, рядом с которым локалка глохла. Вообще то связь отключать запрещалось, но Рико, как и большинство колонистов, нарушал это правило постоянно. Другое дело, что сделать это сейчас будет чревато дополнительной взбучкой вечером.

Стоило Рико нырнуть под массивную башню стабилизатора, как в голове поселилось противное гудение, будто кто то разбудил рой пчел... Рико как то на Геспере их видел – маленькие противные твари, живущие в ульевых лианах. На Сцилле такого не держали, обходились гидропонными оранжереями. Здесь все крутилось вокруг свалки.

Именно туда Рико и направлялся.

Вообще то после войны и Исхода в поясе астероидов скопилось много всякого хлама. Где то больше, где то меньше. Около Сциллы и Харибды, которые когда то были единым целым, приключилась крупная потасовка, так что уж чего, а хлама здесь хватало. Предки Рико прибыли на Сциллу вместе с первой волной Исхода, лет двести спустя после завершения боевых действий. За это время все, что вращалось вокруг астероида радиусом в пару сотен километров, осело на нем несколькими слоями железа, металлокерамики и пластика. Просеивая скопившийся мусор, поселенцы выискивали что

нибудь полезное, после чего обменивали найденное на нужные для колонии предметы. В ход шло все – трубы, платы, севшие батареи, бронеплиты, кабе ля... А самое ценное находило своего покупателя потом, когда прилетали миротворцы.

Но кое чего не знали ни поселенцы, ни миротворцы, ни вообще один че ловек в мире, кроме Рико. Свалка не была такой мертвой, каковой казалась на первый взгляд.

Он узнал об этом три года назад. Пробираясь через завалы расколотых и изуродованных плазменными шрамами плит обшивки древнего корабель ного дока, Рико внезапно вывалился на почти свободную от мусора круглую площадку диаметром с жилой купол. При ближайшем рассмотрении она оказалась параболическим отражателем, использовавшимся для связи на первых порах колонизации, еще до ввода в эксплуатацию мультилинии. Не естественно белая поверхность слепила в свете гирлянды люмината, протя нутой над полем мелких астероидов между Сциллой и Харибдой. Якорь, на котором держалась гирлянда, вбили в поверхность Сциллы неподалеку, и болтающийся над иззубренным горизонтом старый шар люмината казался изъеденным червями маленьким солнцем. Рико прикрыл глаза рукой, раз глядывая дальнюю от себя сторону параболика. Там на боку лежал практи чески целый сегмент дока. Из трещины в брюхе вывалилась россыпь фибро пластовых контейнеров, покрытых незнакомыми цветовыми маркировками. По крайней мере, татушка не распознала большинство из них.

Похоже, сканботы, сотнями бродившие по поверхности Сциллы и веду щие съемку верхних слоев залежей, досюда никогда не добирались. Иначе содержимое дока давно бы растащили.

Рико сполз на поверхность отражателя и в несколько прыжков достиг контейнеров. Некоторые из них оплавились, и упаковка потеряла герме тичность. Внутри таких коробок в застывшем и помутневшем консерванте плавали жгуты оптоволокна, коннекторы, кристаллы памяти, платы, кон денсаторы и даже целые логические блоки бортовых нейро маги. Назначе ния некоторых штук Рико не знал, но в том, что, по меркам Сциллы, он на шел настоящее сокровище, сомневаться не приходилось. Даже корабли миротворцев, которых на Луне обслуживали сохранившиеся после Исхо да порты, пользовались самопальными запчастями. Но поделки нанофаб рик далеко не всегда могли заменить оригинальные детали и приборы, со зданные до Исхода.

Рико бродил между россыпей контейнеров, записывая цветовые коды, когда услышал голос.

— Слышь, пацан, ты не был бы столь любезен подать вон ту оранжевую хреновину?

Он застыл как вкопанный.

— Ты что, глухой? Или вас, маленьких долбо...бов, уже не учат вежливости?

Рико огляделся, но ослепительно белая чаша отражателя была пуста. Впрочем, он и так в этом не сомневался. Красная точка, мерцавшая перед глазами, говорила о том, что локалка колонии отключена.

Неужели глюки?!

— Твою мать, ну на УКВ то посмотри!

УКВ на астероидах не пользовались почти никогда – из за огромного количества помех. Однако сейчас в узеньком окошке диапазона билась едва заметная тонкая зеленая ниточка.

Сердце заколотилось в сумасшедшем ритме. На Сцилле проживало человек пятьдесят, и всех их Рико знал по голосам.

— Кто здесь? – выдавил из себя Рико.

— А ты возьми пластификатор и иди вправо, к пилону, — незнакомец смягчил тон. – И узнаешь.

На краю отражателя, покрытый вспученными волдырями полимерного слоя, действительно торчал покосившийся причальный пилон. От пустых гнезд датчиков, печально свесивших языки оборванных проводов, и многочисленных зияющих дыр несло тоской и безысходностью.

Рико подобрал валявшийся под ногами оранжевый контейнер с ручками и мелкими шажками двинул в сторону пилона.

— Да что ты ссышь, я ж тя не сожру! – тут же раздался недовольный рык. – От низкой гравитации у вас, обезьян, совсем мозги размягчились! Если я б двигаться мог, нахрен мне бы сдался тормоз, вроде тебя?

Рико тихонько прыснул. Ругаться в колонии запрещали, детей за это лупили по губам и наказывали. Но Рико не раз слышал, как взрослые срывались на сходках у председателя Тито.

— Чего ты ржешь, обезьяна?! – особым терпением собеседник Рико не отличался. – Шевели жопой давай, баб драть ты, небось, быстрей бегаешь!

Прибавив ходу, Рико оказался перед пилоном. Падавшая от него тень вырядела черным провалом в пространстве, казалось, сунь в нее руку и та исчезнет как обрезанная.

Поверхность под ногами дрогнула. Крышка люка выскочила из тени так внезапно, что мальчишка отшатнулся, выронив контейнер.

В темноте тусклым оранжевым пятном светился проход.

— Заваливайся. И пластификатор не забудь.

Рико застыл в нерешительности.

— А вы кто? Корабельный искин?

— Конь в кожаном пальто! – огрызнулся голос. – Ты с пеленок такой догадливый или тебя просто по башке часто бьют?

Немного поколебавшись, Рико шагнул вперед. В спину его подталкивало любопытство – еще никому не удавалось найти функционирующий корабль времен Исхода. Правда, насчет функционирующего он, возможно, погорячился. Внутренности посудины выглядели ужасно, сплошной хаос разорванных кабелей, скрученных под немыслимыми углами труб, деформировавшихся панелей и ни одного целого экрана. В переходах горели лишь гибкие шланги аварийной подсветки. Похоже, корабль стоял на ремонте во время боя и чудом остался цел.

Следуя указаниям голоса, Рико добрался до кабины пилота. В отличие от болтавшихся по поясу астероидов кораблей колонистов, здесь почти не бы

ло датчиков и приборов навигации. Лишь в центре овального помещения стояло противоперегрузочное кресло с прижатым страховочными рамами скелетом в жестком скафандре. Но стоило мальчишке приблизиться, как скелет вдруг вскинулся и протянул к нему скрюченные пальцы.

Завопив, Рико швырнул в мертвеца контейнер. На мгновение ему показалось, что все это время он разговаривал с покойником, который заманил его сюда, чтобы сожрать...

— Ну вообще! Ты бы видел свою рожу, пацан! Нет, слушай, это точно надо видеть!

На стене зажегся экран, и Рико увидел себя с выпученными глазами, отскакивающего от внезапно ожившего мертвеца.

— Ой, ну я не могу! – заливался искин. – Ты что, правда, на все это купился? Не ссы, этот мудила мертвей, чем Кеннеди в Далласе. Отлетался.

Скелет в кресле дернулся еще раз.

— Это ж просто пневматический компенсатор!

Рико судорожно сглотнул, но покойник больше не шевелился.

— Шутки у вас... — пробормотал он.

— Да уж, какие есть, — неожиданно смех оборвался. – Пролежи тут двести лет, слушая ваш гон по локалке, тоже не сахар станешь.

В свете экрана, где он продолжал таращиться на мертвого пилота, Рико принялся рассматривать рубку. Сомневаться в том, что он на военном корабле, не приходилось. Минимальный набор вспомогательных систем, отсутствие пассажирских мест, тянущиеся к пилотскому шлему кабеля, тесные коридоры, уцелевший искин... Миротворцы шерстили пояс астероидов в поисках сохранившегося оружия регулярно. Колонии предупреждались, что даже самый задрипанный бластер должен быть сдан немедленно, при попытках скрыть находки миротворцы стреляли не задумываясь. Их не любили, иногда боялись, но никогда не сопротивлялись. Для защиты от метеоритов вполне хватало щитов Гигера, а причина Исхода, гравитационный коллапс, сплющивший Землю, как резиновый мяч, служил лучшим подтверждением того, что оружие колонистам ни к чему. Если бы к этому выводу пришли на пару сотен лет раньше, вполне возможно, что тот псих, что отправил в сторону Земли гравитационный рипплингер, так и остался бы рудокопом где нибудь на марсианской Сайдонии.

По уму, надо было брать руки в ноги, и мчаться к Марчо Бобу, чтобы тот названивал миротворцам.

И все таки Рико колебался. Не похоже было, чтобы корабль представлял собой какую нибудь угрозу, слишком сильны были его повреждения. Да и беспрестанно матерящийся искин ему казался не таким уж страшным. Двести лет в полном одиночестве, в обществе скелета пилота...

— Ну и чего ты стоишь? – размышления Рико прервал недовольный голос корабля. – Может, ты не заметил, но мои мудаки конструкторы забыли приделать мне пару рук, чтобы я сам мог привести все тут в порядок.

— А что нужно делать?

— Вот, совсем другой разговор! Тебя как звать, пацан?

— Рико.

— А меня Рюдзин. Системный номер ПР 768 ГАШ. Ты, надо сказать, очень удачно сюда заглянул. Я так думаю, еще сотня другая лет, и я совсем бы свихнулся.

Ну, подумал Рико, и это время тоже не прошло для тебя даром. Но вслух ничего не сказал.

— Так вот, я был бы тебе весьма благодарен, если б ты помог мне привести тут кое что в порядок. Насколько мне известно, там, где валялся пластификатор, достаточно барахла, чтобы залатать мне нутро.

Рико огляделся. Внутренняя обшивка зияла многочисленными дырами.

— Но я ничего не знаю о военной технике, у нас ее просто нет, — вздохнул он. – Чем же я могу помочь?

— Да я и не сомневался, что миротворцы вас до усеру запугали. На мое счастье, когда меня создавали, предусмотрели и возможность того, что в моем брюхе будет ковыряться такая безмозглая обезьяна как ты. Я сам буду говорить, что делать. Твоему крошечному умишку это тоже пойдет на пользу, не всю же жизнь ты собираешься копаться в хлорелле и собирать сгоревшие конденсаторы.

Рико кивнул.

— Только одна просьба – ни слова твоим предкам или, упаси боже, этим мудакам миротворцам. Догадываешься, что будет?

Рико еще раз кивнул.

— Тогда бери пластификатор и начинай кабеля клеить. Да будет свет! Что, ты и этого не умеешь? Пипец, вот я попал! А хули делать? Слушай сюда, обезьяна, и учись...

Неоновое кольцо вокруг крепления засветилось ровным зеленым светом. Значит, давление достаточное. Рико поднял шуруповерт, позаимствованный у Марчо Боба, и принялся всаживать винты в отверстия.

— Так, кабель ЛР 12 заводишь в коннектор, там еще надо заменить пару резисторов, — бубнил Рюдзин в голове Рико. – У меня их взять неоткуда, так что пороешься на борту «Кринкаппа». Редкостный говнюк был при жизни. Его собственный пилот боялся до усрачки. В результате словили инерционную торпеду. Не знаю, как их вообще к полетам допускали – у них синхронизация на тридцать процентов ниже нормы была...

Рико вкрутил последний винт в крепление кабеля и сел, прислонившись спиной к стене.

За прошедшие три года он почти наизусть выучил большую часть схем Рюдзина, оказавшегося штурмовым истребителем. Корабль хвастался, что при полной заправке мог пересечь всю Солнечную систему из конца в конец, и еще осталось бы, чтобы полетать в атмосфере. Вряд ли такое ему по силам теперь, не смотря на то, что Рико тратил на возню с Рюдзином по два три дня в неделю. Все, чего ему удалось добиться, это заменить неисправные блоки нейро маги, привести в порядок коридоры, где больше не надо было пробираться через джунгли пластиковых трубок, и восстановить работу законсервированного реактора. Благодаря последнему на

Рюдзине появился свет, и заработала система управления. Толку от этого было немного, но Рюдзин сразу заявил, что торопиться им некуда. По его словам, на Сцилле покоились остатки еще доброго десятка кораблей бывшего Десятого Флота, которые пока никто не отрыл, и он, Рюдзин, вполне доволен тем фактом, что чувствует себя гораздо лучше их. Ведь все они давно мертвы.

— Поэтому, — пояснил корабль. – Смело дери из них кишки, вряд ли они пожалуются на тебя маме с папой.

Рико отложил шуруповерт и продавил через поле воздушного пузыря трубку с водой.

— Вчера миротворцы прилетали, – сообщил он, напившись. – Любят они Сциллу. Напоминали, что любое найденное здесь оружие подлежит немедленной сдаче.

— А то я не знаю. Вместо того, чтобы пи...деть попусту, лучше работу заканчивай. А то я себя чувствую как на вскрытии под местным наркозом. Ни х...я не больно, но смотреть на развешанные перед глазами кишки противно.

Рюдзин прослушивал локалку Сциллы постоянно, одновременно наводя информационные мосты к обслуживающим компьютерам колонистов. Здесь он обжился вполне неплохо, и теперь протягивал щупальца к сетям других колоний, используя свободные каналы стармульки.

А недавно он заставил Рико поймать пару сканботов, разобрать их и подключить к своим логическим блокам.

— Слушай, может мне все таки сдать тебя? – Рико вздохнул. — Вывезут тебя на Луну, выпотрошат твои нейро маги, и будешь ты безмозглым, как все остальные корабли миротворцев... Представляешь, какой жалкий конец для последнего искина в Солнечной системе?

— Тебе от этого легче станет?

— Ясное дело. Трачу на тебя свое личное время, мотаюсь по всей Сцилле, чтобы только у тебя трубы в системе охлаждения не горели... А где благодарность?

— Я тебе в зад расцеловать должен? – ехидно поинтересовался Рюдзин. – Если не нравится – иди копайся в оранжерейном говне. Или сортируй мусор. Не хочешь?

Чтобы скрыть свои походы к штурмовику, Рико обычно притаскивал мелкие контейнеры из дока или не имеющие военного назначения детали мертвых собратьев Рюдзина, к которым изредка совершал вылазки. Корабль отлично знал, где что на Сцилле лежит. И от своего логова сканботов отгонял тоже он – бедные тупые железки, благодаря наведенной Рюдзином электронной слепоте, просто не видели его обиталище.

Обычно обмен колкостями между Рико и Рюдзином проходил относительно мирно, но сегодня Рико заело. Ему не хотелось себе в этом признаваться, но дело было в четырнадцатилетней Китсе, обладательнице сотни огненно рыжих афрокосичек, между которыми вилась изящная паутина кондакт тату. К девчонке он подбивал подходы уже давно и, как ему казалось, делал это вполне успешно. Но сегодня утром Председатель

Тито объявил, что Китса, с целью обновления генофонда, выходит замуж за какого то хлыща с Харибды. И в ее глазах Рико не заметил ни капли сожаления.

— Знаешь, если бы не такие как ты, — в сердцах бросил он Рюдзину. – Мы бы не ошивались сейчас на вшивых астероидах.

Рюдзин промолчал, но Рико вдруг показалось, что корабль внимательно изучает его.

Спустя некоторое время Рюдзин заговорил.

— Что ж, пацан, пора поговорить серьезно. Я смотрю эта блевотина, кото рой миротворцы капают вам на мозги, и в твоей башке дырку проела. Луч ше было бы, если б ты сам начинал понемногу шевелить извилинами, но, ви димо, я слишком много хочу от людей.

В голове Рико раздался звук, похожий на вздох.

— Понимаешь, Рико, сам по себе тот же бластер не опасен. Это просто палка, которая мечет молнии, и то только если нажать на курок. Я же не одержим идеей перемочить всю вашу б...скую Сциллу. Так что все зависит от того, в руках какого придурка эта палка находится.

— Но ты же воевал и убивал...

— Ох...енная наблюдательность. Я такая же палка, только очень пиздл...вая. Ты думаешь, пилота ко мне сажали, чтобы я ему похабные анек доты травил? Или я, по твоему, был создан таким, какой я есть сейчас? Две сти лет на помойке хорошо прочищают даже нейро маги. Что касается тех мудаков, что когда то посылали меня и весь Десятый Флот в бой, то они оказались слишком тупы и направили ту самую палку себе в рыло. А она возьми, еб...ни по ним. Ты видел, что стало с Землей?

— Да.

— А знаешь, какая она была?

Рико покачал головой.

— Тогда иди, вышвырни Мистера Гребаные Кости с его трона и я тебе ее покажу.

Рико протиснулся в кабину. Скелет в скафандре так и сидел на своем ме сте, но на этот раз страховочные рамы оказались подняты.

Рико обхватил его под мышки и, стараясь не смотреть на скалящийся из за поляризатора череп, вытащил из кресла. По гладкой белой поверхности шлема бежала надпись «Беспечный стрелок».

— И куда его? – завертел он головой.

— Да хоть за борт, — буркнул Рюдзин.

— Ты так его не любил?

— Любил, не любил... Что за чушь? Я уважал Айка, а не мешок с костями, который теперь здесь валяется.

Рико пристроил пилота вдоль стены и опустился в кресло. Полужидкий полимер обхватил его, подстраиваясь под изгибы тела.

— Кабель прямо разъемами к голове приложи, — посоветовал дракон. – У вас частоты с военными кондактами не совпадают, так что шикарного кина не обещаю.

Сперва Рико не видел ничего, кроме бегущих перед глазами полос, сопро вождаемых шумом и треском. Затем между полос брызнул свет, и мальчиш ка растворился в нем.

Под ним проносились лопнувшие пузыри пыльных кратеров Луны. Рико видел мир глазами Рюдзина, а мир Рюдзина лежал во всех диапазонах све товых и радиоволн. Несколько раз картинка пред глазами менялась, окуная Рико в мешанину цветов и форм, пока, наконец, не вернулась к привычному для человек виду.

Повернув голову, Рико обнаружил справа и слева от себя укрытые поли мерными камуфляжами тени. Эскадрилья Рюдзина неслась навстречу вста ющему из за горизонта голубому диску. Вот штурмовики пересекли свето вой терминатор, и он смог разглядеть, как выглядит на самом деле укрытый в толще металлолома корабль. В обводах штурмовиков ощущалось что то опасное, хищное, как в акулах, когда то обитавших в морях Земли. Под вы тянутыми носами кораблей торчали стволы скорострельных пушек Гаусса. Разбегающиеся, подобно крыльям пилоны, они несли на себе кассеты ракет с ядерными микрозарядами и инерционные торпеды, а из кормовых сопел била голубая плазма. Перехватчики вели непрерывный обмен данными, и, хотя в этой какофонии машинных кодов Рико не мог уловить ни малейше го смысла, под голоса записи у него закипала кровь. Он неосознанно вце пился в подлокотники кресла, нащупывая рукояти управления.

Луна промелькнула под брюхом Рюдзина и исчезла в мгновение ока. Ри ко даже не сразу сообразил, что стремительно растущий голубой диск и есть Земля. Он привык видеть ее в виде багрового сплющенного шара, окружен ного кольцом осколков. При ближайшем рассмотрении старая Земля тоже оказалась окруженной кольцом, но кольцо это было рукотворным. Сотни боевых станций пришли в движение по мере приближения эскадрильи Рюд зина, вплетая в хор штурмовиков свои голоса.

Но все они были слишком медлительными для яростно рвущих прост ранство кораблей. Оборонная сеть Земли оказалась не рассчитана на скоро стную атаку относительно мелких штурмовиков. Атмосфера ударила в лицо Рико плотной подушкой облаков, разорвав которые, он увидел раскинувше еся под ним бесконечное голубое полотно. И лишь когда Рюдзин снизился настолько, что начал резать его стабилизаторами, Рико понял, что летит над водой. Это было немыслимое, не укладывающееся в голове зрелище – океан не замерзшей воды.

Оставляя за собой пенистый след, срывая листву с облепивших несколь ко мелькнувших внизу островов деревьев, штурмовики неслись навстречу поднимающемуся из воды городу, скоплению уходящих в стратосферу ба шен и запутанной системы транспортных артерий. Поднимающееся солнце, бьющее прямо в глаза, превращало его в черную горную гряду, состоящую из одних прямых углов.

Навстречу им поднимались охваченные боевым азартом перехватчики, ярко красные насекомые, из под крыльев которых вылетали дымные сле ды ракет. Горизонт встал дыбом, Рюдзин упал на крыло, уклоняясь от

атаки, и в беспокойном зеркале океана отразились десятки вспышек от ветных залпов.

Город расцвел вишневыми цветками, а на Рюдзине заработали пушки Гаусса.

Рико ощущал разрываемый обтекаемым носом штурмовика плотный со леный воздух. Он вместе с Беспечным Стрелком палил из пушек и наводил ракеты на цели согласно записанному в память Рюдзина полетному зада нию. И когда океан вздыбился фонтаном, он вместе с ними обоими испытал отчаяние от потери, их охватила животная ярость при виде гибели товари ща. Руки Рико/Айка, наконец, нащупали джойстики управления и жали на гашетку пушки, разрывая ферромагнетиковыми болванками бестолково ме чущиеся вражеские перехватчики...

Отключение от виртуального пространства Рюдзина оказалось настолько резким, что Рико буквально выпал из кресла. С минуту он сидел, опустив го лову и уперев ладони в пол, борясь тошнотой и опасаясь, что чувство, кото рое охватило его в бою с Рюдзином, покинет его навсегда.

Теперь и Рико понимал, чего стоили годы в забытьи для Рюдзина.

— Прочухался? – Конечно, Рико могло это показаться, но в голосе кораб ля промелькнули заботливые нотки. – Включи локалку, тебя полколонии уже обыскалось.

Рико вяло хлопнул по кольцу воздушного пузыря, и голова наполнилась многоголосицей Сциллы. Кто то на другом конце астероида выяснял отно шения, кого то отчитывали за увядшие растения в оранжерее, кто то моно тонно зачитывал список отгрузки на Геминир. Среди доброго десятка голо сов Рико расслышал гневные вопли матери, обещавшей спустить с него шкуру, если он тотчас же не откликнется и не явится домой. Неожиданно все эти проблемы показались Рико чрезвычайно скучными и убогими.

Как же все это мало походило на те силу и скорость, что он почувствовал в полете Рюдзина.

— Чего ты хочешь? – спросил он, понимая, что корабль не ответит ему при включенной локалке.

— Свободы, — всплыли перед глазами у Рико красные буквы.

— Все таки как ты был глупой обезьяной, так и остался, — распалялся Рюдзин. – Твои тупые мозги покрылись плесенью настолько, что ты не спо собен отличить х...й от ствола пушки!

Рико осторожно продавил пузырь и коснулся наливающегося синевой фингала под глазом. Не далее как пару часов назад у него состоялся увле кательный разговор с тем самым хлыщом с Харибды, за которого отдава ли Китсу. Конструктивного диалога не получилось – сукин сын сделал вид, что вообще не замечает присутствия Рико. Тогда Рико — в первый раз в жизни! — набросился на человека с кулаками. Он готов был по клясться, что три года назад, до встречи с Рюдзином, подобная мысль в голову ему бы не пришла.

И на свою беду мыслями по этому поводу он поделился с Рюдзином, ко торый посоветовал ему в следующий раз «переломать ублюдку руки и ноги,

и засунуть его башку туда, где ей положено быть». Зная характер корабля, Рико легко вычислил это место.

Сейчас он сидел в тени пилона, скрывавшего люк Рюдзина, и выслушивал мнение всегда готового почесать виртуальным языком собеседника.

— Я конкретном ах...е! Неужели ты не видишь очевидного? – Рюдзина несло по полной. — Вы живете как стадо овец, впадающих в истерику при одном упоминании войны!

— Да просто никто не хочет повторения Исхода, — попытался было возразить Рико.

— И поэтому вы позволяете миротворцам дрючить вас? Вот уж кто совсем больные психи – так это они. Ты не обратил внимания, как они ловко сели вам на шею?

— Что?

— Ну что они делают для вас? Отбирают те жалкие пукалки, что вы отрываете из руин боевых станций? Скупают у вас за бесценок запчасти к своим колымагам? Я пару раз видел, на каких развалинах летаете вы. Этак вы скоро на телеги с солнечными парусами перейдете. Но главное – ты мне скажи, по кой хер им все то оружие, которым они обвешались? С кем они собрались здесь воевать, если в вашей башке никаких мыслей, кроме повышения уровня жайности хлореллы, нет?

Рико убрал руку от саднившего синяка.

— Миротворцы вам вообще не нужны! – завершил тираду Рюдзин. Поверь мне, рано или поздно до кого то это дойдет, и он попытается послать их. Вот тогда вы и узнаете, нах...я им столько оружия и почему они боятся, что в колониях заведется кто то вроде меня!

Общение с кораблем привело к появлению множества вопросов, которые никогда раньше не приходили Рико в голову. Он вообще редко задумывался над тем, что происходило в Солнечной системе после Исхода, ограничив свой мир мусорными лабиринтами Сциллы. Парень собрался было что то возразить Рюдзину, но тут над краем отражателя возникла гибкая фигурка в облегающем костюме.

Он вскочил, включая локалку.

— Рико, вот ты где! – при первых звуках этого голоса синяк заныл с новой силой.

К нему приближалась Китса.

За спиной Рико неслышно захлопнулся люк.

— Господи, я так переживала, Хвон же мог размазать тебя в лепешку! – в три прыжка девушка достигла застывшего Рико. – Никогда бы не подумала, что ты на такое способен!

Она приблизилась настолько, что поля воздушных пузырей соприкоснулись и с легким шипением соединились.

— Не успела ли она чего нибудь заметить? — промелькнула в голове Рико тревожная мысль.

— Никогда бы не подумала... — повторила Китса, почти касаясь губами уха Рико. – И ради меня...

Рико показалось, что он лишь немного повернулся, но их губы вдруг со мкнулись друг с другом, и он забыл обо всем.

И лишь поняв, что оторваться придется, потому что иначе он задохнется, заметил перед глазами послание от Рюдзина – «Вдуй ей как следует!»

Рико вздохнул – ничего другого он не ожидал.

Огромные, заслоняющие звезды туши кораблей миротворцев, окружили Сциллу как загнанную в угол крысу. По всем каналам транслировался гре мящий голос командира соединения, полностью забивавший локалку, а ко лонию наводнили фигуры в отблескивающих сталью доспехах. Опущенные на лица забрала, болтающиеся на руках портативные щиты Гигера и энерго копья размером в полтора человеческих роста наводили ужас на колонис тов, большую часть которых согнали в центральный купол.

— Внимание жители колонии Сцилла! К вам обращается командующий эскадрой Тета миротворческих сил адмирал Церес! На астероиде обнаружен действующий образец боевого корабля сил самообороны времен Исхода! Мы призываем вас к сотрудничеству на период проведения операции – не покидайте своих куполов и не оказывайте сопротивления нашим офицерам! Корабль может быть чрезвычайно опасен! До момента его уничтожения ва ши жизни находятся под угрозой...

Рико среди сгрудившихся в куполах колонистов не было. Он в исступле нии лупил кулаками по безразличным к окружающему миру металлокера мическим плитам. С того места, где он находился, ему было отлично видно как миротворцы со сканерами обшаривали область вокруг отражателя.

Как, как они узнали про Рюдзина?

Внезапно по астероиду прокатилась серия толчков. Локалку огласил не истовый рев и в зенит ударил столб пламени. От его основания во все сторо ны брызнули фонтаны обломков. В ослепительно белом потоке, раскрыв пилоны, над залитой слепящим светом Сциллой восходил раскинувший крылья дракон штурмовик десятого флота ПР 768 ГАШ, известный Рико как Рюдзин.

Отражатель и миротворцы под ударами плазмы испарились, оставив по сле себя мерцающую воронку.

От Рюдзина к озарившимся вспышками кораблям миротворцев протяну лись тонкие нити реактивных следов. В ответ к штурмовику рванулись сот ни пульсирующих рек плазмы. Защитные поля заиграли всеми цветами ра дуги, и на месте корабля вспух слепящий цветок, мгновенно изрыгнувший из себя мириады раскаленных обломков...

Рико оставался на краю воронки, пока миротворцы не погрузились в ка тера и покинули окрестности Сциллы. Силы оставили его, он скорчился на плитах не в силах встать. Воздушное пространство внутри пузыря отсырело – из глаз покатились шарики слез.

— Слышь, обезьяна, сдается мне, ты раньше таким размазней не был, раздался в голове Рико знакомый голос.

— Рюдзин? – он вскочил, но рядом находился лишь обшарпанный скан бот, тупо поблескивающий объективом.

— Что, паршиво я теперь выгляжу, да? – бот с разгона треснул Рико в грудь, отчего тот мешком шлепнулся на собственный зад.

— Ты... Ты.. А как же это.. Миротворцы... Взрыв?!

— Ништяк ебан..ло, да? Меня твоя краля сдала. Огонь баба. Только, как и все вы, обезьяны, ума недалекого – пока ее папаша названивал миротворцам, я успел свалить. Ты очень вовремя закончил для меня переделку сканботов. Хреново, что память пришлось распихивать как попало, по всем вашим гребаным колониям, так что если в один прекрасный день я забуду твое дурацкое имя – не удивляйся.

Рико почувствовал, как его уши наливаются краской. А он то повелся на сказки Китсы!

Заметив реакцию Рико, сканбот боднул его в плечо.

— Бабы – они такие, либо ты их нагнешь раком, либо они тебя. Привыкай к этому. Но про тебя она промолчала. Так что не все так х...ево, как кажется.

Рюдзин на мгновение смолк.

— Извини, что пришлось тебя расстроить – если бы я не устроил этот фейерверк, миротворцы бы перелопатили тут все. А мне это нафиг не надо.

— Ну и что теперь делать? – Рико обхватил руками колени. – Все, что я сделал за это время, пропало!

Сканбот принялся нарезать вокруг него круги.

— Ну, во первых, ты закончишь размазывать сопли. Во вторых, работы у тебя прибавилось теперь в разы. Не знаю, сколько бы нам пришлось доводить до ума мой старый корпус, но я тут себе присмотрел вполне приличный гроб... Так что, лет через десять, миротворцы сильно пожалеют, что поленились всадить сюда ядерный заряд.

Рико поднял голову и посмотрел на болтающийся рядом бот.

— И, в третьих, какого хера ты расселся? – Рюдзин моргнул объективом. — Начинай работать, или думаешь, что я буду делать все за тебя?

АЛЕКСАНДР ГРИГОРОВ

ПЛОСКОСТОПИЕ

Кажется, никуда не уезжал: зашел в поезд и спустя время вышел.

Те же надоедливые таксисты, душная маршрутка, утопающий в зелени пятиэтажный спальный район. Все знакомое, родное, даже бабушки на лавочках вроде как похожи на тех, что плетут незатейливые разговоры возле моего подъезда. Пацаны играют в футбол и громко ругаются — такими же словами, как везде. Узнаю троицу алкоголиков в спортивных штанах, майках и резиновых тапочках. Подхожу ближе, смотрю — все таки это местные алкаши, не нашенские.

Останавливаюсь под пахнущей по июльскому обычаю липой. Сверяюсь с бумажкой, на которой значится адрес.

На четвертом этаже чистая лестничная площадка (один блок — двенадцать ступеней) и цветы на подоконнике — три горшка. Нажимаю кнопку, по ту сторону двери журчит легкая трель.

Открывает пожилая женщина в линялом халате.

— Здравствуйте, меня зовут Владимир. Я служил вместе с Яшей в армии.

Женщина вытерла руки о потертый передник и сдула с глаз челку:

— Очень приятно, я — его мама. А Яши нет. Но вы все равно проходите, я вас чаем напою, с вареньем.

Время есть. Собственно, я и приехал то сюда, чтобы проведать Яшку. Почти десять лет не виделись, пару раз письма друг другу написали, один раз созвонились — и тишина. Хорошо хоть адрес отыскал, и то случайно.

Захожу, разуваюсь, ставлю сумку.

— Пока чайник кипит, чем бы вас развлечь? — спросила мама, прибираясь на ходу в комнате. — А, вот, полистайте Яшин альбом. Может, себя там найдете.

Ушла в кухню, завозилась с посудой.

Я открыл альбом. С первой страницы смотрел курносый парень с кучерявыми черными волосами и ушами варениками. Выражение лица настолько серьезное, что не поймешь: человек на фото действительно сосредоточен или издевается?

И глаза — печальные.

Таким он и явился в казарму — рядовой спортивного батальона Яков Соломкин, хреновый шахматист и чудесный целитель.

— Господин старшина, разрешите доложить! Рядовой Яков Моисеевич Соломкин для прохождения службы прибыл! — отрапортовал салага и вытянулся во фрунт.

Сержант Бычков, борец вольник (категория до девяносто шести килограмм), чемпион армии и просто здоровенный мужик, подошел к худенькому новобранцу и зажал его в угол.

— Спортсмен? — спросил Бычков, кладя левую руку на плечо жертве. — В какой вид тебя призвали, Моисеевич?

— Шахматы, — опустив голову, ответил Соломкин.

Казарменный гул взорвался смехом, раздражая мою головную боль, которая ни с того ни с сего поднялась с утра раньше меня.

Шахматисты в спортбате были, но все — по совместительству. Пока у тебя травма или понос — сидишь, двигаешь фигурки. Специально подготовленных мастеров не брали — слабое подспорье в «горячих» точках. Единственным умелым шахматистом считался командир батальона майор Нагибо — по основному виду фехтовальщик шпажист. Впрочем, деятельный майор за время карьеры успел попробовать себя в волейболе (растяжение связок), тяжелой атлетике (травма поясницы) и стрельбе из лука (шрам на правой щеке).

Знать это мне было положено по должности: я второй год дослуживал статистиком.

— Шя ахматы, — передразнил Бычков. — «Шахматы, господин старшина!», — вот как надо отвечать старшему по званию. И как ты стоишь, боец, посмотри на себя. Фанеру к осмотру, рядовой Соломкин!

Новичок ответил виноватой улыбкой, как иностранец, не понимающий, что говорят.

— Кого, простите, к осмотру... господин старшина?

Снова заржали. Бычков размял руки и шею. Отвернулся от Соломкина и обратился к казарме, как бы заранее объясняя причину экзекуции:

— Ну вот, ничему в учебке не научили. Придется наверстывать практикой.

— Я в учебке почти и не был, господин старшина. До присяги в штабе сидел, с офицерами в шахматы играл, — оправдывался Соломкин, глядя на лица будущих сослуживцев. Ничего хорошего выражения этих лиц не предвещали.

— Обыгрывал шакалов?

Соломкин ответил не сразу, только когда дошло, что речь идет об офицерах:

— Когда как...

Кусман прошелся вокруг духа.

— Значит так, салабон, здесь тебе не штаб. Здесь я твой отец родной и одновременно старший товарищ. А если товарищ просит, — Бычков снова отыграл лицом на казарму, — нужно выполнять. Я тебя давно попросил предъявить фанеру к осмотру. Или этому в штабе не учили?

Старшина засмеялся шутке, солдаты его поддержали. Сидящие поближе начали выпячивать грудь, подсказывая Соломкину, что нужно делать. Он водил взглядом по казарме и, наконец, догадался.

Бычков даже не ударил — ткнул. Однако те, кто когда то ощутил на се бе силу старшины, прекрасно знали его умение причинять боль одним движением.

Соломкин согнулся пополам, сделал пару шагов назад и упал на спину, жадно глотая воздух. Прошло минут пять. Рядовой по прежнему не мог прийти в себя. Я подошел, помог добраться до своей койки и залезть наверх — второй ярус пустовал.

— Брось, Длинный. Его место в санчасти — до окончания срока службы, — процедил через губу Бычков.

— Сам разберусь, — брякнул я в ответ и принялся за отчеты, которых ско пилось полно после операции на Будальском полуострове.

Старшина хотел было что то добавить, но прикусил язык — с «дедуш кой», да еще и статистиком, спорить не надо. Черкнет в сводке чего пло хого — доказывай потом, что сухие цифры тактико технических дейст вий не передают всей полноты реальной схватки. Впрочем, Бычкову ни чего доказывать давно не приходилось — отличник спортивной подго товки, надежда батальона в любой операции, личный состав держит в дисциплине.

Против меня кусман не вставал, потому что в здоровье я ему не уступал.

Дался мне этот Соломкин? Просто жалко стало сопляка, бог весть как по павшего в спортбат. Грубая армейская несправедливость — она не для то щих и кучерявых потомков Моисея, которым самое место либо в тылу, ли бо в штабе...

...Послеобеденное время — самое противоречивое: приятная сытость бо ретсяс ожиданием вечерней тренировки. Снарядив вверенную мне научную группу в составе отделения на замеры, ровно в 15:45 я сел поиграть в шахма ты с Соломкиным. Расположились в беседке рядом с тренировочной пло щадкой. Контроль времени договорились не вести.

Яше достались белые фигуры.

Разыграли дебют ферзевых пешек.

— Бычков, конечно, человек ограниченный, но он прав. — Я говорил, вспоминая изученные в свободное время комбинации. — В спортбате тебе не место, ты здесь чужой. Давай похлопочу, переведем тебя. Может, писарем устроишься. Я бы к себе в группу взял, но там полный комплект, а через два месяца у меня дембель.

— Спасибо, не нужно. Меня сюда по блату направили — прятаться.

Яков Соломкин окончил первый курс механико математического фа культета и за год попал в инициативную группу, выступающую против войны на Будалах. Студентов во время майского шествия загребли в ми лицию, потом принялись арестовывать верхушку. Не дожидаясь, пока дело дойдет до Яши, его папа профессор придумал упечь ребенка в ар мию. Дескать, прятаться под носом у власти — вернее всего. В конце

концов, лишение свободы в армии немногим лучше тюремного заключения. Нашлись связи, закрутилось колесо знакомств, к месту пришлось увлечение Якова шахматами.

— А чем тебе война на Будалах не понравилась? — удивился я. — Сидел бы сейчас дома, учился и горя не знал.

— Чужое горе мне ближе собственного. Какая то особенность организма, что ли. Вот старшина сегодня меня бил, а мне было больно за вас: эдак он каждого может безнаказанно пинать. Вы сидите и боитесь, сами не зная чего. Удар в грудь по сравнению с этим ощущением — комариный укус.

— Положим, не на каждого кусман руку поднимает. Меня держись — все будет путем.

Яков задумался над ходом. Обостренное чувство справедливости — не лучший попутчик в армейских походах.

— Слушай, Соломкин, а ты стихи, часом, не пишешь?

Он поперхнулся и походил слоном. Почесал кучерявую голову и посмотрел в небо, словно собирался сказать откровение.

Я не спешил делать ответный ход, хотя продумал комбинацию заранее.

— Стихи — пишу, — признался Яков.

— А прочитай что нибудь.

И Яша прочитал:

Средь торговых палаток и мест
Ширпотреб есть из разных материй,
Но — единственное, чего нет —
Туфель сорок второго размера.
Хоть молись, хоть устрой дебош,
Хоть оставь в залог честное слово,
Все равно — нигде не найдешь
Ходового сорок второго.
Я другой не ищу пример —
Лишь на складе армейском обуют.
Там, какой у тебя размер,
Никого никогда не волнует.

Слова запомнились легко, а голова мигом перестала болеть.

Соломкин развел руками, мол, не суди строго, как сумел, так и сочинил.

— У меня плоскостопие, поэтому стихи получаются не очень, — сказал он и снова стал рассматривать позицию на доске.

Первой в голову пришла мысль сказать: «Так ты же не годен!» Но я вспомнил, что, во первых, в армию теперь берут и с плоскостопием (если очень нужно — тем более); во вторых, какое это имеет отношение к стихам?

— Хочешь сказать, что с плоскостопием в армию не берут? — Яша улыбнулся. Я кивнул. — Ты почти прав. В поэзии стопа — это структурная единица стиха, самая маленькая, состоящая из слогов. Эти самые стопы у меня получаются плоскими, не выпуклыми, как у мастеров. Потому я и назвал эту «болезнь» плоскостопием. Каламбур, понимаешь?

Мне говорили, что нужно соблюдать ритм, следить за ударными слогами в строках — математика для творческого человека. И если бы существовали поэтические войска, — Соломкин сделал мечтательную паузу, — дорога в них мне была бы заказана.

Мы сделали еще по паре ходов. Я перехватил инициативу, пожертвовав материал, но уверенности в том, что играю правильно, не было.

Думал, напротив сидит профессионал...

— Я попал в спортбат тоже почти случайно. Статистиков, как и шахматистов, сюда не набирают: воспитывают внутри коллектива. Вообще в армию идти не собирался: в институт поступил, в футбол за факультет играл. Там то меня и заметили...

...Человек в штатском беседовал со мной вежливо, но при всяком случае напоминал, что я достиг призывного возраста. Намекал: отсрочка по причине учебы спасает лишь тех, в ком Родина не сильно нуждается. А во мне она нуждалась позарез. И потом — лучше отслужить сразу, пока молод и силен, чем бегать от повесток, опасаясь за свое здоровье и благополучие семьи. Упирал на то, что буду заниматься любимым делом: играть в футбол. Паек щедрый обещал. На плац спортсменов не гоняют, режим — как в интернате. Дескать, поездишь, мир посмотришь, повезет — заработаешь деньжат. Это меня и купило: я из бедной семьи, рос без отца, мать всю жизнь на заводе работала — какие там достатки?

Подумал — и согласился.

Сначала шло здорово — двойная пайка, никакой уставщины, ребята нормальные в футбольном взводе подобрались. Правда, гоняли нас два раза на день по взрослому, но мы понимали: к профессиональным нагрузкам нужно привыкать. Служба, она ведь кому дорогу в милицию открывает, а кому и в большой спорт. Короче, привыкли.

Страшно стало, когда «деды» объяснили нам военную доктрину, о которой в газетах не пишут и между собой говорят редко.

После войны в Верхней Суе международное сообщество договорилось ввести мораторий на использование военной силы. Грубо говоря, с каждой стороны должно гибнуть не более определенного количества военных. Сам понимаешь, споров, требующих военного вмешательства, меньше не стало; да и оружия тоже. Только использовать его теперь приходится с экономией, в основном — пугать противника. Но что это, победа, если два генерала сошлись, посчитали на бумажке, у кого сколько техники и живой силы, и разошлись? Вот они и придумали новый вид войны. Спортивные подразделения были всегда и во всех армиях, но использовались для выпендривания. Какая разница, сколько кубков и дипломов пылится в музее части?

Новая доктрина делала спортсменов солдатами в прямом смысле слова.

Идея, конечно, не нова. По сути своей спорт — изначально война, столкновение противников, битва за победу. Разница в том, что смерть в спорте — событие редкое. Быстренько разработали регламент: обязательные и дополнительные виды, система подсчета очков, правила капитуляции и прочее.

Получилась Олимпиада наоборот, если вспомнить, что во время Игр войны останавливались. Денежные потоки от набитого плутонием железа повернулись к ДЮСШ и спортивным секциям.

Внезапный подъем спорта на самом деле был подготовкой кадров для передовой.

Судьба мира отныне зависит от спортсменов. Пехота может сколько угодно бряцать автоматами, авиация — гудеть моторами, артиллерия — крутить дулами. Но если проиграем войну мы, они вернутся «на щите».

Можешь себе представить состояние восемнадцатилетнего сопляка, который узнал, что он не просто гоняет мяч по полю, а защищает интересы Родины! Недели две у нас коленки тряслись на тренировках, казалось, что каждый неточный пас — это ранение, удар мимо ворот равен контузии, а поражение в двухсторонке — смерть.

Впрочем, волнение быстро прошло: через два месяца мы отправились в Будалы — играть против пучийцев в составе миротворческого контингента. Там осталось полно спортивных объектов после Олимпиады — есть, где посоревноваться. Сделали сборную, набрали лучших по всем видам спорта. Чем дело закончилось, ты, наверное, знаешь: мы проиграли. Регулярные войска остались, но больше для порядка.

В начале года я травмировался — выскочил мениск. После операции и восстановления оставалось восемь месяцев и одиннадцать дней до приказа. Играть мог на свой страх и риск: врачи рекомендовали завершить карьеру. В штабе решили перевести в статистики, чтобы зря не кормить. Могли и в обычную часть отправить — пожалели: все таки я неплохим игроком был, пучийцам со штрафного красивый голешник положил... Теперь сижу, в бумажках ковыряюсь. Вроде как войн не предвидится, хочу дослужить спокойно.

Соломкин слушал внимательно, забыв о шахматной партии. Наверное, у меня было такое же сосредоточенное лицо и испуганные глаза, когда впервые услышал об истинном назначении спортбатов.

Пока говорили, стадион заполнился: вечерняя тренировка шла полным ходом. Вдруг, как нож теплое масло, воздух разрезала громкая брань. Из здания спорткомплекса выскочил майор Нагибо в фехтовальном костюме и, матерясь на чем свет стоит, побежал в сторону хозкорпуса. Когда прибли зился к беседке, стало видно, что на левом предплечье у него краснеет пятно. Соломкин вскочил из за стола:

— Господин майор, разрешите помочь!

Нагибо пробежал мимо, потом сбавил ход и вернулся к Соломкину.

— Кто такой, почему не знаю?

— Рядовой Соломкин, сегодня прибыл в батальон для несения службы!

— Вид спорта?

— Шахматы!

Майор хмыкнул, присмотрелся и закивал:

— А, вспомнил. Хлопотали насчет тебя. Только ты, рядовой, в шахматистах не отсидишься, ищи дополнительное занятие. Ну, там бег освой или

стрельбу. Здоровьем то, вижу, ты хлипковат. Так винтовка, она не тяжелая, пистолет — подавно.

Поставив задачу, Нагибо развернулся и широким шагом продолжил путь.

— Я говорю, разрешите помочь, господин майор.

Нагибо застыл на полушаге и снова вернулся.

— Я вот сейчас сам помогу кое кому в каптерке, кто фехтовальное снаря жение принимал и брак не заметил, а потом тебе помогу — парочкой наря дов вне очереди. И только потом в медпункт пойду — помогать врачам, если не залатают меня как следует.

— Не надо в медпункт. — Яша оборвал полет офицерской мысли. — Сни мите, пожалуйста, куртку.

Сначала Нагибо махнул здоровой рукой на приставучего солдата, потом вернулся к Соломкину. И так — три раза. В конце концов, не говоря ни сло ва, снял колет.

Из раны сочилась кровь, расползаясь тонкими струйками. Яша обхватил пальцами раненое предплечье. Майор взвыл и витиевато выругался.

Соломкин начал читать стихи. Какие именно — мне из беседки было не разобрать. Слышал рифмованные отрывки и вроде уловил знакомые строки из школьной программы. Но забитая спортом память отказывалась воскре шать знания.

Из интереса я подошел ближе — Соломкин уже закончил шаманить. Вме сто рваной раны на коже у майора осталась круглая засохшая корка.

Увлекшись пересказом того, как шпага попала в незащищенное подклад кой место, Нагибо не заметил чуда. И только когда взглянул на руку, трое кратно матернулся.

— ...а ты говоришь — шахматы, — заключил майор пламенную тираду. — Тебе в санитарный взвод надо. Идем со мной, покажу твое место. Но снача ла — в каптерку. Я его, сукиного сына, одену в этот колет и поставлю в тире вместо мишени.

Соломкин засеменил по дорожке. С расстоянием ругань делалась тише, пока совсем не растворилась.

На доске недоигранной осталась партия: Соломкину грозил мат в два хода.

Через два дня, ровно в 11:30, Нагибо построил батальон на плацу. Сам майор расхаживал перед строем в синей дзюдоге — босыми ногами по ас фальту. Наступил на камешек, подпрыгнул и надел резиновые тапочки.

— Батальо он! Равняйсь! Смирно! Отставить... Равня айсь! Смирно! — Командный голос у Нагибо был что надо, без деланого надрыва. — Пе ред нами поставлена задача: провести спортивные действия на Мшеви нирах. Там решается вопрос спорных территорий. Помимо нас туда при командированы три батальона, лучших будем определять в жестокой борьбе. Кстати, о борьбе. На нее — основной упор. Вольная, греко рим ская, самбо, дзюдо — эти виды напрямую повлияют на результат войны. У них там есть «вольник», Рустам Садыров, чемпион мира, выступает в твоем весе, Бычков. Ты уж постарайся. Через неделю отправляемся в

точку конфликта. Остальную информацию доведут командиры взводов. — Майор поправил пояс, который то и дело норовил сползти на ноги. — В походную колонну! Справа повзводно! Направляющий взвод прямо, остальные — напра во! Дистанция десять шагов, по местам тренировок шаго ом марш!

Недели нам не дали — отправили спецпоездом через три дня. Армии сто яли у границ, рассматривая врага в прорези прицелов, иногда постреливая. Никто не знал, как сложится, поэтому нормативы по мораторию приходи лось беречь.

Меня взяли статистиком и одновременно репортером. Яшу, по личному приказу Нагибо, — в составе медотделения.

Ехали в плацкартном вагоне: резались в «дурака», забивали «козла», спа ли. Соломкин сидел на боковушке. Двигая фигуры по шахматной доске, он играл сам с собой.

В проходе появился Бычков. Качаясь в такт вагону, подошел к Яше и сел напротив. От старшины разило перегаром.

— А давай партейку сгоняем, Соломон, — сказал Бычков и, не дожидаясь ответа, расставил фигуры в два ряда. — На желание. Только, чур, круто не загадывать. Как там у вас: конь ходит буквой «Г», слон — наискосок, коро лева — куда захочет...

Бычков играл не по теории, но с умом. Белые под руководством Со ломкина вяло отбивались, вчистую проиграв дебют и к миттешпилю уступив противнику середину доски. Яша что то писал на бумажке. Я сначала подумал, записывает ходы, но присмотрелся и увидел четверо стишие. Мысли Соломкина витали далеко от засиженного мухами сто лика. К эндшпилю черные подошли с материальным перевесом. Во круг шахматистов собралась кучка солдат — такое развлечение в спортбате нечасто встретишь. На Яшином листочке появилось еще че тыре строки к моменту, когда Бычков объявил мат. Проигравший по жал руку победителю и снова принялся рассматривать бегущие пейза жи за грязным окном.

— А желание мое будет такое, — сказал старшина, разминая шею: — до са мой границы ты, Соломон, будешь стоять в тамбуре. И ни шагу в туалет, между вагонами тоже.

Это вам не кукарекать под столом и не ходить по вагону на цыпочках.

До границы оставалось часов пять пути.

— Ты же сам говорил — круто не загадывать, — подал я голос с верхней полки.

— А что тут крутого? Стой себе, кури... А слабо — так нечего садиться иг рать. Ты, Длинный, мазу не тяни, а то и тебе сыграть предложу так, что не откажешься.

— Попроще веди себя, старшина. Не с лимоном разговариваешь.

— Ладно, не пыли. — Бычков повернулся к проходу. — Вот поборю этого Садырова, получу звездочку и махну в столицу сверчком. Надоели вы мне, слабаки.

Подгоняемый колкими фразами, Соломкин взял листочек с ручкой и по шел в тамбур. Поезд въехал в сумрак гаснущего дня, встречая вечер дежур ным светом...

...Локомотив резко затормозил. Сонную тишину солдатского вагона взорвал грохот, а секундой позже — и крики проснувшихся пассажиров. Побежали в соседний вагон за врачом. В купе, где ехал Бычков, царила суета.

Старшина упал с верхней полки на стол. Теперь лежал на нижнем сиде нии и стонал от боли, держась за правый бок. Доктор прибежал вместе с майором Нагибо. Первый осмотрел пострадавшего и поздравил его с поло манным ребром, второй — сначала матерился шепотом, а после объявления диагноза — в голос и на всех подряд. Здоровье старшины интересовало в по следнюю очередь. Батальон потерял бойца, на которого ставили в схватке с мшевинирским чемпионом.

— А где Соломкин? — Спохватился майор, обводя взглядом личный со став.

— Он в тамбуре, — ответил кто то из хора.

— Зови его сюда!

— Не могу — он проигрался на желание.

Нагибо встал в полный рост, выпятил грудь и разразился тирадой в адрес солдатика — того снесло в тамбур, из коего рядовой вернулся уже вместе с Яшей.

За час до прибытия все улеглись по полкам, лишь Соломкин сидел рядом со старшиной, держа его за бок и беззвучно шевеля губами. Я принес ему чай и сам присел рядом похлебать горячего.

— Свое читаешь?

— Нет, у меня плоскостопие, я же говорил. Мое ему не поможет.

— Зря ты так. Я вот твой стих про туфли запомнил. Как голова болеть на чинает, читаю. Помогает.

Соломкин улыбнулся и махнул рукой — то ли на меня, то ли отгоняя сон.

— Это самовнушение, Вова. А ему разве что Есенин поможет — мягкие образы, обволакивающие строки, спокойные рифмы... авось срастется.

С поезда Бычкова на носилках перенесли в автобус. Всю дорогу до лаге ря Соломкин не отходил от старшины: читал стихотворения и прозу — из электронной книги.

На месте пострадавшего положили в лазарет, куда последовал и Яша.

Утром я нашел его спящим на соседней с Бычковым койке. Самого стар шины не было — ушел на утреннюю пробежку. Врачи развели руками: ника кого перелома — сильный ушиб.

В столовой за завтраком Бычков подошел к нашему столу, положил руку Яше на плечо, улыбнулся и сказал:

— А ты, Соломон, в тамбуре все таки не достоял...

Нас разместили на спортивно тренировочной базе в тридцати километ рах от мшевинирской столицы, где и должны были развернуться главные баталии. По итогам внутривойсковой квалификации составили сборные.

Выбывшие из списка отправились назад к местам несения службы — оста лись лучшие из лучших.

Майор Нагибо целыми днями гарцевал в плавках и ватерпольной шапоч ке — в «военный» перечень внесли водное поло, а наш командир когда то иг рал за училище. Перемена деятельности совпала с тем, что в дзюдо Нагибо не прошел отбор.

Ранним утром, в день выезда на фронт, Нагибо вбежал в нашу комнату и объявил:

— Ну, Соломкин, готовься! Мшериане протянули в список шахматы. Вы искали какого то камээса. Они же не знали, что у нас есть такой орел кудря вый! Так что давай, умственный гладиатор, не посрами Отечество!

Для поднятия настроения майор загнул матерный оборот и убежал.

— А я надеялся, что не придется... — протянул Яша, ложась лицом в по душку.

На передовую ехали молча, без балагурства. Каждый думал о своем, но мысль была общей — разгромить противника. Мшевиниры — народ горя чий, но, глядишь, проиграют и успокоятся хотя бы на время.

В 9:30 враждующие стороны сошлись на дорожках стадиона. За знаме носцами стояли воины, готовые разорвать соперника в честной схватке. На верное, так сходились на поле брани в средние века. Впрочем, что с тех пор изменилось в военном деле — технологии? Чепуха. Осталось самое страш ное оружие: злость и ненависть — с неимоверной дальностью действия и ра диусом поражения.

Зрители заполнили участки фронта. Вообще то гражданским на войне не место, но во Мшевинирских горах свои обычаи — законы здесь перестают действовать на высоте ста метров. Пройди по аулам — сразу не разберешь: кто спортсмен, кто мирный житель.

В десять утра на всех аренах, словно выстрелы, раздались свистки судей.

И началась война...

Мшевиниры придавили в стрельбе и штанге, мы отыгрались в теннисе и легкой атлетике. В борцовских соревнованиях «стенка на стенку» вели они, зато наши доминировали в плавании. Матчи по футболу и водному поло на чались одновременно, в 14:00, к тому моменту мы выиграли в футзал и про играли в волейбол. В таблице лидировали с небольшим отрывом гости. Си туация менялась после каждого вида.

В 14:20 Бычков вышел на разминку перед схваткой с Садыровым. В том же здании, на втором этаже, Соломкин сел за стол напротив предста вителя Мшевинир — дряхлого дедушки с папахой на голове. На то время мы проигрывали в водное поло — 3:5, а в футбольном матче держалась нулевая ничья.

Я наблюдал за борцовскими соревнованиями, в которых сохранялся относительный паритет: половину весовых категорий выиграли мы, поло вину — мшевиниры. Поединок «Бычков – Садыров» вполне мог стать ре шающим. Хозяин ковра выглядел мощнее, Бычков — техничнее. Он быс тро заработал два очка и стал действовать надежно, без авантюр. Садыров

пытался подсекать, проходить в ноги и корпус, но Серега умело защищал ся с шансами на контрдействия. На исходе четвертой минуты соперник перевел Бычкова в партер и заработал балл. До конца основного времени оставалось сорок пять секунд. Следующий выпад мшевинира успехом не увенчался — Садыров махнул мимо корпуса, оступился и головой врезал ся в правый бок противника. Бычков взвыл от боли и звук этот смешался с сигналом об окончании основных пяти минут. Поскольку никто из бор цов не набрал трех баллов, поединку предстояло длиться еще три оборо та секундной стрелки.

Вокруг Бычкова сновали врачи. Ревя медведем, старшина вырвался из медицинского окружения и поковылял к выходу. Я пошел следом. Подня лись к актовому залу, где шел шахматный матч. У стеклянной двери нас ос тановили часовые. Посторонним вход был запрещен. Трансляция велась на большом экране в холле.

Соломкин во время игры что то пишет на листочке. Судя по движениям — совсем не ходы. Опять отвлекается, салага. Тоже мне боец спортивного фронта. Позиция у него, конечно, смотрится лучше, но один неверный ма невр, и все посыплется прахом. Не зря же мшевинир расставил легкие фи гуры по флангам.

— А я говорю, зовите его сюда, он все равно играть не умеет! — орал Быч ков, трепыхаясь в объятиях часовых. — Я Садырова пополам разорву, если бок отпустит. Длинный, чего стоишь? Зови своего кореша!

— По правилам покидать зал нельзя, будет засчитано поражение, — успо каивал смутьяна судья будалец.

— Так он все равно сольет! Он мне проиграл, а я те фигурки двигал давно и немного. Быстрее, однополчане, у меня перерыв заканчивается!

На мониторе показали очередной ход Соломкина. Сначала я зацокал языком, а потом выпучил глаза: елки зеленые, так этому дедушке мат в три хода! Ай да Яша, ай да Моисеев сын! Подправил статистику в нашу пользу!

— Господин капитан, — окликнул я судью, — не знаете, как в водное поло сыграли?

— Ваши выиграли 10:9.

— Майор Нагибо забросил?

— Нет, весь матч запасным отсидел.

— А в футболе какой счет?

— Пока 1:0 — тоже в вашу пользу.

Шум за дверью докатился до шахматистов. Наверное, долетали только осколки фраз, потому что Яша в непонимании водил глазами от грозящего кулаком Бычкова на меня, показывающего ему три пальца.

Время тикало на часах противника.

Бычков рванул на охранников, в прыжке снес их вместе с дверью, и очу тился в проходе между рядами актового зала. Соломкин соскочил со сцены и подбежал к старшине, который держался руками за больные ребра и от шока уже даже не кричал.

— Рядовой, вернитесь за стол, — скомандовал судья, — или я засчитываю поражение.

Яша опрометью вернулся к столу, положил своего короля на доску, быстро пожал руку ошалевшему противнику и вернулся к Бычкову. Краем глаза я успел заметить, как дед обошел стол, взглянул на Яшины записи и положил лист в карман.

— Носилки! Быстро!!! — кричал Соломкин: не дух — боец с передовой.

Пока старшину несли в борцовский зал, Яша бежал рядом, держась за раненого и читая стихи — сбивчиво и невыразительно. Я не узнал автора, помню, что то вроде «силы страстных дней дохнули раненому в битве, вновь разлились в душе моей».

В перерыв мы, естественно, не уложились, но международный наблюдатель (пучиец) разрешил еле стоящему Бычкову продолжить схватку.

Садыров положил его на туше за десять секунд.

А через несколько минут мшевиниры сравняли счет на футбольном поле — с пенальти.

В общем зачете мы потерпели поражение.

Вечером на тренировочной базе собирали инвентарь. После ужина собрались на спортплощадке — обсудить перипетии «войны». Кричали, ругались, жаловались — в надежде заглушить ноющую тяжесть в груди. Молчали двое — Соломкин, который прилег на лужайку, и Бычков — тот залез на рукоход и, хмурясь, обозревал окрестности.

Послышался сигнал автомобиля. На площадку влетел «бобик». Майор Нагибо при полном параде выскочил из передней двери и одним крепким словом построил личный состав в две шеренги.

— Короче, так, — сказал майор, расстегивая верхнюю пуговицу, — «вой ну» мы не проиграли, как оказалось.

По рядам пронесся шепот, лица расплылись в улыбках.

— Чего лыбитесь? — прикрикнул Нагибо. — За результаты я с вас спрошу так, что долго будете держаться руками ниже пояса. Только что в штабе очки досчитали, мы влетели на три балла. Но мшевиниры отказались забирать отвоеванные земли, вместо этого дают автономию. Идею подал их премьер министр. Кстати, это с ним Соломкин в шахматы играл. Он просил передать твои записи, после построения подойдешь. Странно, раньше этот аксакал был категорически против автономии. Может, понял, что мы их в покое не оставим. А так поводов для конфликта не остается, вроде...

На обратном пути в поезде я выпросил у Соломкина ту бумажку — якобы переписать ходы для статистики. Искомканный лист в некоторых местах протерся, чернила размазались, но разобрать стихи, набросанные на полях, все таки удалось:

Если хочется и неймется
Не пахать, а идти в строю,
Так и так помирать придется —
От меча иль мяча — в бою.

Если смерть приравнять к пораженью
И спустить друг на друга рать,
На футбольном поле сраженья
Будут матери в голос рыдать.
Можно бегать пулею меткой,
Можно шпагой кольнуть в груди
И крылатыми ракетками
Половину чужую бомбить.
Коль уж вам так сильно не дружится
От тайги до британских морей,
Предлагаю другое оружие:
Амфибрахий, дактиль, хорей.

...Приказ генштаба о расформировании спортбатов нагнал нас по прибытии в часть. Государство в одностороннем порядке вышло из моратория на использование военной силы.

Я попивал чай, принесенный мамой Соломкина, и рассматривал военный альбом. Вот Серега Бычков — он все таки остался сверхсрочно, причем в спецназе. Погиб во время конфликта на островах Наби. А вот — майор Нагибо, на этой фотографии он в костюме велогонщика. Говорят, пошел на повышение, работает в министерстве обороны, занимается высокими технологиями. Ну, и моя физиономия — перед дембелем. Вернулся из армии, устроился физруком в школе. Спортивная доктрина отмирала долго, деньги по инерции выделялись, поэтому жил припеваючи. Потом взяли работать в городской футбольный клуб — тренером детской команды. У меня очень интересная метода: помимо тренировок, вожу пацанов по музеям, заставляю читать книжки и учить стихи. Детвора не понимает, зачем это, а родители благодарят. Недавно выиграли чемпионат края в своем возрасте.

— Вы расскажите, как Яша то поживает, — обращаюсь к маме, которая присела рядом и смотрит на фото. — Чем после армии занимался? Мне писал, что восстановился в институте, метил в аспирантуру.

Мама вздыхает и подвигает тарелку с печеньем.

— Да, Яша учился, в шахматы за институт играл. Все не мог уняться со своими подпольщиками — на собрания ходил, стихи читал. Больно ему от того, что творится — в каждую «горячую» точку лезем, столько смертей, столько горя... К нам раз пришли — предупредили, второй... А потом на митинге какие то подонки просто ткнули ножом в живот... Пока довезли до больницы — не стало Яши.

Отирает рукавом глаза и раскрывает альбом на первой странице — портрет Яши.

— Он так переживал из за плоскостопия.

— Нет, — я откладываю альбом, — Яша был совершенно здоров. Это мы больны.

Кажется, никуда не уезжал: зашел в поезд и спустя время вышел.

АНТОН ТУДАКОВ

ДОМ НАД ТУМАНОМ

ЗА ОКНОМ ПЛАКАЛИ КУСТЫ. КАПЛИ ДОЖДЯ СТЕКАЛИ с листа на лист, потом срывались и шлепались вниз. Влажный, терпко пахнущий растительной гнилью воздух кружил голову. Я завернулась в махровую простыню и уселась на подоконник, что бы смотреть, как осыпаются белые и розовые цветы гортензий, и дождь лениво прибивает их к раскисшей земле. Волосатый ствол пальмы, казалось, разбух от влаги. Одиночество, полное и совершенное оди ночество — цель без цели, пряные тропические ароматы и шум дождя, слива ющийся с шумом ручья, текущего под сложенной из камней стеной. Осталось только пойти в сад, собрать миску успевшей нападать с дерева мирабели и до бавить её сладость в гармонию ещё одного бесцельно проживаемого дня.

«Наконец то свободна!» — горько усмехнулась я. Пропиталась, как паль ма, теплым дождем и одиночеством, достигла полного размягчения.

В глубине зарослей послышался женский вскрик, торопливые слова, по том мужской голос ответил что то зло и резко. И — шорох осыпающихся камней. До последней интонации знакомый глюк, фонограмма прошлого, от звук чьей то смерти. Хотя почему чьей то? Женщину звали Анной. Анна Брусилова, она когда то жила в этом доме. Я никогда не видела её фотогра фий и представляла Анну светловолосой и сероглазой, с мелкими кудрями и легкой походкой. Она сломала шею, свалившись в ручей, тело нашли наутро. Моя соседка Роза любила рассказывать, как, выйдя собирать ежевику на ва ренье, заметила внизу что то светлое и сразу поняла, что случилась беда.

Потом была еще Галина, но ту обнаружили лишь на третий день в кустах за дорогой, и Роза досадовала, что поглядеть на убитую не удалось — торго вала на рынке хурмой, дело было осенью. Галина раньше жила в доме на другой стороне улицы, ближе к морю. Так что это — точно Анна.

Я дохнула на стекло, протерла ладонью и решила в сад не ходить. Не из за голосов, просто — лень.

Цокая когтями по деревянному полу, вошел Дерек, выгнул сильное чер ное тело, потянулся. «Собака в дождь должна спать» — было написано на осоловелой морде. Вздохнув, рухнул на шерстяную, с гуцульским узором дорожку и еще раз потянулся — всеми четырьмя лапами. Закрыл глаза и шумно выдохнул. Пес — единственное, что я привезла сюда из прошлой жизни. Остальное оказалось не нужным.

Убегая тайком из прежнего жилья и боясь оставить малейший след, я на деялась, что повода вернуться не будет. Минимум вещей в багажник, Дере ка на заднее сидение, и — куда глаза глядят, слившись с общим потоком ма шин. Куда придется.

Поток принес на юг, к морю и толпам праздных людей. Город был отверг нут, большой курортный поселок — тоже. Побережье извивалось бусами с нанизанными на нить дороги кемпингами и санаториями. Колеса «девятки» накручивали километр за километром, а непонятная штука трамблер поло малась именно тут, в Горном, словно обозначив конец пути. Крошечное се ление между морем и поросшими густым лесом горами, маленькие, неудоб ные пляжи, дома громоздятся по склонам, зачуханная гостиница, рынок и пара магазинов у причала. Отдыхающих немного, ровно столько, сколько примут на постой, остальные едут дальше.

Мне удалось снять фанерную сараюшку у тощей, загорелой до черноты Мопсы. Это имя такое. Было два плюса — автомастерская по соседству, где мне за десять минут заменили чертов трамблер, и любовь Мопсы к собакам. Другие бы не взяли квартирантку с ротвейлером. Людей хозяйка просто терпеть не могла, видимо, были у нее для этого какие то основания. А вот пес, ухмылявшийся во всю свою огромную зубастую пасть, вызвал у Мопсы умиление. Глядя, как, усевшись на табуретку, старуха, чешет коричневыми, с артритными суставами руками пузо развалившегося перед ней Дерека, я решила остаться тут.

В сараюшке я прожила месяц. Бродила по склонам, обрывая недозрелый кизил, сидела на камнях у моря, старательно избегала рыщущих в поисках женского общества одиноких мужчин. Ночью, слушая шорох веток по низ кой крыше, заказывала себе сны, в которых не было бы Павла. Я раз и на всегда запретила своим снам впускать его.

Пару раз звонила матери, сообщала, что все в порядке: есть море, есть паль мы. И снова не оставляла следов — мама может не выдержать и рассказать ко му нибудь, где я. Так что лучше не сообщать. С прошлым порвать легко — уе хать, сменить номер мобильника, научиться жить ощущениями одного дня, за претить себе вспоминать. Во всяком случае, вспоминать подробности.

Потом я познакомилась с Андреем и Эммой. Красивая, интеллигентная пара, он — вольный художник, бард и поэт, она — учительница. Но вначале я обратила внимание на их дом.

Последняя улица поселка шла вдоль склона горы и отделялась от него глубоким руслом ручья, так что участки располагались только с одной сто роны и террасами спускались вниз, из за них было видно море и выдающий ся в него пирс. Этот же дом умудрились выстроить вплотную к склону, ко торый еще и подрыли, чтобы расчистить место для небольшого сада. Извле ченные из горы камни пошли на стены и ограду. От дороги к дому через рус ло ручья был переброшен мостик, похожий на маленький овринг — сталь ные тросы и деревянный настил.

Увидев впервые это чудо, я не выдержала и подошла поближе, осторож но шагнула на него, чувствуя, как доски едва заметно покачиваются под но гами. Мелкий прозрачный ручей журчал метрах в восьми подо мной, и не возможно было представить, что весной он превращается в мутный и опас ный поток. За деревянную калитку на той стороне мостика, я, естественно решила не соваться. Просто полюбовалась необычным домом — старые ка

менные стены, плоская кровля и окна с частыми переплетами. С одной стороны была пристроена веранда, увитая виноградом.

Пожалуй, это уединенное и тихое место подходило мне идеально. Но оно было занято. Одно из окон распахнулось, и загорелая брюнетка помахала мне рукой.

Чтобы оправдать свое неуместное любопытство я спросила:

— Вы комнату не сдаете?

— Нет, — улыбнулась она, — мы просто тут живем.

— Жаль, — вздохнула я. Мне действительно казалось, что этот дом построен именно для меня. Хозяйка, словно прочитав мои мысли, пригласила:

— Да вы заходите, сейчас муж приедет, чаю попьем.

Скорее всего, ей было просто скучно и хотелось поболтать. Но, так или иначе, мы познакомились, и я стала иногда заходить к Эмме. Ее муж Андрей, высокий красивый мужчина лет сорока, был человеком малообщительным. Иногда я чувствовала, что вызываю его раздражение, и тогда старалась побыстрее проститься и уйти.

А потом состоялся тот самый разговор. Эмма сообщила, что им нужно уехать из Горного на два или три месяца — мужу предложили интересную работу в Москве. Так что на время придется переехать. И тут я проявила неожиданную для себя находчивость, предложив ей совершить обмен: я до октября живу в их доме, а они поселятся в моей квартире.

— А твоя семья? — впервые поинтересовался Андрей.

— Квартира пуста, — пожала я плечами. — Больше в ней никто не живет.

Не могла же я сказать, что мой муж Павел бросил меня, трусливо сбежал, даже не поговорив. В начале апреля он со своим приятелем Антоном поехал в Карелию — сплавляться по какой то реке. Приятель вернулся один. Оказалось, что у моего мужа была давняя любовница, уехавшая в Швецию, и он решил, что с ней ему будет лучше. Отъезд он спланировал заранее, только ничего не хотел мне говорить, чувствуя себя подлецом.

Я бросилась проверять документы. Заграничного паспорта Павла не было. Потом пришло электронное письмо — сухое и короткое, в котором муж сообщил, что больше не вернется. Я могу подавать на развод, он не возражает. Деньги и квартира остаются мне. Какие деньги, какая квартира?.. Я не понимала, я ничего не понимала, а пытаясь понять, теряла точку опоры.

Антон зачем то приходил каждый день, много говорил, но я была не в состоянии слушать ни его, ни маму, только тупо смотрела в экран постоянно включенного телевизора, и приходила в себя лишь, когда Дерек начинал скулить и грохотать пустой миской. Ну ладно я, но как Павел мог бросить собаку??? Этот вопрос мучил меня больше других. Пес, почему он бросил тебя? Ведь у него больше никого не было, только я и Дерек... Оказалось — был. Была.

И тогда я сбежала — от вопросов, на которые не было ответов, от бубнящего телевизора, от сочувственных глаз мамы, от Антона, вдруг вспомнившего, что когда то он настойчиво ухаживал за мной. Именно тогда меня затрясло по настоящему... Я решила, что стоит сделать попытку не рехнуть

ся, или сходить с ума в другом месте. Дом над ручьем подходил для этого идеально — для обоих вариантов.

Эмма и Андрей уехали спустя три дня.

Я распрощалась с Мопсой, пообещав, что буду заходить к ней с собакой, и попросив разрешения оставить у нее за сараем машину — держать ее на ули це перед мостиком было рискованно, а загнать во двор невозможно. Потом по звонила маме, предупредила, что в моей квартире будут жить знакомые.

— Антон себе места не находит, волнуется за тебя, — сообщила матушка. Но мне было все равно, пусть волнуется, если считает это своим долгом. Слушать о том, что жизнь не кончена, я тоже не стала, просто переждала, по ка трубка стихнет, и пообещала обязательно подумать над этим.

Первое время я слонялась по дому, пропитываясь ощущением полной от резанности от мира. Иногда мне хотелось обрубить стальные тросы мости ка, и только присутствие пса останавливало. Он ни в чем не виноват. Поэто му валявшийся в прихожей топор я отнесла на веранду и поставила в угол, за плетеный из лозы диванчик. Питалась я поспевающими сливами и абри косами, изредка покупала в прибрежном магазине длинные мягкие батоны и большие мешки с кормом для Дерека.

Потом пошли дожди. Потемневшее море напоминало старую оловянную миску, тяжелое небо висело над кронами деревьев, связанное с землей стру ями воды. А в саду зазвучали голоса. Это могли быть разговоры соседей, эхо, отраженное от склона, выяснение отношений забредшей в мокрые кусты па рочки. Но звуки всегда были одинаковыми, а слов я разобрать, как ни стара лась, не мгла. И однажды, бредя под зонтом от магазина, я повстречала болт ливую Розу и услышала историю убитых женщин.

— И зачем ты поселилась в этом проклятом месте? — Выложив жуткие подробности, уставилась на меня сквозь круглые стекляшки очков соседка. — Ну ладно, Эммка заговоренная, но ты? Не страшно?

— Нет, — покачала я головой, испытывая странное облегчение. Вот зна чит, чей голос я слышала — Анны. Галина умерла слишком далеко от дома, так что ее услышать я не могла. — А почему Эмма заговоренная?

— Так никто тут больше жить не мог, дом этот раза три перепродавали, пока они с мужем не купили. Говорят, нечисто там. Все сбегали, не выдер живали. А эти раньше каждый год приезжали, комнаты снимали тут. Так что дом им за бесценок, считай, достался, больше покупателей не находилось. И третий год живут. Вот только впервые жиличку пустили.

Я пожала плечами. Объяснять любопытной пенсионерке, что мне уже не чего бояться, я не стала.

Потом я еще не раз терпеливо выслушивала Розу, которая, похоже, посто янно караулила меня у дороги, чтобы нагнать страху. История гибели Анны, помимо сломанной шеи, украсилась жуткой раной на голове, а Галины — тем, что у нее был роман с сумасшедшим. Желтое лицо человека, которого в Горном считали безумцем, я иногда видела за давно не мытыми стеклами окон углового дома. Он жил один, и только сводная сестра порой навещала беднягу, чтобы принести еды.

Мне Муса, так его звали, казался безобидным и несчастным. Говорили, что уже лет тридцать он не выходит из дома — боится. Вроде бы в детстве мать за что то наказала его, велев сидеть дома три дня, а он не послушался и выбежал во двор, где на него слетела с дерева огромная черная птица. Па рень, видимо, получил серьезное нервное расстройство, и с того времени при попытке вывести его за дверь падал на землю и бился в судорогах. Ро дители Мусы давно умерли, а он так и сидел один, не покидая четырех стен.

— Бегала к нему Галка, — теребя английские булавки, пришпиленные к замусоленному халату, сплетничала Роза. — Да кто ей указ? Разведенка бы ла, гулена. Не брезговала, что Муса желтый и страшный. Когда ее убили, он там, у себя, как в клетке метался, плакал. А все одно, не вышел. И милиция к нему приходила, да отстала. Что с него взять — безумный.

Отчего то историю несчастной любви Мусы было слышать совершенно невыносимо. Я отворачивалась и спешила к себе, укрыться за ручьем, сидеть на старой скамейке, глядя, как носится за стрекозами Дерек, слушать, как осыпаются абрикосы и кричат в небе чайки.

Вечерами я читала. Забиралась с ногами в продавленное кресло и букваль но проглатывала книгу за книгой, не помня ни содержания, ни названий. Ино гда так и засыпала, свернувшись калачиком. Просыпалась лишь на рассвете, оттого что Дерек начинал скулить и скрести дверь, просясь погулять.

В доме была всего одна комната, но огромная, с четырьмя окнами, симме трично расположенными с двух сторон. На глухой стене, обращенной к склону, висели рисунки Андрея, выполненные углем и сангиной. С проти воположной стороны были выгорожены небольшая кухня и душевая. Туа лет, деревянная будка, находился в саду. Газовая плита, газовая колонка для душа, водопровод и электричество. Больше в доме никакого благоустройст ва не было, даже телефона. Порой, прижавшись щекой к неровно оштукату ренной стене, я слушала тихие жалобы дома на непрочность крыши, на тре щины в кладке, на отсутствие нормальной печи, из за чего зимой нужно бы ло включать обогреватель. Хотя зима тут короткая и теплая.

Я никогда не включала радио, не жалела, что нет телевизора или самого простого проигрывателя. Но зато я научилась слышать мягкое скольжение толстых полосатых улиток по веткам кустов.

Дождливый период сменился неустойчивым. С утра могло безмятежно сиять солнце, а после обеда набегали плаксивые тучи, и снова грязные ру чейки текли по садовым дорожкам, унося опавшие с кустов цветы. Под ве чер дождь обычно прекращался, и наступало время душных молочно белых туманов, поднимавшихся от земли к постепенно темнеющему небу. Отсы ревшая мебель, разбухшие от влаги книги, плесень на хлебе: теперь время отмерялось дождем и не дождем.

Месяц такой жизни я решила как то отметить, поэтому купила на рынке бутылку розового прошлогоднего вина и лаваш.

От вина голоса стали слышнее, но слова по прежнему были неразборчи вы. Может быть, все дело в тумане, решила я и вышла в сад. Поздно — по слышался шорох камней и мягкий звук падения тела на камни. Я свесилась

за стену, ограждавшую ручей, но внизу все тонуло в белом киселе. Первое время после переезда я боялась, что Дерек может свалиться с высоты. Зря боялась: пес даже не приближался к ограде.

Голова слегка кружилась. На той стороне ручья под порывом ветра встряхнулась невидимая в темноте магнолия, и на меня полетели холодные капли. Ветер с моря раздувал туман и остужал пылающие щеки. Я оберну лась к дому, к его уютно светящимся окнам. Задернутые разноцветными шторами стекла казались витражами.

Что там говорила Роза о заговоренности Эммы?

Ерунда это все. Две случайных, непохожих смерти двух женщин. И вооб ще, надо бы позвонить в Москву, узнать, как там устроились Андрей и его жена. За целый месяц я так и не собралась это сделать. Но если бы что то случилось, они бы позвонили сами, номер своего мобильника я им дала. Вот только трубка давно разрядилась... Почему то меня это совершенно не вол новало. Но если вспомню завтра, заряжу.

В тумане глухо вскрикнула птица и замолчала, словно испугавшись соб ственного голоса. Пора спать. Интересно, почему Эмма согласилась жить в таком уединенном месте? Ну, я, понятно. А она? Наверняка Роза и ей двад цать раз успела все рассказать об убийствах.

А ведь если они с Андреем приезжали сюда в течение нескольких лет, вполне могли и не от соседки слышать, а быть в толпе зевак, сбежавшихся посмотреть на чужую смерть.

Странные мысли лезли мне в голову. Отогнав их, я вернулась в дом и опять услышала в саду женский вскрик. Или мне показалось? Потому что интонация была иной, словно Анна хотела что то сообщить именно мне. По том стало тихо. Туман великий обманщик и мистификатор, искажающий реальность и прихотливо перемещающий звуки. Поэтому лучше не подда ваться на его провокации.

Я допила вино и с сомнением уставилась на книжный шкаф. Он был за бит чем угодно — от древних школьных учебников до детективов и научных трудов по философии. Старый, добротный, сменивший многих хозяев хра нитель потрепанных томов. Помнится, я начинала читать с верхней полки. Теперь, ради разнообразия пойдем снизу.

Я уселась по турецки на пол и распахнула нижние створки. От слежав шихся бумаг шел запах тления и ненужности. Перебирая пожелтевшие пап ки с рисунками, брошюры и альбомы, я испытывала желание немедленно все бросить и залезть под теплый плед. Но почему то продолжала рыться и что то искать. Старый конверт выскользнул из какого то журнала и упал на пол. Обычный конверт, надорванный нетерпеливой рукой. Поперек адреса и марок наискось было написано черным — «Сука!»

Письмо оказалось внутри — листок в клеточку, на котором некий Ми хаил шариковой ручкой нацарапал, что приедет через неделю. В конце шли поцелуи и всякие нежности. Обращения я не увидела и перевернула конверт. Письмо было адресовано сюда, Анне Брусиловой, дата на штем пеле — шестилетней давности. Мне стало неловко, словно я из любопыт

ства заглянула в замочную скважину и увидела незнакомых людей, зани мающихся сексом.

Больше следов Анны я не обнаружила. Странно, как могло уцелеть пись мо, если в доме не раз менялись хозяева, и кто сделал на конверте эту дыша щую злобой надпись? Эмма говорила, что мебель они не меняли — слишком хлопотно таскать шкафы и кровати по шаткому мостику. Да и зачем? Вот когда перестроят дом, тогда нужно будет заботиться об обстановке, а пока... Пока и так уютно.

Подошел пес, боднул лобастой головой мое плечо, словно говоря: «Пора спать!». Растянулся рядом, положив морду мне на колено.

Действительно, пора спать — где то выше по склону уже начали перекли каться первые птицы.

Утром я сама разыскала Розу, копающую водоотводные канавки в своем саду.

— Разверзлись хляби небесные, — пожаловалась она, втыкая лопату в землю. — Боюсь, клубнику напрочь смоет. А не смоет, так корни сгниют. А улиток то, улиток нынче. Их год...

— Роза, расскажи мне об Анне, — попросила я. — Как она жила?

— Да как? Как все. Мужик от нее ушел, в море завербовался. Детишков не было, вот и жила одна. Легко жила, словно птичка, о завтрашнем дне не думала.

— А Михаил, это кто?

— Михаил? — поджала губы Роза, поправила в волосах заколку и пожала плечами. — Да приезжал тут к ней один. Говорила, квартирант. Да только комната то у нее всего одна была, сама знаешь. И не на веранде он жил. Так что знаем мы того квартиранта. Он опосля ее смерти еще раз объявился, прямо к похоронам. Аж с лица спал, когда гроб во дворе увидел. Но убил Аньку не он, милиция проверяла. Он в то время еще в своем Мурманске на ходился. Такая вот печальная история, — заключила она с пафосом.

Я еще постояла, приняла в дар три влажных румяных персика и верну лась к себе. Значит, то письмо было получено Анной незадолго до ее гибели. Зачем мне нужно было это узнать, я и сама не понимала. В памяти все вре мя всплывало черное слово «Сука!».

Я опять полезла в шкаф и достала конверт. Теперь, при свете дня, над пись показалась мне более бледной, словно размытой. Я провела по ней пальцем, и на подушечке остался грязный след. Гадость какая!

Выхватив с полки первую попавшуюся книжку, я выскочила в сад. С со мнением осмотрела старый, серый от пережитых дождей гамак и осторожно уселась в него. Выдержал.

Потом дождь загнал нас с Дереком в дом. За окном плакали кусты.

К вечеру я спохватилась, что закончился хлеб, и, прихватив пса, отправилась в магазин. Алое тревожное солнце садилось в море, пытаясь напоследок вернуть побережью хоть немного тепла. На обратном пути, мы зашли проведать Мопсу.

— Ну, как ты там? — неожиданно поинтересовалась обычно немногослов ная старуха. — Вернуться не хочешь?

Я покачала головой. Нет, мне нужен был именно тот дом, вечерний

туман, журчание ручья и голоса... Призрачная, ускользающая жизнь, влажный воздух и вкус спелых, лопающихся от малейшего прикоснове ния слив.

Но привычное течение жизни сегодня оказалось нарушено. Я поморщи лась, увидев, что около мостика меня дожидается Андрей. В светлых брюках и куртке из черной плащевки, он был бы похож на обычного плейбоя, если бы не хмурый усталый взгляд. Мы поздоровались.

— Извини, я ненадолго, мне тут нужно забрать кое что — книги и старые наброски. Не буду тебя стеснять, сегодня же уеду.

Я огляделась. Машины поблизости не обнаружилось, а последний ав тобус из поселка ушел часа два назад. Андрей понял мой взгляд и пожал плечами:

— Вечером должен быть катер. Ночью окажусь на вокзале, утром поезд. Я пытался связаться с тобой, но телефон отключен.

Мне стало стыдно, он же мог звонить, чтобы попросить выслать ему нуж ные бумаги, а я забыла зарядить трубку.

— Зачем тебе ехать ночью? Переночуешь, а утром уедешь автобусом, — предложила я, сделав над собой усилие. Ничего, одну ночь как нибудь пере живу, сама виновата.

— Не хочу мешать, — коротко бросил он и зашагал по мостику к калитке.

— Ты не помешаешь.

— Ну ладно, — Андрей остановился у крыльца. — Тогда устроюсь на ве ранде, надо будет отыскать запасное одеяло. Ох, черт!

Обогнавший нас Дерек встал перед дверью. Таким я никогда его не виде ла: шерсть на загривке вздыбилась, а нос морщился, недвусмысленно обна жая клыки. Оказывается, мой пес умеет охранять мой дом. Пришлось снова пристегивать поводок и привязывать собаку к ближайшему дереву.

— Лежать!

Я включила чайник и сидела на кухне, пока Андрей в комнате рылся в шкафу и шуршал бумагами.

Он вошел еще более хмурый, не снимая куртку сел к столу. Мы пили чай, старательно избегая смотреть друг на друга.

— Как твоя работа? — спросила я, только чтобы нарушить тягостное мол чание.

— Неплохо. Если сделаю в срок, то купим машину. И на ремонт дома ос танется.

Этими словами он напомнил мне, кто тут настоящий хозяин, и я смути лась еще больше.

— Извини, Женя, — он, кажется, впервые назвал меня по имени, — мы там у тебя немножко похозяйничали. Вещи сложили в шкафы. Ну, ты понимаешь.

Я понимала. Мое бегство не сопровождалось хоть какой то уборкой, и в квартире все было разбросано вперемешку — моя и Павла одежда, вся кая ненужная ерунда, даже принесенные Антоном цветы остались уми рать в вазе.

— Ты говорила, что живешь одна, — продолжал Андрей с несвойственным ему любопытством.

— Я жила с мужем, — пробормотала я, чувствуя приближение боли, которую я так старательно приучала держаться от меня на расстоянии. — Его больше нет.

— С ним произошло несчастье? Извини, наверное, тебе не хочется об этом говорить.

— Ну отчего же... Надеюсь, что с ним все в порядке. Просто у него оказалась другая женщина, и он ушел от меня.

Тупой коготок осторожно царапнул где то внутри, словно проверяя на прочность душу, сердце или что там у меня осталось. Что то, видимо, было еще живым, потому что сжалось и замерло.

— Ладно, не будем об этом, — сочувственно произнес Андрей, но в его словах мне почудилась легкая, совсем легкая нотка презрения. — Уже совсем темно, да еще этот туман. Пора спать, мне завтра на автобус рано вставать.

— Ты нашел все, что нужно? — спросила я.

— Да, все, что нужно, нашел, — он внимательно смотрел на меня.

— Тогда, и правда, пойдем спать. Погоди, отвяжу собаку и запру в комнате.

Дерек сидел, натянув поводок и напряженно подавшись вперед, а когда я положила руку на его голову, то почувствовала, что он весь дрожит от напряжения. Одичал, отвык от чужих людей.

Я завела пса в комнату и на всякий случай обмотала поводок вокруг ножки кровати. Утром Андрей наверняка зайдет на кухню, чтобы выпить кофе, а дверь из комнаты открывается от одного прикосновения, так что Дерек может его напугать.

Потом я достала из платяного шкафа одеяло и постельное белье, прихватила большую диванную подушку и понесла все это на веранду.

— Клади, я постелю сам, — кивнул Андрей на диванчик. Потом наклонился и вытащил из за него топор. — Странное место ты для него нашла, — пожал он плечами. — Зачем?

— Чтобы избежать искушения, — попыталась я пошутить.

— Искушения? — он перехватил топорище повыше и оглянулся, словно выбирая, куда положить инструмент. — А я думал... Ладно, неважно. Одиноким красивым девушкам невозможно прожить без искушений. Ведь так?

Я покачала головой. Не так. Очень даже возможно.

— Разве ты еще и не завела себе кавалера? — продолжал он с необычной для себя фамильярностью. — Море, солнце, загорелые мужчины, неужели ты приехала не за этим?

Я снова покачала головой, не сводя глаз с его рук, сильных и одновременно изящных рук художника. Потом, словно во сне, шагнула назад.

Художник, уголь, черная, пачкающая пальцы надпись «Сука!» на старом конверте...

— Стой, — негромко и властно произнес он. — Стой!

— Это ты убил их, — прошептала я, не слыша собственного голоса. Но он понял. И усмехнулся.

— Догадливая сука, — медленно произнес он. — Но сдохнешь ты не толь ко поэтому.

— Почему? Почему ты убил их? Анну и Галину.

— Были еще, другие. Но это неважно. Мрази, ненавижу! Мужья не броса ют верных жен, значит, их нужно уничтожать! — в его глазах темной водой стояло безумие.

— Ты уверен, что мужья бросают жен только поэтому? — Мой вопрос был бесполезен и ушел, словно в вату. — Ты в этом уверен?!

Я почти кричала. Он вздрогнул и засмеялся. Словно медные монеты рас сыпались раскатились по деревянному полу.

— Я любил ее, верил ей... А она. Она с каким то мерзавцем... Я увидел их. Ей было нельзя жить — такой. Потом я ее нашел...

Я испугалась. Хотя, казалось бы, разве можно испугаться еще сильнее.

— Эмма?!

— Эмма святая! Не пачкай ее имя своей грязной пастью! Ту звали... Впро чем, неважно! Она недостойна имени. Ее никто не помнит, как и тебя — не будут...

Плавно и осторожно он двинулся ко мне, словно поплыл по воздуху. За вораживающие, вкрадчивые движения. Спиной я почувствовала дверь, скрипучую рассохшуюся дверь веранды.

В доме завыл и залаял запертый пес.

Я выбежала в сад, в душный туман, уже зная, что будет дальше.

Наконец то я узнаю, что же говорила женщина, и что отвечал ей мужчи на. Потому что это была не Анна. Я столько раз слышала свой собственный голос, не узнавая его.

— Бесполезно, — Андрей догнал меня в темноте и схватил за плечо. — Ты — такая же шлюха, как они. Тварь!

Действительно, бесполезно было что то объяснять, но я пыталась. Не оп равдаться, нет. Наоборот, я проклинала тот день, когда встретила Павла, ког да решила, что есть смысл доверять ему и его словам. Я обвиняла свою лю бовь, давилась туманом, пытаясь отвернуться от покрытого пятнами ржавчи ны лезвия топора и вырваться из цепких рук. Андрей дотащил меня до огра ды и швырнул животом на камни. Внизу безмятежно шумела вода.

Я попыталась опереться и встать, но он снова схватил меня, на этот раз за волосы, и перегнул вниз. Осталось немного... несколько слов.

— Не тронь ее, — послышалось сзади.

Знакомая до последнего шороха фонограмма почему то изменилась. В нее вплелся знакомый голос, ломая финальные звуки — шорох камней, звук падения.

Я чувствовала, что Андрей вздрогнул и оглянулся, пытаясь что то рас смотреть. Потом его пальцы сжались сильнее, и я вскрикнула от боли, но ка ким то чудом успела вывернуть голову и увидела, как взвихрились пряди тумана. В следующую секунду топор полетел вниз, звеня о камни, а на меня, придавливая и обдирая об камни, обрушилось тело Андрея. Но он тут же вскочил, выпустив, наконец, мои волосы.

Я могла только, свернувшись, словно ежик, и слизывая кровь с разбитых губ, смотреть, как они на мгновение сцепились, а потом опять разделились, и один спиной вперед отлетел к ручью. На миг его падение задержала ограда. Потом раздался звук бьющегося стекла и жуткий звериный рев. Фигура покачнулась и медленно опрокинулась навзничь.

И тут же наступила тишина.

Они стояли рядом — человек и пес с окровавленной мордой и болтающимся на ошейнике огрызком поводка. Спокойно и неподвижно стояли в клубящемся тумане. Потом Павел положил руку на голову собаки.

— Береги его, Женька, — сказал он мне. — И себя береги.

— Ты вернешься? — без всякой надежды спросила я.

В ответ Павел только покачал головой и шагнул в молочные пряди. Потом остановился на мгновение, обернулся и с улыбкой попросил:

— Заряди, наконец, телефон, ладно?

И остался только туман.

Ночь никак не хотела становиться утром, растягиваясь, словно бесконечный резиновый жгут. По саду и дому бродили какие-то люди, молча таращились на меня. Казалось, что я нахожусь внутри аквариума, и вокруг медленно плавают расплывчатые силуэты рыб. Иногда кто-то из них приближался, и я догадывалась, что нужно что-то объяснить, но только мотала головой.

Не знаю, кто их вызывал. Наверное, вездесущая Роза.

Потом меня заставили сесть в машину и повезли куда-то, чтобы наложить гипс на сломанную руку и швы на разодранную о камни щеку. Заодно зашили и порезы на морде Дерека. Пожилой врач оттирал с меня спиртом кровь и гладил по голове, чтобы я не плакала. Но я и так не смогла заплакать. Слез не было, никаких, совсем.

Мне хотелось только одного — поскорее вернуться в дом. Зря, наверное, потому что мы подъехали как раз, когда парни в комбинезонах поднимали из ручья тело Андрея. Светало. Туман медленно расходился.

В последний раз я прошла по саду. Растоптанные абрикосы, сливы и улитки...

Нужно было еще что-то сделать. Ах да, найти зарядное устройство и включить. Одной рукой я едва справилась. Потом принялась собирать вещи. В углу Дерек пытался содрать с морды бинты.

Молоденький лейтенант милиции сидел у стола и следил за мной немигающим кошачьим взглядом, старательно записывая все, что я пыталась ему рассказать. Потом мы вместе искали тот самый конверт, и нашли его в сумке Андрея, оставшейся на веранде.

После этого он быстро ушел.

Утром, когда уже разошлись самые настырные зеваки, позвонила мама. Стараясь говорить спокойно, сообщила, что три дня назад тело Павла нашли в той самой карельской реке. Антон уже признался в убийстве.

И, может быть, я все-таки вернусь?

МАЙК ГЕЛПРИН

ДИКАРЬ

Низкий протяжный звук зародился на востоке, там, где опушка леса упиралась в ничейную землю. Сторожевой дровосек с размаху ударил обухом топора по полому стволу звук дерева. Оно отозвалось тревожным гулом, который взметнулся к кронам лиственников, поплутал в них и понёсся дальше, постепенно растворяясь в лесу. Через пару мгновений к дровосеку присоединился второй. Теперь они, чередуя длинные удары с короткими, попеременно колотили по стволу, и первоначальный звук, протяжный и низкий, сменился на резкий и отрывистый перестук — сигнал тревоги.

На расстоянии охотничьего перехода сигнал приняли. Здесь другая пара дровосеков заколотила в звук дерево, передавая известие о надвигающейся опасности дальше. Через короткое время звук достиг окраины селения, ворвался в него, метнулся по главной улице, эхом разошелся по дворам и поднял людей на ноги.

Клаун выскочил из дома на холостяцкой окраине селения и замер, прислушиваясь. Сейчас в селении сигналу жадно внимал каждый охотник и каждый дровосек. Для людей леса тревога могла означать множество вещей: и яростный губительный пожар, и надвигающийся с южных пустынь ураган, и вторжение с востока подлого болотного племени.

Через полсотни вздохов Клаун облегченно выпрямился. Сбивчивый, прерывистый ритм звука тревоги изменился — поднявшие ее сторожевики, видимо, разобрались в обстоятельствах и теперь передавали осмысленно. Еще через сотню вздохов молодые охотники и дровосеки на холостяцкой окраине встрепенулись, выражение напряженного ожидания на лицах исчезло. Сигнал тревоги не стал звуком беды, он превратился всего лишь в предупреждение. Вскорости стало возможным разобрать и подробности: звук пришел с востока, но вызвала его не орда рыбоедов, накатывающая на ничейную землю из болот, а лишь их немногочисленная группа.

— Семь лодок, — сказал Клаун подошедшему Брейту, молодому охотнику, с которым обменялся в юности кровь клятвой побратимов. — Видать, посланники.

Брейт кивнул. Количество людей болота исчисляли в лодках, в которых те передвигались, а зачастую и жили. Семь лодок означало тридцать пять человек — по четыре гребца и рулевому на каждую.

Посланники достигли селения к вечеру, когда солнце, стараясь удержаться на небосводе, отчаянно цеплялось за тучи, но всякий раз срывалось и обреченно валилось дальше, к горизонту.

Провожаемые настороженными взглядами, рыбоеды молча двигались вдоль по главной улице к площади. Коротконогие, коренастые, угрюмые, вооруженные боевыми острогами, которые одинаково хороши для того, чтобы пригвоздить ко дну жирного пудового налима и к стволу — не успевшего увернуться или отразить удар человека.

Старый Эрт, верховный вождь людей леса, как и предписывала традиция, встречал гостей, стоя в одиночку в центре площади спиной к закату. Предводитель рыбоедов, отделившись от сородичей, двинулся ему навстречу и на расстоянии десяти шагов остановился.

— Приветствую тебя, — неторопливо произнес Эрт. — Пусть твоя еда всегда будет обильной, одежда — теплой, жена — верной, а рука — твердой.

Рыбоед вернул приветствие, и через десяток вздохов вожди опустились на землю по разные стороны ритуального костра. Вслед за ними, скрестив ноги и упершись руками в колени, уселись пришлые. Люди леса остались на ногах. Мужчины образовали широкий круг, оттеснив женщин за спины. Над площадью повисла тяжелая, настороженная тишина.

— Боги разделили людей на два племени, — прервал ее вождь рыбоедов. — Людям леса они велели охотиться, собирать плоды с деревьев и строить дома на прогалинах и полянах. Людям болота — рыбачить, добывать бобровые шкуры, запасать ягоды и селиться на островах. Так было всегда.

— Ты сказал правду, — кивнул старый Эрт. — Восславим же богов в мудрости их.

— Восславим, — согласился человек болота. — Боги мудры и справедливы. Но они, должно быть, отвернулись от детей своих, когда позволили нарушить порядок, существующий испокон веков. Люди неба пришли к нам незваными. Они не охотятся и не рыбачат, не запасают ягоды и не собирают плоды. Может быть, людям неба нет нужды питаться, кто знает. Возможно, они поддерживают свои силы смрадным дымом, что испускают их железные звери. А может быть, они поглощают те омерзительные предметы, которые принесли в наш мир — изрыгающие огонь уродливые палки, отвратительную ветошь, покрывающую их тела, или те прозрачные штуковины, которые они цепляют на глаза, чтобы, по их словам, лучше видеть.

— На этот раз ты ошибся, — сказал Эрт. — Люди неба питаются содержимым, извлеченным из круглых железных посудин или прозрачных склянок. Да, вид их пищи неприятен глазу, а вкус отвратителен и гнилостен, но они так же нуждаются в еде, как и мы.

— Возможно, — не стал спорить человек болота. — Вы, люди леса, живете со спустившимися с неба бок о бок. Вам лучше знать. Но я пришел сюда не обсуждать их привычки. Люди неба чужие на нашей земле. Они малочисленны, но могущественны, и кто знает, не придут ли вслед за ними другие. Тогда им перестанет хватать места на том холме, где они живут. И тогда они войдут в лес и отберут дома у твоих людей, а вместе с ними и жизни.

А затем переплывут на железных лодках на острова и умертвят плюющимися огнем палками наших мужчин, и заберут себе наших женщин.

— Твои слова мудры, но несправедливы, — возразил Эрт. — Люди неба дружелюбны, они не питают к нам злости. Человек неба по имени Джон — отличный лекарь, немало моих людей продолжают жить потому, что он покрыл их тела чудодейственной мазью, заживляющей раны. Или потому, что велел проглотить белый порошок, унимающий жар и изгоняющий из тела хворь. К тому же, людям неба нет нужды забирать наших женщин — у них есть свои.

— Я знал, что разумные слова не достигнут твоих ушей, — выдержав паузу, произнес предводитель посланцев болота. — Тогда я буду говорить по другому. Людей болота в пять раз больше, чем лесовиков. Да, твои охотники — отличные воины, моим собратьям не сравниться с ними в боевых умениях. Но на каждого охотника придется по пять островитян, если мы пойдем на вас войной.

— Ты угрожаешь мне? — спокойно спросил старый Эрт.

— Нет. Пока я лишь предупреждаю. Мы не хотим войны, ты ведь знаешь, мы сурово караем тех из нас, которые, ослушавшись вождей, совершают набеги на лесные селения. Война не нужна никому, она унесет много жизней понапрасну. Нам ни к чему ваши земли — рожденные плавать не станут жить среди деревьев. И вам не нужны наши болота, озера и протоки — те, кому боги велели охотиться, не будут рыбачить.

— Это так, — подтвердил Эрт. — Но я пока не знаю, с чем ты пришел ко мне. Ты скажешь мне это?

— Скажу. Я пришел к тебе с просьбой. Позволь нам пройти через ваши земли. Мы не причиним вам вреда и не заберем вашу еду, свою пищу мы принесем с собой. Мы нападем на людей неба, убьем их мужчин, а женщин заберем себе, и они родят нам воинов. И палки, изрыгающие огонь, заберем тоже. И чудодейственные порошки и мази, о которых ты говорил. Часть мы отдадим вам, а железных зверей можете забрать всех, они ни к чему на болотах. Что скажешь?

— А если я откажусь? — после долгой паузы спросил Эрт.

— Тогда будет война, — сурово ответил вождь рыбоедов. — Мы перебьем вас, а потом все равно нападем на людей неба и сделаем, как я сказал. Ты — мудрый человек, что тебе до этих чужаков? Разве стоит твоей жизни и жизни твоих людей их притворная дружба?

Эрт опустил голову. Над площадью вновь повисла вязкая, тягучая тишина. Люди застыли, ожидая решения вождя. Решения, от которого будет зависеть, жить ли им дальше или придется идти умирать.

Молчание тянулось долго, очень долго. Наконец, старый Эрт вздохнул, поднял голову и сказал:

— Я слышал тебя. Столетие назад такие дела решались у нас на совете вождей. Мне жаль, что сейчас совет больше не собирают, и мне, как вождю вождей, придется дать тебе ответ своей волей. Что ж, вот мое слово — твои речи были разумны. Я согласен.

В тот миг, когда вожди, поднявшись на ноги, в знак достижения согласия хлопнули друг друга по предплечьям, Клаун решился. Как подобает мужчине и воину, он остался невозмутим. Даже Брейт, связанный с ним кровью клятвой побратим, не смог бы, глядя на Клауна, сказать, что тот только что велел себе умереть.

Ольга закончила обработку лабораторных данных, теперь оставалось лишь наскоро набросать отчет, и можно было, наконец, основательно поразмыслить над тем, что произошло вчера. Впрочем, отчет подождет до завтра, подумала Ольга, и решительно захлопнула крышку портативного ноутбука. Случившееся гораздо важнее и, что ни говори, приятнее. Получить предложение руки и сердца, это, в конце концов, не безделка, на которую женщина не станет обращать внимания. Тем более, если эта женщина хороша собой (Ольга показала язык своему отражению в зеркале), неглупа, остроумна и вообще привлекательна.

Грег Уильямс. Высоченный красавец, рубаха парень и фантастический бабник. Которому строила глазки и о котором мечтала большая половина незамужних барышень на биостанции. А возможно, и замужних тоже. С Грегом Ольга встречалась чуть больше месяца и влюбилась, чего уж там, основательно. Да и не мудрено: отчаянный, сумасбродный, щедрый до безрассудства, Грег оказался ко всему и хорош в постели. Ольга невольно покраснела, вспомнив их последнюю ночь. И в то же время... Да, она увлечена, но настолько ли, чтобы связать с Грегом свою жизнь? Сумасбродство и безрассудство в мужчинах нравятся женщинам, но отнюдь не когда эти качества присущи их мужьям. А у Грега Уильямса и того, и другого в избытке.

Грег оказался легок на помине. Первым, что увидела Ольга, перешагнув порог лаборатории, была огромная охапка сногсшибательных местных цветов. Ольга ахнула — охапка, покачиваясь, плыла на двухметровой высоте прямо на нее и, казалось, проделывала это сама по себе — лица Грега за буйством пурпурного, бордового и алого видно не было.

— Спасибо, милый, — Ольга сбежала по ступенькам. — В следующую секунду Грег вырос перед ней во все свои метр девяносто, затем стремительно нагнулся, подхватил на руки, и девушка буквально утонула в цветах. Ольга радостно рассмеялась и, обхватив Грега за шею, поцеловала его в губы. — Поставь меня на землю, пожалуйста, — попросила она. — А то я чуть ли не физически чувствую порицание в глазах десятка прилипших к окнам биологинь. И потом... Ты что, опять в одиночку бегал за этой флорой в лес?

— А что такого? — Грег размашисто шагнул к притулившейся у лабораторной стены скамье и осторожно опустил на нее Ольгу. — Большое дело, побродил по опушке. Это совершенно безопасно. А учитывая некоторые подробности, — Грег водворил охапку Ольге на колени и похлопал по наплечной кобуре, — если и опасно, то отнюдь не для меня. Любого зверя эта штука свалит шутя.

— Тебе никогда не говорили, что самые опасные звери — двуногие? — улыбнулась Ольга. — Правда, к здешним аборигенам это не относится.

С ними нам повезло, туземцы на этой планете просто милашки, несмотря на достаточно грозный вид.

— Хороший туземец есть туземец издохший, — поучительно возразил Грег. — Поверь уж мне на слово, малыш, я второй десяток в десанте раз менял. Всякое бывало. Но ты права, здешние папуасы действительно неплохие ребята. Хотя, по данным разведки, за лесом живут более во инственные племена. Помнишь, однажды явилась пара обормотов, от которых воняло несвежей рыбой? Так это, по всему, и были те самые плохие папуасы.

— Не называй аборигенов папуасами, — строго сказала Ольга. — Это со вершенно удивительная цивилизация, уникальная, не похожая ни на одну, известную нам доселе.

— Да ладно, — отмахнулся Грег. — Как вы, ученые, это называете? Перво бытнообщинный строй, я не путаю?

— Эта цивилизация не имеет земных аналогов. И очень далеко отстоит от первобытнообщинного строя. Родовых структур у них нет или почти нет. Зато есть две касты — дровосеки и охотники, не правда ли, звучит здорово? А также есть культура, есть знания. Взять хотя бы их способ связи. Куда там до него нашей азбуке Морзе. А какой поэтичный, образный язык — звук де рево, сон трава, огонь птица... Не говоря уже о том, что местные жители вы сокоморальны. Посмотри хотя бы, с каким достоинством они себя ведут, как дают и держат слово, как выражают свои мысли.

— Неумение скрывать свои мысли — первый признак дикаря, — усмех нулся Грег.

— Первый признак дикаря — это твоя ксенофобия, милый, — парировала Ольга. — Аборигены кто угодно, только не дикари. Спроси хотя бы лингви стов — у туземцев потрясающие предания, совершенно волшебный фольк лор. И потом...

Закончить фразу Ольга не успела.

— Лейтенант! — раздался звучный голос.— Лейтенант Уильямс!

Грег, обнимавший Ольгу за плечи, отпустил ее и вгляделся. От окружаю щего станцию периметра к ним бежал охранник. Анжело Монгиови, отлич ный исполнительный парень и закадычный друг, когда не в строю. Под на чальством Грега Анжело отслужил без малого десять лет.

— Вольно, — обронил Уильямс. — В чем дело, дружище?

Анжело перевел дух и расслабился.

— К нам визитер, — сказал он, улыбнувшись Ольге. — Синьорина его зна ет. Тот красавчик, который вечно тут отирается и строит ей глазки. Как его, подзабыл... Клоун, что ли?

— Не Клоун, а Клаун, — рассмеялась Ольга. — Между прочим, красивое имя, так у них называется местное животное, что то среднее между гепар дом и волком. И сам парень хорош собой, — кокетливо добавила она.

Грег внезапно с удивлением почувствовал, что ревнует.

— Ладно, Анж, веди его сюда, — бросил он. — Поглядим, чего хочет от нас этот клоун.

Зажав в кулаке пучок беды травы, знак обрекшего себя на смерть, Клаун медленно шел через покрытую гладким камнем землю людей неба. Женщина, ради которой он решил умереть, ждала его у дверей уродливого дома, в каких спустившиеся с небес по неизвестной причине предпочитали жить. Ольха... Волшебное имя, так называют дерево, листьями которого люди леса выстилают ложа для новобрачных. Ольха была не одна, рядом стоял одетый в пятнистую шкуру воин. Это не имело значения, Клаун скажет то, ради чего он здесь, и уйдет. Люди неба проникнут во чрево летучего железного таракана и вознесутся туда, откуда спустились на эту землю. А Клаун вернется в селение и признает себя предателем. Его, скорее всего, выдадут рыбоедам, и тогда войны, возможно, удастся избежать.

Клаун приблизился к людям неба и остановился в пяти шагах. Он смотрел в прекрасные глаза Ольхи, женщины с волосами цвета коры злата дерева. Той, которая грезилась ему по ночам. Той женщины, о любви к которой он не говорил никому, даже Брейту. И той, которая никогда не станет матерью его детей.

По обычаям предков гостю следовало растолковать хозяевам, почему он пришел, и только потом — для чего. Клаун сорвал с шеи страсть камень, тот, что мужчины дарят своим избранницам прежде, чем начать речь любви, и протянул его Ольхе. Затем расправил плечи и заговорил. Он произносил те слова, которые испокон веков дарили своим любимым его предки, а до них — предки его предков.

— Я хочу, — медленно и торжественно выговаривал эти слова Клаун, — обладать твоим лоном, полным жизнь соков и желанным больше, чем все прочее на земле. Я хочу войти в него и излить туда семя, чтобы зародить в тебе новую жизнь, и делать так много раз. Я...

Клаун прервался. Говорить мешали слова на чужом языке, вылетающие из блестящей черной коробки, притороченной к поясу Ольхи. Клаун знал, что это его собственные слова, ему объясняли, что живущий в коробке невидимый человек неба переводит их на язык своих сородичей.

— Я хочу твою мокрую вагину, — неслось из коробки. — Я хочу ее больше всего на свете. Я хочу совокупиться с тобой и слить в тебя сперму много раз. Я хочу заделать тебе ребенка. Я...

Страшный удар кулаком в лицо швырнул Клауна в воздух и опрокинул на землю. Голову прошила шипастым побегом дикобраза боль. Окружающий мир закачался, потускнел и покрылся трещинами. В трещины заползал застивший глаза туман. Выдернув из-за пояса нож, Клаун рванулся с земли.

Он не закончил движения. В последний момент ему удалось сдержать себя, остановиться и отбросить нож в сторону. Пронзительно кричала на своем языке Ольха, подлый человек неба, размахивая руками, орал в ответ, но для Клауна это уже не имело значения. То, что произошло, было невозможно, это было немыслимо. Хозяин, опозоривший гостя, не мог больше считаться человеком. Он и себя покрыл вечным позором и бесчестием. Он не заслуживает даже того, чтобы быть убитым, его кровью не станет марать руки ни один воин. Отныне его удел — лишь людское презрение.

Клаун закрыл руками лицо в знак того, что его глаза не хотят больше ви деть опозорившего себя бывшего человека. Потом повернулся и пошел прочь. Затем побежал. За его спиной порывом ветра поволокло по земле не нужный больше пучок беды травы.

Через три дня Ольга Грега простила. Да и как не простить: на Грега в эти дни жалко было смотреть. Он извинялся, каялся, при встречах по мальчи шески краснел и уверял, что потерял голову из любви к ней.

— Откуда же я мог знать, — удрученно оправдывался Грег, — что такие ве щи у них в обычае. Этот папу... прости, этот абориген вел себя с тобой, как со шлюхой. Вот я и не сдержался. Да и кто бы стерпел на моем месте?

— Интеллигентный человек бы стерпел, — расслабленно отвечала Ольга. — Впрочем, она уже не сердилась, да и нелегко сердиться на мужчину, с которым лежишь в постели, тем более после пары совершенно безумных часов.

— Ты подумала над моим предложением, малыш? — дрогнув голосом, спросил Грег. Обняв Ольгу за плечи, он притянул ее к себе.

Ольга прильнула к Грегу, сейчас он казался ей самым желанным и самым лучшим мужчиной на свете. Мужественный, храбрый, красивый, в конце концов. Не устает повторять, что любит ее, вон как расстраивался после их ссоры.

— Да, подумала, — сказала Ольга. — Правда, недолго. Что тут думать, до рогой? Как там говорили в старых пленочных фильмах? Я, сэр, имею честь сообщить, что согласна стать вашей женой.

Утром Грег легко поцеловал сонную Ольгу в губы и отправился в казар му к десантникам. Она понежилась в постели еще с полчаса. Она чувствова ла себя абсолютно счастливой. Не зная, что этого счастья ей осталось всего на один день.

Ночная атака застала Грега врасплох. Пронзительно и яростно завыла тре вога, он выскочил из казармы и в свете прожекторов увидел катящуюся вверх по склону холма толпу дикарей. В следующее мгновение все смешалось: исхо дящий от толпы рев, редкие выстрелы разленившихся от безалаберной жизни зазевавшихся часовых и крики ужаса, несущиеся из окон жилого корпуса.

— Грег! — услышал Уильямс отчаянный крик. — Гре е е е ег!!!

На секунду его охватила паника, он узнал Ольгин голос. Грегу даже пока залось, что он видит ее в окне. Первым помыслом было рвануться туда и по гибнуть вместе с Ольгой, но в следующую секунду способность трезво мыс лить вернулась к нему.

Тренированные навыки десантника позволили мгновенно оценить обста новку. Шанс спасти Ольгу и уцелеть самому был слишком мал. Смерть, во пя в тысячу глоток, неслась на Грега, и меньше чем через пару минут долж на была его настигнуть.

— Отходим, — заорал Грег выскочившим из казармы вслед за ним десант никам. — К челноку! Анжело, Пабло, Рик — отходим, мать вашу!

Повернувшись к атакующим спиной, Грег бросился к посадочной пло щадке. Минута ушла на отпирание ворот в окружающей ее ограде. Когда они, наконец, отворились, Грег обернулся.

Нападающие были уже в сотне метров. Десантники дали залп, он выко сил первые ряды, но толпа дикарей, перескочив через тела сородичей, не умолимо катилась дальше. Рухнул пронзенный копьем сержант, со стрелой в горле повалился на землю рядовой.

Пластаясь в беге, Грег бросился к посадочному модулю и, достигнув его, принялся лихорадочно вводить код. Сзади верный Анжело прикрыл Грега огнем. Когда створки шлюза, наконец, разошлись, Уильямс нырнул в про ход головой вперед, перекатился на руках и выглянул наружу. Оставляя за собой кровавый след, Анжело трудно полз к челноку. До него оставался всего десяток метров, и Грег метнулся было навстречу. В следующее мгно вение стрела ужалила его в предплечье, вслед за ней упало на излете у ног копье. Выругавшись, Грег отшатнулся вглубь челнока и принялся задраи вать шлюз. Закончив, рванул по коридору к рубке, упал в кресло пилота и начал лихорадочно готовить челнок к старту. Через обзорное стекло было хорошо видно, как трое дикарей копьями добивают Анжело Монгиови. Грег стиснул зубы и заставил себя забыть об Анжело, так же, как пять ми нут назад он забыл об Ольге. Через минуту челнок, оторвавшись от земли, взмыл в небо. Грег задействовал автопилот. Через полтора суток челнок достигнет базы. Там можно будет рассказать любую историю: время при думать ее у него есть.

Лодка мягко ткнулась в островной берег. Брейт выскочил, прикопал нос в песок. Клаун, бросив весла, схватил за грудки связанного пленника. Чет веро его сородичей потеряли жизни в тот момент, когда собирались оттолк нуть лодку от обрывающегося в болото склона на ничейной земле.

— Где? — яростным шепотом спросил Клаун. — Где этот дом?

— Вон тот, — пленник мотнул головой в сторону едва очерченной в тем ноте приземистой хижины. — Женщину неба с золотыми волосами взял се бе большой рыболов — владелец четырех лодок. Теперь можешь забрать мою жизнь, лесовик.

— Я дарю ее тебе, — Клаун спрыгнул на берег. — Уходи.

Через сотню вздохов он, ногой вышибив дверь, ворвался в дом, где держа ли Ольху. Кровь брат, отставая на полшага, бежал следом. Дочь неба Клаун увидел сразу. Обнаженная, она забилась в дальний угол, слабо освещенный мазками огня из плошки с бобровым жиром. Клаун увидел в глазах Ольхи плещущийся ужас и потерял голову. Тень метнулась наперерез — ножом под сердце. Другая — обухом топора по черепу. Срубив третьего, Клаун бро сился к женщине и подхватил ее на руки. Ольха судорожно обхватила его за шею, и он, замерев на месте, прижал ее к себе.

— Бежим, — прохрипел сзади Брейт. — Быстрее, брат.

Через сотню вздохов Клаун запрыгнул в лодку, метнулся к корме и бе режно положил женщину на дно. Сорвав с себя медвежью шкуру, прикрыл ее наготу.

Брейт оттолкнул лодку от берега, вскочил на нос и схватился за весла. Полсотни гребков вынесли их в протоку, и в этот миг на оставленном за спи ной острове начали зажигаться огни.

Со дна лодки Ольга завороженно смотрела на залитое потом, искаженное от физических усилий лицо Клауна. Туземец, безграмотный дикарь. Выта щивший, вырвавший ее из лап позора и смерти. Униженную, полуживую, изнасилованную воняющим рыбой и протухшим жиром уродом.

За ней обязательно прилетят. Не может быть так, чтобы не прилетели. На базе сотня коммандос, они рассчитаются с этими подонками, сравняют с землей их жилища, выжгут напалмом острова и перетопят лодки в речных и озерных протоках. Они найдут ее, заберут, выдернут из этого мира, из идил лии, обернувшейся первобытным кошмаром.

Кто заберет, пришла следующая мысль. Кто выдернет? Грег? Он ведь слышал, как она звала его, не мог не услышать. Ольгу передернуло, стоило ей вспомнить исчезающий на горизонте челнок с удравшим Грегом на бор ту. Она вновь посмотрела на Клауна. Дикарь, человек из леса. Как теперь благодарить его? Не оставаться же с ним на этой планете нянчить его детей и жарить добытое на охоте мясо. И не брать же его с собой. В мир, опередив ший его собственный на тысячи лет.

А почему, собственно, нет, внезапно подумала Ольга. Он благородный че ловек, по настоящему благородный и мужественный, такому найдется мес то в любом мире. О боже, о чем она думает, лежа на дне убогой туземной лодки, несущейся невесть куда, возможно, прямиком на погибель. С двумя дикарями на веслах. Или все же не дикарями? Ольга, приподнявшись на локтях, посмотрела на Клауна в упор и внезапно с удивлением осознала, что ей почти не страшно.

Клаун почувствовал взгляд. Напряжение вдруг покинуло его лицо, судо рожно сведенные челюсти разжались. Он на мгновение замер, улыбнулся и, протянув руку, коснулся Ольгиной щеки. Затем снова схватился за весла.

Клаун не знал, сколько длилось бегство. Вздох за вздохом он, выкладыва ясь, рвал жилы. Рывок, выдох, взмах, рывок, выдох, взмах, рывок...

— Быстрее, брат, быстрее, — обернувшись через плечо, кричал Брейт. Первая лодка преследователей была уже различима позади, в белесой ут ренней хмари. — Еще немного, брат!

До ничейной земли оставалось не больше пяти сотен вздохов. Обдирая в кровь ладони, надрывая мыщцы спин и предплечий, побратимы гнали лод ку к берегу.

Опушки они достигли, когда сил у Клауна почти не осталось. Отсюда вглубь леса уходила тропа. Две лодки преследователей уже пробили носами вязкие скопления тины и водорослей у берега ничейной земли. Восемь греб цов и двое рулевых разом вымахнули из лодок на мелководье.

— Их надо задержать, втроем нам не спастись, — прохрипел Клаун. — За бирай эту женщину, брат. Ее зовут Ольха, люди неба вернутся за ней. Заби рай ее и уходи.

Брейт выпрямился и расправил плечи.

— Уйдет мой брат, — сказал он. — Я останусь здесь и встречу людей болота.

Клаун схватил побратима за предплечье.

— Забирай женщину! — закричал он. — Отвечать за содеянное мне, а не тебе. Твои уши слышат меня?!

Брейт рванулся и высвободил руку.

— Я сказал свое слово, — сурово проговорил он. — Уходит мой брат, я остаюсь. Уходи же! — закричал он Клауну в лицо. — На счету каждый вздох. Убирайся, если хочешь, чтобы эта женщина осталась жива и родила тебе сыновей!

Клаун посмотрел побратиму в глаза. Затем вновь подхватил Ольху на руки и грузно побежал по тропе вглубь леса. На повороте он перевел дыхание, крепче прижал к себе дочь неба и оглянулся. Привалившись плечом к стволу, его кровь брат готовился встретить смерть. Великие боги наградили Брейта — немногим выпала честь обменять свою жизнь на жизнь брата. Клаун втянул в себя воздух, выдохнул и через мгновение, глотая скатывающиеся по щекам слезы, вновь размашисто понесся вдоль по тропе.

«Только бы за ней не вернулись, — отчаянно молил и заклинал на бегу Клаун. — Милостивые боги, сделайте так, чтобы за ней не вернулись. Не вернулись. Не вернулись. Не вернулись».

АНДРЕЙ ГАЛЬПЕРИН

МУТНЫЕ ГЛАЗА СОВЕСТИ*

От самой набережной до блокпоста на границе курортной зоны Серый молчал. Он вертел в пальцах незажженную сигарету, сипел, поглядывал в окно машины на прохожих и иногда делал странные движения губами, словно хотел презрительно сплюнуть. Перед самым блокпостом Серый занервничал, принялся копаться в карманах мастерки, и всем своим видом демонстрировал, что в курортную зону ему вовсе и не хочется, но опять же, все это он проделывал молча. Анатолий, поглядывая на приятеля, чуть улыбался, и наконец, не выдержал:

— Чего ты вертишься? Не бзди, все будет нормально. У меня «золотая карта».

— Да хрена ли от твоей карты. Я не ин те гри ро ван, понимаешь? Счас за жопу возьмут – два часа, и на родину... Знаешь, как здесь с нелегалами? В кабак можно было и к албанцам сходить, и посидели бы как люди...

— Серый, перестань. Такую встречу надо отметить. А к албанцам я не пойду. Меня в этом городе знают, не хватало еще по притонам шастать... Все, приехали. Не кипешуй. И цацки сними. Палишься.

Серега хлюпнул носом и недовольно пробурчал:

— Че мы, не пацаны что ли?

У блокпоста Анатолий остановил «BMW», открыл окно и дождался, пока плечистый абхаз в надвинутой по самые глаза пятнистой каске приблизится, перекинет за спину громоздкий многоствольный агрегат, и только потом плавным движением предъявил туристическую карту. Патрульный взял кусочек пластика двумя пальцами, придвинул к глазам и подвигал заросшей челюстью. Потом склонил голову и посмотрел в окно на Серого. Несколько секунд он пристально разглядывал прикид гастробайтера – поношенную мастерку с многочисленными эмблемами, аляповатые, как бы золотые перстни на пальцах, бледно голубые узоры татуировки на запястьях. Еще раз оглядев пассажира, патрульный отошел на пару шагов, ткнул пальцем в рацию на предплечье и прохрипел:

— Командэр, четырнадцать четыре докладывает... Тут «золотой» из «Шератона», с ним босяк.

* Рассказ победитель внутриклубного конкурса Крымского КЛФ

Из здания блокпоста вышел высокий грек в легком пехотном наборе и, придерживая на ходу кобуру с «Сильверстоном», направился к ним. Пат рульный передал ему карту Анатолия.

— Господин Снежин?

— Собственной персоной, — Анатолий указал пальцем на Серого. — А этот господин со мной. Будьте так любезны, выпишете ему суточный пропуск.

Командир склонился к окну. От него несло дешевым одеколоном и ка зармой.

— Да, конечно, господин Снежин. Как вы представите своего попутчика?

— Колясенко Сергей Игоревич. Гость.

— О да... Проезжайте. На выезде получите суточную карту. Соблаговоли те объяснить вашему другу, до какого срока он должен покинуть турзону.

Анатолий принял карту из рук командира и подмигнул Серому.

— Вот видишь. Теперь ты турист. Наслаждайся.

У входа в ресторан Серый опять замялся. Он сделал несколько глубоких затяжек, швырнул сигарету в урну, и, пряча глаза, пробормотал:

— Толяныч, ну нафига ты меня сюда приволок? — он выразительно по хлопал по карманам и продолжил, — денег у меня на такие кабаки нет. Го ляк, понимаешь?

Анатолий, сдерживая улыбку, сделал пригласительный жест.

— Не ссы. Все будет ништяк. Погуляем как люди, а денег хватает.

Серый оглянулся на припаркованный в VIP зоне «BMW» и усмехнулся в ответ.

— Ну да, ты же крученый. Ну, укатаешь корешка тогда.

За столиком Серый продолжил свой рассказ, начатый еще на строящей ся набережной рабочего поселка. Он говорил и ел, говорил и ел, и Анатолий, слушавший вполуха, старался изо всех сил не смотреть на его жующий, да вящийся рот, на капли соуса, стекающие по плохо выбритому подбородку. Сергей мял вилкой изысканные блюда, загребал все это широкими движе ниями и отправлял в рот, периодически запивая все это пивом из высокой кружки, а когда он говорил, то во все стороны летели брызги.

«Свинья... Как был свиньей, так и остался... Все таки зря я его сюда при гласил».

— Вот, короче, я эту сучку затащил за трансформаторную будку, хотел на клык накидать, но тут братва подбежала, из этих, помнишь, что за двенадца той школой в камышах тусовались, суки, вот они мне тогда насовали пол ную пазуху, думал, загнусь, короче... А вот еще, ты уехал тогда уже. По мнишь Сару? Пашку Сорокина из третьего подъезда? Он тоже за этими бля дями бегал, так они его за гаражами бензиком облили и подожгли...

Анатолий бессвязно кивал и почти не ел, а дождавшись окончания оче редной эпопеи, спросил:

— Ну, а здесь то ты как оказался?

Серый сразу поскучнел. Он прожевал, запил пивом и отложил вилку.

— Ну, это... Короче. Зураба помнишь? Он на углу Рабочей и Кропоткина магазин держал? Я вот как контракт отмотал, по углам пошибался, и к нему.

Ну, короче, он нас и вывез. Сначала в Бейрут. Там отель строили. Короче, не заплатили нихрена. Потом сюда...

— Здесь то платят?

Серый сделал гримасу и пробурчал:

— Ага... Туркам еще так, нам – чтоб не сдохнуть.

— Понятно. Домой не тянет?

Серый вытаращил глаза и поставил уже поднятую было кружку.

— Ты че гонишь? Домой... Телик не смотришь что ли? Кому в концлагерь охота? Не, домой я не ездок. Здесь поработаю, потом еще где нибудь про бью. Вот в Испанию пацаны поехали, там вроде ништяк. Ну, а ты? – серый прищурил поросячьи глазки и обвел руками ресторан. — Ты то приподнял ся, как я вижу. Тачка, кабаки, патрули вон честь отдают... Официанты бега ют, кланяются. Чем по жизни занимаешься?

Анатолий скромно улыбнулся.

— Да так. Работаю. Вот только прилетел. Думал, отдохну недельки две три на курорте, а тут и друга детства встретил.

— Прилетел? – Серый нахмурился. – Откуда?

— Откуда... С Марса. «Марс Индастри Гелекоун», слышал? Заведующий лаборатории.

Серый поставил кружку и недоверчиво спросил:

— Внеземелье? Ты гонишь... Там же это, короче, радиация, болезни вся кие, катастрофы... Вон по телеку каждый день показывают.

Анатолий улыбнулся и покачал головой.

— Серый, блин, ну ты вроде и не баран. Ты что, реально веришь всему, что по телеку показывают? Люди работают во Внеземелье уже много лет. Вот все, — он кинул вилку на стол, — буквально все в этом кабаке сделано из то го, что добывают наши прииски. А ты на фуфло ведешься.

Серый сглотнул слюну и глуповато хлопая выгоревшими ресницами спросил:

— И че, реально башляют?

— Ну, по выработке. Стандарт для проходчика – двести штук в год...

— Баксов?

— Ну нафиг. Евро, конечно...

Серый закатил глаза и мечтательно хрюкнул.

— Ну ни и ифига се. Вот это бабло...

Анатолий серьезно посмотрел на Сергея.

— А ты думал? Две смены, работа несложная, жрачка, комплекс с сауной и бассейном. Девок, правда, нет. Но это потерпеть можно. Ты в армии кем был?

Серый самодовольно ухмыльнулся и протянул:

— Кем кем... Спецназ ВДВ. Бирма, Афганистан, Тимор...

Анатолий прикрыл глаза ладонью и кивнул. «Врешь, падла, семь лет в Бишкеке солдат на кунге в баню возил, спецназовец хренов. А про Тимор по телеку небось только видел. Ну да нам пофиг...». Вслух сказал:

— Если работа нужна, ты не стесняйся. Ты ведь с механизмами по жизни нормально? Нам такие люди нужны.

Серый покрутил головой и засопел:

— Ты че, серьезно, Толяныч? Ты мне сейчас работу в космосе предлага ешь?

— Ну, не в космосе. На Марсе. Хочешь, могу пробить что нибудь на Венере. Но там другая контора, я ихних заположняков не знаю. У нас в конторе есть вакансия сейчас. Документов особых не надо. Деньги на пе релет до Йоханнесбурга и на курсы подготовки. Где то штуки две, если не ошибаюсь.

Серый, глаза которого уже горели от предчувствия быстрого обогащения, вдруг обмяк и едва выдавил:

— Неа, Толяныч... Не покатит. Нет таких денег. Если все собрать, что есть, да скутер продать, то, может, евро триста и набежит.

Анатолий покровительственно усмехнулся и легким жестом кинул на центр стола свою золотую карту.

— Братан... Я своих в беде не бросаю. Дам тебе денег и добазарюсь с кон торой. – При этом он вытащил телефон и, стараясь не смотреть на сияюще го Серого, быстро набрал номер.

— Господин Джордан? Это Анатолий Снежин, два тринадцать со рок девять, приветствую вас. У меня есть претендент на должность оператора обогатительного комбайна. Да... Несомненно... Человек за служивающий доверия... Специалист... Бывший военный. Да. Конеч но, господин Джордан... Естественно. Все, благодарю вас, господин Джордан.

Анатолий сложил телефон и подмигнул Серому.

— Тебе повезло, братишка... Если ты сейчас все бросишь, то успеешь в Триест на самолет до Парижа. Завтра вечером ты должен быть Йоханнес бурге, вот по этому адресу. — Он вытащил из нагрудного кармана визитку и протянул Серому. — И это... дай мне пока свою карту...

Серый жадно схватил визитку и, не мигая, уставился на Анатолия.

— Карту?

— Да... Гражданскую Карту. Я тебе еще скину денег на счет, а карту пе редам в Центр подготовки, когда ты там зарегистрируешься. Это фор мальность, понимаешь, братан. Это не то, чтобы я тебе не доверял, но вдруг ты ломанешься с моими деньгами куда нибудь в Индокитай, и ищи тебя потом...

Серый насупился и пробурчал:

— Да без проблем, брателло. Я и так тебе, короче, обязан... — Он порылся в карманах штанов и вытащил кусок потертого на углах пластика.

Анатолий взял карту и усмехнулся уголками губ. «Ну все... Теперь вали уже... Ненавижу эти секунды». Тут он заметил, как из холла к барной стой ке, слегка припадая на правую ногу, приближается невысокий человек в мя том плаще и черной кожаной шляпе.

«Черт... Как не вовремя...»

Анатолий сунул руку в карман, достал бумажник, быстро отсчитал два десятка радужных купюр и протянул Серому.

«Ну, быстрей же, придурок!»

Серый взял деньги, медленно встал, оперся о спинку стула и звучно рыгнул. Некоторые из посетителей оглянулись на него. Он постоял, глядя сверху вниз на Анатолия, и, наконец, сказал:

— Спасибо тебе, братан, что не бросаешь своих... Я отдам все до копейки, вот только вернусь, и отдам...

Анатолий встал, обошел стол, и они похлопали друг друга по плечам.

— Ну, иди уже. Был рад повидаться, братишка. Удачи!

Серый, блеснув перстнями, сунул руку с деньгами в карман и пожевал губами, словно собираясь что то еще сказать. Потом нерешительно повернулся и пошел к выходу.

Анатолий присел на свой стул и стал смотреть, как человек в мятом плаще догоняет Серого и на ходу пытается ему что то втолковать. Но Серый лишь отмахнулся и, что то бурча себе под нос, покинул ресторан. Анатолий вздохнул с облегчением. Человек в плаще потоптался у выхода, почесывая переносицу пальцем, затем сделал знак кому то в глубине ресторана и направился к столику, за которым сидел Анатолий.

— О! Анатоль Снежин? Разрешите присесть?

Анатолий скривился и пожал плечами.

— Инспектор Хаксли? Я бы возразил. Но от вас все равно никуда не денешься. Присаживайтесь...

Хаксли снял кожаную шляпу с ярко зеленой лентой, расправил длинные черные волосы с проседью и слегка распустил узел бежевого галстука. Присев, он отодвинул тарелку, из которой только что ел Серый, и махнул рукой официанту.

— Милейший, приберите здесь. И, пожалуйста – мартини. Без оливок. – Он повернулся к Анатолию, прищурил бесцветные мутноватые глаза и широко улыбнулся. – Хороший парень. Крепкий. Славянский тип. Не наркоман. Протянет года два, может, три... Куда вы его пристроили? В «Мартиан Колониан Пруст?» Или в «Корпорейшен оф Фобос Девелопмент?»

Анатолий отложил вилку и поморщился.

— Вам есть, что мне предъявить, Хаксли? Сомневаюсь. А потому, будьте так любезны, оставьте меня в покое.

Хаксли улыбнулся еще шире, подкрутил ус и ответил:

— Ну что вы, Анатоль! Конечно, мне нечего вам предъявить. Иначе вы бы уже лежали лицом вниз. Даже если вас сейчас обыскать и изъять документы этого несчастного, которому вы только что выписали пропуск в ад, вам все равно нечего будет предъявить. Вы высококлассный профессионал, надо отдать должное. Как обычно, никто из моих людей не заметил применения никаких специальных устройств или наркотических препаратов для одурманивания. Даже спиртного ваш клиент практически не пил. И, тем не менее, вам удалось его обработать. Как и многих других. Знаете что?

— Что?

— Вы меня раздражаете, Анатоль.

— Неужели?

Хаксли принял от официанта мартини и сделал глоток.

— Хотя, возможно, я неправильно выразился по русски. И вообще, может, лучше английский? Французский? Немецкий? Э э э... Арабский?

— Не утруждайте себя, господин Хаксли. Ваш русский безупречен. Так чем же я вас раздражаю?

Хаксли отставил бокал, вытащил из кармана огрызок сигары и стал окончательно похож на не очень успешного сутенера из пригорода Нью Орлеана.

— Вы лучший рекрутер на моей памяти. Этот ваш Серджио Колясенко, или как его там, будет юбилейным, пятидесятым рекрутом. Кстати, почему вы не кушаете? – Он перегнулся через стол и внимательно осмотрел нетронутую тарелку Анатолия. При этом немного пепла с его сигары просыпалось прямо на блюдо. – О... У вас пропал аппетит. Это бывает, когда отправляешь своих друзей на верную смерть.

Анатолий с непроницаемым лицом смотрел, как бармен протирает бокалы.

— Так вот, о чем это я?

— Вас беспокоил мой аппетит...

— Увы, нет, Анатоль. Меня беспокоит та легкость, с который вы отправляете своих бывших друзей, знакомых и просто случайных людей в рабство. Олег Никифоров, так, кажется? Вы с ним сидели за одной партой в школе, а после школы играли в лапту...

— В футбол...

— Да, и в футбол. Он умер в позапрошлом году на нелегальном прииске «Шерил Голд». Сгнил живьем от тройчатой венерианской гангрены. Он умер в рабстве, в возрасте двадцати шести лет. Евгений Мень, Александр Солодов, Виктор Плахотник, нелегальный прииск «Церера Акватик» – все они были отправлены в расход, немощными стариками, не дожив до двадцати пяти. Все остальные проходят как пропавшие без вести, но мы то с вами знаем, Анатоль, какая участь им была уготовлена.

— Никого из этих людей я не видел много лет. Возможно, они и пропали без вести, но мне об этом ничего не известно.

Хаксли развел руками и покачал головой.

— Ах, Анатоль, Анатоль... Я оставлю вас в покое, на некоторое время, разумеется. Пока вы не сделаете по настоящему крупной ошибки. Скажите мне только одно. Вы заработали внушительные суммы на работорговле. Я знаю о ваших счетах, и о многом другом тоже. Я знаю о вашей семье, о любимой жене и дочери, о домике на Мальте. Вы хороший биохимик и могли бы трудиться в «Сентре Ресерч ЛТД» на Луне. А еще я знаю, что вас чертовски мучает совесть. Я знаю, что вы не спите по ночам, а засыпаете, лишь для того, чтобы проснуться в поту от кошмара. Скажите мне, зачем вам все это? Зачем вы берете грех на душу?

Анатолий посмотрел в мутные, словно задымленные глаза агента, и ответил.

— Я скажу вам, Говард. Но боюсь, вы не поймете.

— Это почему же?

— Это потому, что вы родились в Монреале, закончили колледж, от служили в вашей пряничной армии и получили должность на государст венной службе, с хорошей пенсией в перспективе. А я родился на свалке цивилизации. Мои родные, кто не погиб в гражданскую, сгнили в лаге рях, на помойках, на рисовых чеках и грибных плантациях. Я всего до бился сам, я выгрызал из этой жизни каждый лакомый кусочек, который вам доставался просто так. И теперь я не хочу жить на этой планете. Я не хочу, чтобы здесь жил мой ребенок. И потому мне нужны деньги. Боль шие деньги, Говард.

Хаксли с интересом посмотрел на него и сказал:

— Ну, сомневаюсь, что работорговля может служить оправданием для ваших личных трагедий. С другой стороны, я вас понимаю, Анатоль. Вы хотите сбежать? Меня радует этот факт. Ведь если мне не удастся заса дить вас в лагерь, то однажды придется вас просто пристрелить, как со баку. А этого мне, поверьте, совсем не хочется... Поэтому, чем скорее вы покинете Землю, тем лучше для вас. Кстати, вы уже подобрали себе теп лое местечко?

Анатолий пожал плечами.

— Ну... «Сентер Эволюшн» Титан.

— О да... Наслышан. Чудесное место. Хотя... — Хаксли полез за пазу ху и вытащил голографический планшетник. Пощелкав сенсорами, он выбрал картинку и показал Анатолию. – Вот смотрите. Мечта, так ска зать. «Галактик Сити», Каллисто... Мои доходы не сравнить с вашими, Анатоль, а потому для меня это так и останется мечтой. Вам вполне должно хватить на небольшую резиденцию, и еще останется на безбед ное существование...

Анатолий всмотрелся в пейзаж и с благодарностью кивнул.

— Интересный вариант, Говард. Интересный. Я подумаю.

Хаксли выключил компьютер и задумчиво проговорил:

— Не сомневаюсь, Анатоль. Не сомневаюсь. Однако рекомендую вам по торопиться. Видите ли, мне до пенсии осталось всего ничего. Начальство требует результатов, а их не так уж и много. Я посадил братьев Квардишви ли, мои люди убили Монза и Манкевича, оказавших сопротивление аресту. Пуля Манкевича, которую извлекли из моей ноги, очень серьезно повлияла на мое общее восприятие окружающего мира. Меня раздражает то, что борь ба с нелегальными приисками Внеземелья происходит здесь. На Земле. А вы, Анатоль, один из немногих оставшихся рекрутеров. Поэтому мой вам со вет: убирайтесь! На Титан, на Каллисто, К черту на рога. Я хочу отчитаться перед начальством и спокойно уйти на пенсию. И поторопитесь. Ваше вре мя уходит.

Анатолий кинул на стол несколько бумажек и встал.

— Спасибо, Говард, за совет. Я думаю, что есть резон последовать ему. А Каллисто... Ну что же, это вариант.

Он повернулся и, не прощаясь, направился к выходу. Хаксли некоторое

время неподвижно сидел, глядя прямо перед собой. Потом одним движени ем затушил сигару и вытащил коммуникатор.

— Господин Джордан? Это Говард Хаксли, два шесть девяносто во семнадцать... Да, закончил. Как и обещал, Каллисто. Мужчина, двадцать восемь лет. Белый. Женщина, двадцать семь лет. Белая. Девочка, шесть лет. За девочку – восемьдесят, как договаривались. Девочки нынче в це не. Я знаю, знаю... Что поделать, господин Джордан, деньги не пахнут, как говорят русские.

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ

ОНА И ЕЕ МУЖЧИНЫ

Куда плывете вы? Когда бы не Елена,
Что Троя вам одна, ахейские мужи?
О. Мандельштам

— РЫБА! – ЛИКУЯ, ВОЗВЕСТИЛ ТЕЗЕЙ.

Маленький, широкоплечий, он стоял над галькой, как победитель над трупом врага. Плоская галька; в сущности, ерунда. На одной стороне ножом выцарапана тощая рыба, на другой – солнце. Только что этот жребий решил судьбу добычи.

— Ну и дурак, — мрачно заметил Пирифой.

Высокий, кудрявый, он не умел проигрывать. Даже друзьям. Но долго злиться он тоже не умел. Если сразу не бросился на соперника – все, считай, мир.

— Почему это я дурак? – обиделся Тезей.

— Тебе в игре везет? – стал разъяснять Пирифой, указывая на злополучный жребий. – Везет. Значит, с любовью беда. Примета такая. Забирай свою замухрышку. Все равно она тебя никогда не полюбит.

— Точно примета?

— Точно.

— Ничего, — махнул рукой Тезей. – Пускай не любит.

И с вожделением посмотрел на девчонку. Елена даже в двенадцать лет – волосы торчат, коленки расцарапаны – приводила мужчин в оторопь. Толкала на подвиги. Украсть сестру бешеных братьев Диоскуров – чем не подвиг?

— Дурак, — повторил Пирифой, морщась. – Тебе что баба, что чурбан – все едино. Ладно, забирай. Не жалко. И поехали мне женщину добывать.

— Поехали, — согласился Тезей. – Только завтра. Мне тут еще надо...

Он по прежнему не отрывал взгляда от Елены.

— Ты не хочешь спросить, кого я выбрал?

— Кого?

— А вот кого...

— Ты идиот? – спросил Тезей, услышав ответ друга. – А еще меня дураком дразнил...

— Боишься?

— Я?!

— Ты!

— Сам ты боишься! Едем! Завтра...

С утра они уехали – в царство мертвых, за Персефоной, супругой Аида Гостеприимного. Елена, которую под конвоем отправляли в Афины – дожидаться возвращения Тезея – долго смотрела вслед героям. Она знала, что герои не вернутся.

Разве что чудо...

Ночью она молчала и кусала губы. Ни стона, ни вздоха. Тезея это не смущало. Ему важно было владеть. Остальное – выдумка кифаредов. Стерпится – слюбится, и все такое. Честно говоря, Тезей ожидал большего. Он уже жалел, что жребий выпал ему. Надо было поделиться. Первую ночь – он, вторую – Пирифой.

И никуда не ехать.

* * *

— Я тебя люблю, — сказал Менелай.

Маленький, широкоплечий, он походил на Тезея. Лишь светлые кудри – как у Пирифоя. Казалось, двое первых похитителей вернулись, чтобы воплотиться в этом человеке. Увы, Тезей возвратился из царства мертвых лишь за тем, чтобы упасть со скалы в море.

Пирифой встретил тень друга так же, как и проводил на свободу — сидя на камне у входа в преисподнюю. Иногда его, приклеенного к камню, навещала Персефона. Рассказывала последние сплетни, спрашивала, как Пирифой себя чувствует. Передавала привет от Тантала и Сизифа. Аид Гостеприимный полагал, что это оживляет ситуацию — и усугубляет муку.

Жестокость? Нет, справедливость, как ее понимал Аид.

— Я тебя люблю.

— Хорошо, — кивнула Елена. – Я слышу.

— А ты меня?

Она не ответила.

— Я твой муж, — Менелай сделал вид, что молчание жены – знак согласия. У него было прелестное качество: он все трактовал в свою пользу. – Владыка Зевс! Я до сих пор не верю своему счастью! Ты выбрала меня... А ведь в Спарте собралась уйма славных героев!

— Много, — кивнула Елена.

Ее до сих пор удивляло, что эти герои не перерезали глотку друг другу. Как звали того рыжего хитреца, что придумал клятву на коне? Одиссей? Надо запомнить. Будет к кому обратиться в случае затруднения.

— И ты выбрала меня! Я вне себя от радости. А ты?

Вечно он переспрашивает, думала Елена, пока Менелай освобождал супругу от одежды. Почему? Надо научиться отвечать. Что то вроде: я тоже тебя люблю. Я тоже вне себя.

— О о! Елена!

Как скучно, думала она, совершая необходимые телодвижения. Жить долго и счастливо, и умереть в один день. Боги, какая тоска...

— О о!

Когда Менелай, утомившись, заснул, она встала с ложа и подошла к окну. Луна светила прямо в лицо. Из сада пахло мокрой землей. За спиной храпел муж. Белокурый, молодой, сильный. Счастливый.

Это ненадолго, вздохнула Елена.

Чтобы заснуть, она считала корабли. Старый, верный рецепт. Один черный корабль, два черных корабля. Десять крутобоких кораблей. Сто четыре пурпурногрудых корабля. Семьсот тридцать пять быстролетных кораблей. Одна тысяча сто восемьдесят шесть разнообразных кораблей.

Во сне она видела горящий город.

* * *

— Моя! – с удовлетворением заявил Парис.

Этот был высок и кудряв. Но, в отличие от Пирифоя, не имел ничего общего с хищником. Ягненок в шкуре волка. Бойкий ягненок, надо отдать ему должное.

— На твоем месте, лапочка, я бы тоже сбежал от этого болвана. Тоже мне, царь! Грубиян, солдафон. Скоро лопнет от самодовольства. Знаю таких. В постели – пустое место. Как ты его терпела? Уверен, тебя всякий раз тошнило от его запаха...

Елена пожала плечами.

Стоя у борта, она смотрела, как берег скрывается в тумане. Выдохи гребцов сливались в единый хор. От него болела голова.

— Моя! Гектор лопнет от зависти. Его Андромаха – та еще штучка, но до тебя, дорогая, ей далеко. Мама примет тебя, как родную. И папа. Папа стар, но от красоток делается шелковым. Надеюсь, Менелай все таки начнет войну. Без войны, детка, я тебя просто украл. А с войной – похитил. Или даже завоевал. Чувствуешь разницу? Конечно, чувствуешь, ты у меня умница...

Солнце рассыпалось блестками по воде. Корабль ускорил ход. Спарта, Троя, думала Елена. Какая разница? Менелай, Парис... У них общий порок – страсть задавать вопросы. Но у троянца есть большое достоинство – ему не надо отвечать.

Он сам ответит на что угодно.

— Жаль, тут негде уединиться. Может, на корме? Как думаешь, рыбка? Я попрошу гребцов отвернуться. В Трое у меня чудесный чертог. Мы не будем выходить из спальни неделю. Месяц! Год! Афродита, благодарю тебя! Я принесу тебе в жертву все яблоки мира. Дорогая, ты любишь яблоки? Ясное дело, любишь, они вкусные...

От качки Елену тошнило.

— У меня там была одна нимфочка. Еще на пастбищах. Ревнивая – жуть! Как узнала, что Афродита мне тебя сосватала, чуть с ума не сошла. Такое пророчила – кошмар! Я тебе как нибудь расскажу. Потом. Тебе интересно? Не спорь, интересно. Все вы, женщины, любопытны, как сороки...

Кудри, белозубая улыбка. Он тараторил без умолку.

Вокруг страдальчески кряхтели гребцы.

— Ты знаешь, как я стреляю из лука? Ого го! Приедем, я покажу тебе. Или нет, сейчас. Эй, кто нибудь, подайте мой лук! Мой тугой лук! Видишь ту чайку?

— Да.

— Наповал! Нет, ты оценила? С первой стрелы...

Мертвая чайка качалась на волнах.

— Все таки без войны нельзя. Какой же триумф без войны? Я буду стре лять со стены. По бегущим ахейцам. В глаз, в пятку, в сердце... Куда ска жешь, милочка, туда я и воткну свою стрелу. Ха ха! Еще как воткну! По са мые перышки. Отличный каламбур, надо запомнить... А у кого стрела длин нее – у меня или у Менелая?

Елена молчала.

— Я так и знал. Конечно, у меня...

* * *

— Я ожидал большего, — задумчиво сказал Деифоб.

Голый, он расхаживал по комнате. Лысый, сухой, жилистый, похожий на саранчу. Грудь его украшал свежий рубец. На днях Деифоб отличился в бит ве за корабли. За черные, крутобокие, пурпурногрудые корабли ахейцев.

Елена зевнула. При мысли о кораблях ей всегда хотелось спать.

— Ты должна быть мне благодарна. Иначе троянцы разорвали бы тебя. Сейчас, когда Париса больше нет... Мое имя защитит тебя. Если, конечно, ты не будешь так часто выходить без охраны.

У него были хорошие манеры. Он вообще не задавал вопросов.

— Жалко мальчишку. Скверная смерть – от яда на стреле. Надо было по слушать Кассандру, еще в начале... Отец совсем плох, после гибели Гектора. Но мы удержим город. Когда царем стану я, мы поставим Гектору памятник. И Парису. Друг напротив друга – хорошая смерть и плохая. Мрамор, как на поминание...

Елена не застала последних дней Париса. Мучаясь от яда, он умер на ру ках своей нимфочки. К погребальному костру Елена тоже не явилась. За чем? Она ждала. Всегда кто нибудь приходит на смену. И не ошиблась.

Пришел Деифоб, старший сын Приама.

— Мне не нравится, когда ты молчишь. И смотришь. Все время кажется, что ты хочешь ударить меня ножом. В спину.

— Не хочу, — сказала Елена.

Луч солнца, упав на пол, растекся лужей.

— Ты будешь сопровождать меня. В храм, к народу, на совещания. Все должны привыкнуть, что ты – рядом со мной. Разум и красота. Это приго дится. И сейчас, и потом, во дни мира. Их легче убеждать, когда они глазе ют на тебя.

— Хорошо. Я буду рядом.

— Когда мы в постели, не утомляй меня сверх меры. Все таки я уже не мальчик. Делай вот так, и так. И не прижимайся ко мне, когда я сплю. Не люблю.

— Ладно.

— Ты умнее, чем кажешься. Повернись на бок. И закинь руку за голову. На тебя приятно смотреть. Я отдыхаю, глядя на тебя. Теперь перевернись на

живот. Все, я пошел. Меня ждут на совете. Нет, на совет тебе не надо. Оста́нься здесь.

— Ты велел мне быть рядом.

— С завтрашнего дня. Сегодня я сам объявлю им.

Когда он вышел, Елена встала у окна. Нагая, под косыми взглядами стражи, разгуливавшей внизу, она была безмятежна. Одиночество защищало ее лучше плаща.

* * *

— Я тебя люблю!

Весь в крови, в мятых доспехах, с мечом наголо, Менелай был неистов. Горячка боя мешалась в нем с ненавистью. Ненависть – со страстью. И все переплавлялось в чувство, названия которому он не знал.

— Как ты его! Ножом... в спину...

Она не помнила – как. Случайно, должно быть. Мертвый Деифоб лежал между ними. На лице его застыло удивление. Гордясь собой, Менелай наступил на лицо покойника.

— Я бы и сам справился. Но ты... Ты боялась за меня, верно?

— Я боялась за тебя.

Время, проведенное с Деифобом, пошло Елене на пользу. Она научилась соглашаться. Это возбуждало Менелая, не привыкшего к такому обращению. С ним мало кто соглашался. На совете, на пирушке – везде его мнение не находило поддержки. А тут... Согласие било в голову крепче вина.

— Он увез тебя силой, этот Парис!

— Он увез меня силой.

— Все это время ты думала только обо мне.

— Я думала о тебе одном.

— Ты – слабая женщина. Что ты могла сделать?

— Ничего. Я – слабая женщина.

Вокруг горела Троя. Младенцам разбивали головы о стены. Вдов тащили за волосы. Кого-то насиловали в храме. Кажется, Кассандру. Только Кассандра умеет так громко кричать. У западной башни еще шла резня. Мальчишка в гривастом шлеме волочил за ногу труп царя Приама. Голова царя подпрыгивала на булыжнике.

— Я отвоевал тебя силой!

— Да.

— Мы вернемся в Спарту!

— Да.

— Мы будем счастливы! Почему ты молчишь?

— Да. Будем.

От дыма першило в горле.

— Я люблю тебя! А ты? Ты любишь меня?

— Ты сомневаешься?

— Нет!

— Правильно делаешь. Ты всегда разбирался в женщинах.

— О о! Елена...

Деифоб научил ее еще кое чему. Например, подливать в вино маковую на стойку. Выпив такого вина, каждый делался счастлив и беззаботен. Смерть отца и матери, гибель сына и брата, память о бедствиях и предательстве – ни что не могло помешать веселью. Горе и гнев отступали перед ласковым маком.

Глядя на Менелая, Елена знала: это пригодится ей больше умения согла шаться.

— Мы умрем в один день! В глубокой старости...

— Да.

Вряд ли, подумала она.

* * *

— Извини, красотка, — Гермий засмеялся. – Это всего лишь я.

Змеи с жезла бога яростно зашипели. Они просто бесились, эти фурии. А может быть, Елене это показалось. Она еще чувствовала на своей шее тугую удавку. Помнила, как задыхалась, вися на дереве. Родосские шлюхи все та ки решились. У кого то мужа убили под Троей, у кого то – сына. Всегда приятно найти виноватую – и повесить.

После смерти Менелая она перебралась на Родос. Думала, там безопасно. Провинция, глушь. Скалы и море. Что ж, ошиблась.

— Э, нет. Нельзя. Отойди от реки.

— Я хочу пить, — сказала она.

— Потерпи. Это Лета, душенька. А ты мне нужна в здравом уме и трезвой памяти.

— Нужна? Тебе?

— А что, если бог, так уже не мужчина? Ладно, шучу. Наверху решили вы дать тебя замуж.

— После смерти?

— Какая тебе разница? Ахиллесу скучно на Островах Блаженства. Соста вишь ему компанию. Тебе говорили, что ты – самая прелестная тень в Аиде?

— Нет.

— Значит, я первый. Ну что, пошли?

С сожалением посмотрев на черную воду, сулящую забвение, она пошла за Гермием. Пританцовывая, веселый проводник был похож на всех ее муж чин сразу. Упрямый, как Тезей. Белокурый, как Менелай. Красивый, как Парис. Опытный, как Деифоб. Каков Ахиллес, она не знала, но подозревала, что в Гермии есть что то и от него.

— Скажи мне, бог... Почему я не любила никого из них?

Гермий остановился. Долго глядел на нее. Потом, не говоря ни слова, спу стился к реке, набрал воды в крошечный флакон и вернулся.

— Папа будет ругаться, — сказал он. – А, Тартар с ним... Возьми.

— Зачем?

— Выпьешь, когда станет невмоготу.

ДАРЬЯ БЕЛОМОИНА

ЦВЕТЫ ПОД ВОДОЙ

Дарья Беломоина — студентка филологического отделения Гуманитарного факультета НГУ. «Цветы под водой» — ее первая публикация. О себе она пишет так: «Сочиняла всегда, пишу с тех пор, как научилась писать. Правда, временами с перерывами на полгода, год. Больше всего повлияли на мою работу книги Ле Гуин, братьев Стругацких, М. и С. Дяченко и Питера Бигля (именно в этой последовательности). Свой излюбленный жанр четко определить затрудняюсь; вертятся на языке слова «мистическая сказка» и «городская фэнтези», но не уверена, что подразумеваю под этими названиями то же, что другие. До недавних пор практически никому свои вещи не показывала, и только в начале прошлого года решила, что, в общем-то, это уже терпимо и пора выползать на свет».

ОЧЬЮ С ХОЛМА ГОРОД КАЗАЛСЯ СОВСЕМ ТИХИМ, заброшенным и неприветливым. Только фонари горят, а окна темны и пусты. С утра шел дождь, мы обе промокли не то, что до нитки — до сердцевины каждой косточки, продрогли и устали.

Вешка весь день молчала, а тут сказала: «Мне здесь не нравится». Мне тоже не нравилось: что же это за город, где ни одного светлого окна, ночлега попросить негде? Сама не знаю, как я еще тогда не поняла, в чем дело.

В конце концов, мы отыскали сухой чердак, там было полным полно старой мебели, одежды и книг. Пока я разводила костер, Вешка куталась в чей то выцветший плед и боязливо озиралась. У огня жалась ко мне, не то, что обычно, когда всем видом показывает, какая она большая и самостоятельная. Книги горели плохо, а вот на старинных, дивной резьбы стульях мы сварили суп.

Всю ночь бормотал дождь, пели водостоки.

А наутро меня разбудила Вешка. Очень бледная, волосы текут темными ручьями, с подбородка капает вода, одежду — хоть выжимай.

— Где ты была? — изумилась я.

— Пойдем, — сказала она тихо. — Сама сейчас увидишь. Я не знаю, что это.

Она подвела меня к лестнице. Пролетом ниже плескалась вода. Подобо

страстно лижет ступени, глубокая, голодная. Я метнулась наверх, к чердачному окну. В первый миг мне показалось, что весь город — до краев — заполнен битым стеклом, и оно нестерпимо горит на солнце. Всюду — вода, сверкающая, ленивая, как огромный зверь, разлегшийся на улицах. Я села, прислонившись спиной к стене, и строго посмотрела на Вешку.

— Почему мокрая?

— Я смотрела вокруг. Мам, там вообще никого нет. Все куда то ушли. Даже кошек нет. Даже птиц.

Глаза у нее черные, как земля. Я почувствовала, что у меня немеют губы. Знаю я, почему из некоторых городов уходят сначала кошки и крысы, а потом люди. А мы вот пришли, две дурочки — большая и маленькая.

— Мама, ты что нибудь понимаешь?

— Возьми еду и котелок. Попытаемся уйти, может, еще не поздно.

— Что не поздно?

Не отвечаю.

Снаружи слепит солнце, просвечивает воду насквозь.

Но нет, не отпустил нас город. Куда ни плыли – всегда возвращались к своему чердаку. Через полтора часа совсем выбились из сил, да и вода была очень холодная.

Я снова развела костер. Вешка наблюдала. Ей одиннадцать, моей Вешке, у нее темные осторожные глаза, она плавает, как рыбка, она похожа на отца. Такая же молчаливая и упрямая. Мне почему то захотелось плакать. Может, от дыма.

— Есть такие люди, — пробормотала я. — Но тебе, наверное, рассказала бабушка. Нет?

Молчит, смотрит непонимающе.

— А я виновата, что не догадалась вчера, — говорю я. — Но ты не бойся, все будет хорошо. Есть такие люди, Вешка, их называют Мечтателями. Сами они обычно не знают, кто они на самом деле. Они мечтают... Они только мечтают... О каком нибудь, например, ужасно красивом месте. И так мечтают... что мир... меняется... Где то, не обязательно рядом, все становится так, как в мечте...

— Правда?

— Правда.

— А я так могу? — с любопытством спросила она.

Я грустно улыбнулась.

— Вряд ли... Хотя кто знает... Настоящих мечтателей очень мало, Вешка. И, видишь ли, они не выбирают мест, которые можно менять... Вот кто то сейчас мечтает о городе, полном воды, или чем то таком таком таком, а мы тут и не знаем, что с нами произойдет. Это я, конечно, виновата. — Я закусила губу. — Звери всегда чувствуют перемены заранее и уходят, люди за ними, а мы были в Городе в ночь, когда он начал меняться. А я не обратила внимания. Мы теперь часть города, он нас не отпускает, ты же сама видела. Так что мы теперь, наверное, тоже изменимся вместе с ним. Не бойся, не случится ничего страшного. Просто мы, может быть, станем еще красивее...

Мечтатели, они же, в основном, о красивом мечтают... На ка ложку, поме шивай суп, пока греется...

Молчит, думает. Я подошла к окну, открыла. В лицо дохнуло свежестью, прохладным запахом воды. Как то я Вешке не так объяснила. Надо было сказать, что люди часто ненавидят Мечтателей: слишком велика, неуправ ляема и опасна их сила. Что мы каждый день жили и живем на пороховой бочке. Что есть такие края, где каждый держит в своем доме лодку и длин ную длинную веревочную лестницу, потому что никто не знает, не проснет ся ли он утром на вершине скалы или в хижине посреди озера из за того, что кому то мечтается создать по новому красивый край...

Ладно.

Лишь бы все обошлось.

Изменения происходят за сутки, значит, у нас есть время, по крайней ме ре, до рассвета.

А вечером снова зарядил дождь. Мы сидели около костра, один толстый плед на двоих, и листали книги. Сначала рассматривали картинки, чихая от пыли, потом Вешка читала мне вслух какую то историю. Я то давно уже по забыла все эти буквы, а она у меня умница, ее одну из всего поселка дед учил читать. Она одна и выжила из детей.

— Мам, а точно все обойдется? — вдруг спросила Веха, глядя над книгой в костер.

— Конечно, — отозвалась я беззаботно.

А у самой на душе кошки скребут, этот дождь косыми струйками по окон ному стеклу, плеск воды под полом, невыносимо пахнет водой, водой, водой. Вешка успокоенно уткнулась носом мне в плечо. Так и уснула. Измоталась за те полтора часа, когда мы пытались уйти из города вплавь. Я вынула из ее рук книгу и швырнула на потухающий костер: история была о несчастной любви, и мне не нравилась.

Ночью мы проснулись от плеска. Вода перелилась за порог и окружила нас, любопытная, как зверек, темнее Вешкиных волос.

— Мам... — пробормотала Вешка изменившимся голосом.

Я поймала ее за запястье в темноте:

— Пойдем наверх.

Выше была только крыша.

— Ты же говорила, что все будет хорошо, — сказала дочка на лестнице.

— Родная, ну когда я тебя обманывала?

— Я боюсь. Она как живая.

— Вода всегда как живая. Не надо бояться.

Я сама очень боялась, я так не испугалась даже тогда, когда узнала, что со сед умер от черной оспы. Но Вешке незачем это знать.

— Никогда больше не буду мечтать. Я не думала, что это может быть страшно.

— Не надо, Вешка. Это делает мир красивее.

— Ему там тепло и не страшно, и дождя нет, — угрюмо отозвалась она. По дошла к краю крыши. — Вода светится... — сказала растерянно, глянув вниз.

Глубоко, на дне улицы, горели фонари.

— Может быть, кто то в пустыне мечтает сейчас о дожде, о глотке чистой воды, только вот увидит ли он это?

Может быть, виновата темнота и необычное освещение изнутри, но мне почудились тонкие гибкие узоры в глубине. Как ленты или длинные стебли, которые вьются в речном течении. А дома напротив стоят, как великаны, безъязыкие, с погасшими глазами. Может быть, наблюдают из под сомкнутых век.

— Интересно, о чем же он мечтает... — тихо произнесла дочка, помолчав.

До рассвета остался час, подумала я. Может, полтора, не больше. На крыше пахнет мокрым небом, ветра нет. Я закрыла глаза. Не для того мы уцелели одни из всего поселка, чтобы вот здесь, вот так задохнуться в воде. Я хочу жить. Никто на целом свете не хочет жить так, как я и моя Вешка. Мы потеряли и оплакали всех, но мы выжили, мы оказались живучи и изворотливы, как помоечные собаки, не для того, чтобы здесь, в глубокой воде, светящейся изнутри, молча задохнуться. Я хочу жить. Ветра нет, капли дождя холодны и нежны, как яблоневые лепестки. Я слышу, как вода взбирается по лестнице, ее плеск все ближе.

К рассвету вода добралась почти доверху.

Вешка спала на спасенном одеяле, положив голову мне на колени; проснулась, когда прекратился дождь.

— Как красиво... — сказала она, посмотрев на небо. Губы были синие от холода. Села на краю крыши, свесив ноги. — Вода почти теплая...

— Это ты замерзла, — говорю я.

— Мама, она светится изнутри. Так красиво.

Молчу. Светает. С востока плывут облака — мягкие облака с плоскими розовыми ступнями. Пахнет водой, водой, водой.

— Интересно, о чем он мечтает... — говорит Веха. — Может быть, вычитал все это в какой то волшебной сказке... Мама, посмотри, как красиво, подойди...

Не чувствую своих рук. Как же я хочу жить, жить, жить...

— Неужели можно придумать такое самому? Мама, а ведь какой будет подарок здешним, когда они вернутся! Чистая вода, я никогда такой не видела. Она уже у моих колен, а я все до дна вижу.

Первый солнечный луч похож на крик.

— Фонари превратились в цветы, вьются по течению, как ленты в реке. Мама, как красиво он придумал. Подойди, посмотри.

Дыхание ветра пахнет холодной, зеленой водой. Небо наполняется золотом.

— Вешка... — начинаю я.

И молчу.

— А? Мам, ты простудилась? В нос говоришь.

Я собралась с духом.

— Вешка, послушай. Я сказала, что мы изменимся. Но я не знаю, как. Я тебе только хочу сказать, чтобы ты не боялась. Это мы не умрем, это мы просто изменимся.

— Как?

Хотела бы я верить сама в то, что скажу сейчас. Вода лижет нам ладони, как ручная ласка. Она очень бледна и прохладна. Она похожа сейчас на небо.

— Я еще не знаю. Но мы теперь часть города, понимаешь? Мы можем стать солнечными бликами или теми цветами внизу. В этом нет ничего страшного.

Вешка молчит.

— Ты не боишься?

Фыркает:

— Еще чего. И ты не бойся!

Солнце топит город в золоте.

ЮЛИЯ ТКАЧЕВА

ТРИ СВАДЬБЫ

ФОРМУЛИРОВКА

– А Вам, Ваше Величество, – язвительно сказала принцесса, – следовало бы доверить составление столь важного документа юристу! Юристу, а не первому министру, который по образованию недоучка, а по уровню интеллекта – пите кантроп!

Король виновато пожал плечами.

Дракон, удобно свернувшись посредине тронного зала, терпеливо ждал, постукивая хвостом по мраморному полу.

– Ну кто мог предположить! – робко вякнул несчастный министр. – Это ж стандартная формулировка...

Принцесса, не удостоив его ответом, вновь обернулась к королю.

– Кем бы он ни был! Это ж в чью дурную голову пришло так написать! – Принцесса развернула злосчастный королевский указ и с выражением зачитала: «Принцесса выйдет замуж за того храбреца, кем бы он ни был, который вызовет на честный поединок и одолеет в бою злокозненного дракона, обитающего на Горелых Холмах и подло разоряющего земли королевства»...

– Имелась в виду сословная принадлежность... – опять подал голос министр.

– Юридически, – вмешался дракон, – я в своем праве. Бой был честным. И я его таки одолел.

– Мы благодарны вам за избавление королевства от столь опасного врага, – заверил король. – Может быть, награду деньгами возьмете? Вместо руки принцессы?

– Как раз деньги мне ни к чему, – отозвался дракон. – У меня и своих средств было довольно таки, и у этого... зарвавшегося неудачника с Горелых Холмов оказались неплохие накопления.

– Имущество убитого дракона подлежит конфискации в пользу короны, – заметила принцесса.

Дракон глянул одобрительно и уточнил:

– Высшее юридическое?

– И высшее экономическое тоже, – похвастался король. – Тема дипломной работы – «Равномерное распределение налогов для оптимизации управления государством».

– Да, да, – покивал дракон, – а я вот как раз о налогах. Намного, знаете ли, выгоднее иметь официальный статус, чем наводить ужас, грабить и время от времени отбиваться от карательных отрядов... Поэтому, собственно, я повторяю свое требование: я хотел бы жениться на принцессе, а также получить половину королевства... в соответствии с этим вот указом. – Дракон когтистой лапой ловко подхватил пергамент. Нужное место было аккуратно выделено чернилами.

– Допустим, – заметил король, – ни о какой половине королевства в указе не говорится. Там упоминается «законно принадлежащая принцессе часть земель».

– ...Которая составляет ровно половину!

– Я дарственную могу написать, – уведомила дракона принцесса. – В пользу папы. Хоть сейчас!

– Одна треть? – предложил дракон примирительно.

– Четверть! – поставил точку король.

– И брачный контракт! – принцесса достала блокнот и принялась делать пометки. – Я тут кое что посчитала. Двадцать процентов от общего налогового фонда будет более чем достаточно...

– И в случае военных действий вы будете обязаны выступить во главе войск...

– Пятьдесят процентов от всех завоеванных земель...

– Двадцать пять!

– Ставим сорок, Ваше Величество...

– Мне нужны гарантии...

– И что там, кстати, с конфискованным золотом? А ваше имущество, раз вы становитесь моим мужем, между прочим, переходит...

Первый министр, о котором благополучно забыли, поинтересовался:

– А как же наследники?..

Все трое обернулись и посмотрели на него с одинаковым выражением недоумения.

– А что, здравая мысль, – наконец снисходительно признала принцесса, – я вписываю в контракт, что вы в любом случае обязуетесь признать законными детей, которые у меня появятся...

Три часа спустя, принцесса сидела рядом с драконом и помахивала контрактом, чтобы чернила быстрее просохли.

– Ну что ж, – сказал король, – добро пожаловать, так сказать, в семью...

– Свадьба, – задумчиво проговорила принцесса, устраиваясь удобнее в кольце драконьего хвоста, – как это романтично!!!

СЛОЖНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Елена Прекрасная горько рыдала, вытирая слезы гривой Златогривого коня. Конь терпел, только время от времени страдальчески поднимал глаза и тяжело вздыхал.

Из кустов на поляну выметнулся Серый Волк. Завидев его, царевна зарыдала еще горше.

– Не реви, – сказал ей волк. – Жив твой Иван. То есть, – поправился он, по думав, – будет жив, к закату. Тут недалеко источник с живой водой, я сбегаю, брызну на него...

Елена отвлеклась от рыданий, чем тут же воспользовался конь, незаметно отступив за ближайший куст.

– Что? – переспросила она, глядя на волка во все глаза.

– Не умер царевич, говорю! – честным голосом заверил ее волк. – Я это, за живой водой...

– Ваня! – проникновенно сказала Елена. – А, Ваня! Может, хватит? Сколь ко можно комедию ломать!

– К какую комедию, – залепетал волк, водя лапой по земле. – Лен, ты чего...

– Ваня! – грозно прикрикнула царевна. – Я сказала – хватит! Да самая по следняя дура бы догадалась, что никакого волка в природе нет, а я, хоть и блон динка, но не идиотка! Да вы же с ним ни разу вместе не показались: то один, то другой, и оба постоянно что то врут! Ты скажи лучше, как это у тебя получает ся, в волка перекидываться! Или это у тебя от рождения?

– Не от рождения, – сумрачно признался серый. – Меня волк покусал два месяца назад, когда я только из дома в поход за молодильными яблоками от правился. Коня моего сожрал, с скотина, и меня за ногу хватанул.

– Так оно обычно и бывает, – со знанием дела подтвердила царевна. – Ну, а ты чего?

– А чего я... Отлежался, и дальше. Пешком. Иду, навстречу заяц. Я за ним, смотрю – а я на четырех лапах бегу, и морда зубастая. Перепугался. Потом по нял, конечно, что в любой момент туда обратно могу...

– А молчал почему? – спросила Елена.

– Стыдно было. Боялся, что откажешься замуж идти, за волка то.

– Вот дурень, – удивилась девушка. – От этого же одна сплошная польза! Не будь ты оборотнем, валялся бы сейчас зарезанный братцами своими. А так вон, живой, здоровый!

– Так тебе не страшно? – обрадовался Иван царевич, поспешно принимая человеческий облик. — Ты за меня замуж пойдешь?

– Пойду пойду! – сказала царевна.

Под звуки поцелуев Златогривый меланхолично объедал куст и размышлял о том, что Иван, хоть и царевич, все таки дурак. Он хоть бы раз задумался: за чем Змею Горынычу, у которого он выкрал царевну Елену, понадобилась обычная человеческая девушка.

Конь заранее сочувствовал будущим детям царской семьи, которые в нече ловеческом обличье будут змееволками. Или волкозмеями, это уж кому как нравится...

ПАРАДОКС ВРЕМЕНИ

Двери тронного зала Кащеева дворца распахнулись. Судя по жалобно кряк нувшим створкам, от пинка. С золотым яйцом, зажатым на манер факела в поднятой вверх правой руке, вошел Иван Царевич,

– Ага! – сказал он, увидев Кащея, замершего в шоке. – Вот ты где!

– Ты, Вань, поаккуратнее, – нервно попросил Бессмертный. – Не ровен час, уронишь!

– Может, и уроню! – пригрозил Иван. – Ответствуй мне, ирод: ты Василису Прекрасную три года назад в лягушку превратил?

– Я, – не стал отпираться Кащей. – Так ведь она за меня замуж никак не шла, ну, я и того... Дал ей время поразмыслить в тишине и покое.

– Того! – передразнил его Иван. – Вот уж точно, что того! На всю голову того!!!

– А что не так то? – осторожно поинтересовался Кащей.

– Женишься теперь на ней, – сообщил ему царевич. – Готовь свадьбу.

– Э? – не понял его собеседник. – Свадьбу? А она что – согласна?

– Да уж, согласна! – сказала Василиса, появляясь на пороге.

– Мама, – проговорил Кащей, впадая в ступор.

– Вот уж точно, – горько заметила Василиса. – Только за твою маму я теперь и сойду.

– Это как так? – залепетал Кащей, пытаясь забиться в угол, за трон.

– Это вот так вот! – повысил голос Иван. – Ты, идиот, подумал бы головой своей тупой, бессмертной, сколько лягушки то живут! И за сколько биологических лет ей твои чертовы три года считаются!

– Короче, – завершил царевич, – женись теперь на своей красавице сам, а я пойду отсюда. Ясно?

И многозначительно постучал указательным пальцем по золотому яйцу.

АНДРЕЙ НОВОСЕЛОВ

НЕЧИСЛЬ

СЛАВЕН, СЛАВЕН ГОРОД САТРИНАКАР, ВМЕСТИЛИЩЕ многих портов, библиотек и активных компонент! Не счесть его жителей — задолго до конца счета их число изменится!

Вот число жителей изменилось на минус два: это через южные ворота направились прочь нод Эксимбальд и его верный оружьевед, или оружегносец, Паноло. Так велик и достоен нод Эксимбальд, что даже со свернутыми флагами он переполнил выходной буфер и отправлялся пакетами; Паноло куда как поменьше.

Отшагав по памяти секретное произведение двух больших, но простых чисел, они свернули с магистрали и направились лощиной меж разрежен ных массивов: горного — слева, и океанических течений — справа. Нод шел уверенно, временами прикладываясь к подзобной трубе и созерцая светила — не яркие широкополосные, дающие всему живому пищу для размышлений, но тусклые и почти неизменные. Зачем — не говорил.

Паноло, впервые вышедшему за границы города, все было внове. Он делал петли, ветвился, ставил метки на блоках массивов, пробовал на вход травинки, но прежде всего, внимал мудрости своего сегнора. На то он и сегнор, чтобы источать знание. Сегодня от нода Эксимбальда исходило.

— Проверим, — говорил он, — чем нынче закладывают память молодежи! Скажи мне, Паноло: откуда взялся наш мир?

Сбитый вопросом, оружегносец торопливо очистил план условных размышлений.

— Нас учили, многозначный нод, что города, магистрали, массивы и многое другое исчислили из себя разумные; разумные генетически алгоритмическим образом произошли из просто живого; живое самозародилось из обычной материи; материя же возникла сама по себе...

— Чушь! — фыркнул нод Эксимбальд; фыркнул, да и прислушался, как эхо расходится по нему, затухая обратно квадратично от источника. Затем продолжил:

— Вижу я, что молодежь Сатринакара отличается прискорбной неполнотой! Знай же, мой оружегносец, что и материя, и неразумная жизнь не возникли сами, а были созданы. Да и то сказать: пристально взгляни на любую крупицу — и под многими слоями абстракции увидишь логичную основу,

безупречно сплетенную из первоэлементов: ноля и единицы. Как могла столь тонкая структура самозародиться и повториться в любом фрагменте мира? Да никак!

— Но триподобный Эглециус...

— Триподобный Эглециус измышляет сущности, но совершенно напрас но делится с ними своими измышлениями, — буркнул сегнор. — По возвра щении я веско возражу ему... Ну ладно то он, но ты, Паноло, ведь ты знаешь цель нашего выдвижения! Не говори мне, что ты и ее не запомнил!

— Мы направляемся, сочтенный Эксимбальд, чтобы в определенном мес те встретить страшную нечисль...

— Верно, Паноло! А нечисль, по твоему, это кто? Нет! Не отвечай!..

С такими словами путники двигались, пока не прибыли в финальное со стояние. Там нод Эксимбальд завершился, составил копия и поручил ору жегносцу развести приманный костер из уникальных сигнатур да окружить лагерь бесконечным циклом. Что и было исполнено.

В ожидании противника разговор продолжился.

— А какая она — нечисль? — полюбопытствовал Паноло. — На что она по хожа?

— Нечисль, весьма дорогой мой оружегносец, собственного вида не имеет, зато имеет особую власть над материей и простой жизнью. Они могут про никнуть в любой предмет и изменить его по своему вкусу. Тебя еще не было тогда, а я помню, как однажды целый материнк опустился под вводы, а вер нулся пустым, обновленным и несовместимым с прежним населением...

— К счастью для нас, — продолжал сегнор, — нечисль очень плохо счита ет, за что и названа так. Также они вообще ужасно медлительны, за что на званы тоже; пока Медленный будет набирать первые две буквы твоего име ни, ты успеешь трижды пробежать весь Сатринакар со всеми его закоулка ми и развилками... Потому то в города нет им хода: путаются! И потому еще, что храбрые прознатцы вроде нас выведывают новые хитрости нечисли прежде, чем те успевают их толком освоить. «Сколько будет 828 464 280 ум ножить на 4 692 438 921?» — неожиданно спросил он.

— 3 887 518... — начал Паноло и был прерван подзатыльником.

— Не расслабляйся! Сидя в засаде, нельзя отвечать на внешние запросы! Даже на мои. Враг будет пытаться вывести тебя из цикла!

— Будет, непременно будет! — захихикали снаружи.

— Нод Кальдонабар? — удивился Паноло, уклоняясь от следующего под затыльника.

— Какой тебе нод Кальдонабар! — нод Эксимбальд еще семь раз попытал ся дать оружегносцу подзатыльник, но урок был усвоен надежно. — Кальдо набар попался нечисли давным давно. Так что смотри теперь, как выглядит зомби Медленных!

Зомби? Паноло присмотрелся. Круживший за пределами бесконечного цикла нод блистал, как и подобает ноду; непробитые щиты хранили его; не волочились за ним рваные ссылки, не скакали по нему паразитные боты и не мельтешили вокруг спамные мухи. Нод как нод!

— Славного оружегносца развел ты! — хихикало тем временем извне. — Мощный, компактный и с большим потенциалом! Мне как раз нужен такой — не поделишься ли? И не поделится ли он?

Паноло недоумевал, но молчал, помня наставления. Нод Эксимбальд хотел было дать отпор, как зомби обратил внимание на него:

— Забыл, совсем забыл ты старого друга! А ведь не одно воспоминание мы некогда делили на два или более!

И верно, вдруг ощутил нод Эксимбальд, как из глубин разделяемой памяти поднимается в нем червь сомнения, а за ним еще два. Отражая неожиданное нападение — никогда прежде нечислые зомби не обращались к разделенным областям! — сегнор совсем упустил из цикла обратной связи своего оружегносца. Бывший же нод Кальдонабар — не упустил.

Запросы, один другого увлекательнее, поступали тому на вход: и детский парадокс Монти Холла, и классическая теорема Ферма, и еретическое утверждение об эквивалентности множеств P и NP... Оружегносец и сам не отметил, как поддался, сначала на одну сто двадцать восьмую, затем на одну тридцать вторую, да и вышел весь из цикла.

— Капс клапс! — воскликнул зомби Медленных, подхватил упакованный образ Паноло да и был таков.

Огорчился тогда нод Эксимбальд, и огорчался еще три такта, пока совершенно не извел из себя все те области общей памяти, что некогда делил как со старым другом, так и с утраченным оружегносцем.

Затем поднял копие, восстановил резервный образ Паноло и реплицировал в того последние события. И направились они, восторжествовав, назад в Сатринакар, чтобы донести информацию о новой уловке коварной нечисли.

Нод Эксимбальд не созерцал более светила, а то бы увидел в одном из них, низкочастотном, что транслировало картинку с видеокамеры внутреннего наблюдения, как двое Медленных обсуждают медленно медленно, как им и положено:

— Смотри, какой чудесный экземпляр принес наш запрос! Мощный, компактный и с большим потенциалом — ровно такой, как нам заказывали для беспилотного межзвездного зонда!

— Там и другой был, побольше... — с трудом разобрала логи вторая нечисль.

— Что ты, такого нам никогда не взять! Да и заказа на него не поступало... — первая нечисль медленно махнула рукой, которых у нее было всего две.

А тем временем — задолго до окончания их первого слова — число жителей Сатринакара снова изменилось на плюс два.

СЕРГЕЙ ТОРЕНКО

ЛОВЦЫ

Идите за Мною,
и Я сделаю, что вы будете
ловцами человеков

Евангелие от Матфея

Порывы холодного утреннего ветра, бледное солнце, выползающее из за Тамани и легкое похмелье. Вот они, прелести утренней черноморской рыбалки. Эта рыбалка была не ким обязательным пунктом летнего крымского отдыха. Тарас акку ратно разложил на бетоне волнореза рыбацкие принадлежности и вытянул из внутреннего кармана куртки плоскую фляжечку. От хлебнул, поморщился — коньяк и вправду был гадостным, неуди вительно, что Серж предлагал его вылить. Ну да нечего добру пропадать.

Тарас взял в зубы сигарету, пожевал фильтр, но закуривать не стал. Резким движением закинул спиннинг и столь же резко застопил катушку ладонью.

— Давно пора себе безынерционку прикупить, — сквозь зубы проворчал Тарас. — Блин, пропиваем же больше.

Вот теперь можно и закурить. А затем потихоньку крутить катушку.

Первый заброс, как водится, ничего не дал. Еще один глоточек коньяка и шмат круто посоленного черного хлеба с салом на закуску. И... Заброс! В этот раз плюхнулось особенно удачно, Тарас слегка стравил катушку, щелк нул стопором и начал наматывать леску. Минуты через полторы леску ощу тимо дернуло.

— Попался, мой хороший, — выплевывая сигарету, проговорил Тарас.

Так... Чуток стравить... Теперь подтянуть... Рывок — и удилище выгну лось трехметровым луком.

— А вот теперь точно не уйдешь.

Минут через двадцать на бетоне волнореза бился полутораметровый катран.

— Красавец ты мой, — улыбнулся Тарас и полез за цифровиком.

Край волнореза осветила синяя вспышка.

— Теперь замеряем тебя.

Тарас выудил из куртки рулетку и принялся за измерения добычи.

— Да не дергайся ты так... Вот... Почти готово. Метр сорок семь. Свободен!

Тарас со всей возможной осторожностью вытянул крючок с блесной из пасти рыбины и ногой толкнул ее в воду. Катран немыслимо извернулся и ушел на глубину.

* * *

— Ты что не веришь? Да вот и фотка! Точно тебе говорю — метр и сорок семь... От носа и хвоста.

Серж взял фотоаппарат и глянул на экранчик. Сомнения в его глазах не убавилось.

— Ну, ладно. Верю. Только больше никому не говори о своем отпущенном улове... Тебя могут неправильно понять... Надо же отпустить акулу.

— Катрана, — вяло поправил Тарас, прикладываясь к бокалу местного пива.

— Ну, пусть будет, катран. А что же ты их всех отпускаешь?

* * *

Реанимобиль медицины катастроф застрял на мосту имени Патона. Во обще то, в это время пробок тут не бывало, но нелепое ДТП спутало все.

В карете над окровавленным молодым человеком колдовали два врача.

— Ну что?

— Плохо дело. Ему срочная операция нужна.

— Степаныч! — окликнул один из врачей водителя. — Что там «двенад цатка»?

— «Подвысоцкого» нас не примет, — огрызнулся Степаныч. — Жду отве та от «четырнадцатки».

— Это «Октябрьская» которая?

— Угу, крюк невелик...

— А на территории «Октябрьской» и церквушка есть, — мрачно пошутил второй медик.

— Ладно, повтори ему инъекцию. Восемь кубов, давай!

Красно белая машина «скорой» съехала с реверсивной и по встречной покатила на правый берег.

* * *

Дышать стало невозможно, а воздух вокруг стал невероятно прозрачным. Откуда то издалека послышались голоса:

— Ты смотри, какого красавца вытянули!

— Н да, светность пятнадцать... Но это так — на глаз.

— Запечатли. Никто же не поверит, что в Городе поймали со светностью больше двенадцати.

— Нет, ну есть места, где такая светность — норма.

— Только не здесь.

По глазам больно ударил синий огонь.

— Да! Красавец.

— Ладно, спортсмен. Отпускай свой улов.

И ангел со всей возможной осторожностью освободил Тараса и спихнул его в родную стихию.

* * *

И снова голоса, теперь уже близкие и громкие.

— Семен, давай разряд!

Снова ударило синим по глазам.

— Степаныч, жми!

Реанимобиль лихо влетел на запрещенный правый поворот.

— Гришка, успокойся. Есть ритм... С того света парня выдернули.

А красно белая машина «скорой» уже подруливала к одному из корпусов больницы.

МАРИЯ ПАРФЕНОВА

ФЕЯ ПРАВИЛЬНОГО ВРЕМЕНИ

ФЕЯ ПРАВИЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ВЗДОХНУЛА И УСТАЛО опустилась на табурет. Вот так всегда. Стоит на недельку отлучить ся – и на тебе!

– Точно не видела, кто это был? – фея покосилась на девчушку лет шести с курносым носиком и шкодными кудряшками шелкови стых, зеленых волос.

Девчушка поскребла деревянным башмачком дощатый пол, подняла на фею виноватый взгляд, покачала головой.

– И давно оно так? – кивнула фея на сыплющийся за окном дождь

Девчушка наморщила лобик, протянула вперед ладошку с четырьмя ото гнутыми пальцами – подумала и разогнула пятый.

– Пять? Пять дней?!!

Накинув на плечи вязаную узорчатую шаль, фея вышла на крыльцо.

Мерно стучал по крыше сонный осенний дождь, мокли под тяжелыми каплями последние порыжевшие листья, за низким деревянным заборчи ком ухал и стонал старый лес. На прикрепленном к двери отрывном кален даре дрожал и грозил сорваться последний листок – 31 декабря.

* * *

– Чем занимаемся? – прошипела над Егоркиным ухом бесшумно просо чившаяся в гостиную десятилетняя Танька.

– Н ничем... – Егорка спрятал руки за спину, недоверчиво посмотрел снизу вверх на старшую сестру.

– Показывай давай!

– Я...

– Показывай!!!

Егорка уже было сморщил нос, но сдержался, не заплакал – мужчины не плачут.

В протянутой ладошке лежал ключ от старых бабушкиных часов – с гирь ками на потемневшей цепи и гулким, чуть надменным синьор помидоров ским боем.

– Ну и чего ты его вытащил?

– Они часы завести не смогут. И нас спать не уложат. И тогда мы... мы...

Танька приподняла левую бровь, задумалась. А ведь это мысль... Не будет точного времени, и никто никто не сможет заставить их идти спать в ново годнюю ночь. И можно будет... Тут в Танькиной голове возник и загудел, за жужжал целый рой просто о бал денных идей.

– Хм. Молодец. Хороший мальчик, – снизошла до похвалы Танька, по взрослому потрепала брата по макушке и спрятала ключ в карман.

* * *

– Солнышки, – заглянула в детскую мама, – вы ключ от бабушкиных ча сов случайно не видели?

– Нет, – энергично закрутили головами Танька и Егорка, – не видели.

Не успела за мамой закрыться дверь, Танька прыснула, закрыла рот ла дошкой, заговорщицки посмотрела на брата.

– А я, а я, – словно почувствовав невысказанную похвалу, поспешил по делиться еще одной новостью Егорка, – я дверку нашел.

– Какую еще дверку?

– Ма а аленькую.

Егорка слез с дивана, босоного прошлепал к окну, отогнул край пушисто го рыжего паласа. Идеально врезанная в золотистую елочку паркета, под ним пряталась небольшая, не больше полуметра, дверка.

– Открывал уже?

Егорка широко раскрыл и без того большущие глаза, захлопал ресницами:

– А вдруг там Баба Яга сидит?

– Глупый! – расхохоталась Танька. – Бабу Ягу взрослые придумали – де тей пугать! А тут, наверное, родители подарки прячут.

Танька опустила пальцы в изогнутую прорезь на дверце, потянула на себя.

– Темно что–то! – свесила она голову в открывшийся проем. – Ладно, я сейчас.

– Та а ня...

– Чего тебе?

– Я... я...

– ...боюсь. – Закончила за брата Танька. – Ладно, давай руку! Прыгаем на счет «три», понял?

* * *

В небе громыхнуло, охнул промокший под многодневным дождем лес, и в груду собранных у забора порыжелых листьев откуда–то сверху бухну лось что–то тяжелое.

– Это еще что? – фея щелкнула пальцами, извлекла из воздуха розовый зонтик со смешными крылатыми бегемотами и, перебираясь через лужи, на правилась к забору.

– Ффу! Гадость какая! – вынырнула из листьев Танька. – Егор, ты там...

Отлепив со лба мокрый дубовый лист, девочка открыла глаза.

– Ой!!! Вы кто?

– Хозяйка этого дома, милая, – фея переложила раскрытый зонтик с одного плеча на другое, – а вот вы...

– А мы... это... Мы случайно. Честно! – Танька выбралась из листьев, вытащила за собой недоумевающего Егорку. – Мы думали, там подарки.

– Эх вы, «подарки» мои... – фея вздохнула, протянула ребятам зонт. – Пойдемте в дом, а то, чего доброго, простудитесь.

* * *

– И вот так уже пять дней: льет, и льет, и льет. И что делать, не знаю, – фея подперла рукой щеку, уставилась на свое отражение в начищенном самоваре.

– Ну и пусть льет, – спрятала под блюдце конфетную обертку Танька, – зонтик взяли и всё.

– Не все, совсем не все... Они вон, видишь, что натворили, – фея обвела взглядом непривычный в волшебном домике беспорядок. – А главное то что? Часы сломали, а без них... Впрочем, пойдем, сами посмотрите.

Стащив с высокого стула по уши вымазавшегося вареньем Егорку, Танька поспешила за феей. В дальнем углу комнаты обнаружились старые ходики, не отличавшиеся от часов в гостиной ничем, кроме циферблата. На разделенном на четыре части кругляше затейливой вязью было выведено: «Осень. Зима. Весна. Лето». Короткая часовая стрелка стояла на «Осени», минутной не было вовсе.

– Да, – поймала Танькин взгляд фея. – Минутной стрелки нет. А без нее не сдвинется часовая, и никогда не наступит зима. Не будет снега, ледяных горок, январского солнышка... И Нового года, кстати, тоже.

Егорка ойкнул и крепче сжал Танькину руку. Фея будто и не заметила:

– Стрелки нет, цепочки с гирьками нет, ключа нет...

– Так это... – вежливо кашлянула Танька, – делать что то надо. Искать!

– Да как тут найдешь?..

– Да хоть с собакой! У нашего дяди Димы, знаете, какая собака умная есть... Кого хошь найдет!

– Ой, – оживилась фея, – у меня тоже собака есть! Сейчас! Хайле, крошка, выйди к нам!

Откуда то издалека послышался торопливый стук деревянных башмаков и из стены выглянула курносая головка с зелеными локонами. Головка бросила на ребят недоверчивый взгляд, покосилась на фею.

– Выходи, милая, выходи!

Зеленоволосая девчушка шмыгнула носом, сделала шаг и оказалась в комнате.

– Приведи ка нашего Тро Тро, – погладила девчушку по голове фея.

Хайле подняла взгляд на фею, часто–часто заморгала – по румяной щеке покатилась крупная блестящая слезинка.

– Неееет, – схватилась за сердце фея, – не может быть!

Но Тро Тро и впрямь не оказалось на месте. Пустовала потемневшая от дождя конура, медленно падали на землю резные кленовые листья.

– Да не расстраивайтесь вы так, – подергала фею за рукав Танька. – Найдем мы вашу собаку. Вот, смотрите, тут и следы есть.

И в самом деле – в размокшей земле четко отпечатались следы собачьих лап.

– Ваша зверушка топталась?

– Моя! – радостно закивала фея.

Шурша сотворенными на скорую руку радужными плащами, ребята, фея и зеленоволосая Хайле двинулись в лес – по оставленным в грязи следам четырех маленьких лап.

И чего его сюда понесло? Танька отодвинула сосновую ветку, ойкнула. Колется. Вот, Егорке и Хайле повезло, маленькие они, им от веток прятаться не надо: все равно – все над головой.

– А кто это вам так весь дом... того?

– Не знаю, – пожала плечами фея. – Даже представить не могу.

– А у вас врагов каких–нибудь случайно... Ой! – Танька налетела на замерших Хайле и Егорку. – Что стали?!

– Следы, – шмыгнул носом Егорка, – следы кончились.

– Кончились, – подтвердила подоспевшая фея. – Ни одного нет.

– И что теперь?

Словно в ответ на Танькин вопрос, вниз по колючей еловой ветке к ребятам спустилась белка. Белка была крупная, пушистая и ужасно деловая. Под одной лапой – орех, под другой – белый гриб, за ухом – веточка рябины – только калькулятора в зубах не хватает.

Хайле откинула капюшон, скользнула к белке, погладила по рыжей головке, почесала за ушком с кисточкой. Белка на секунду задумалась, торопливо кивнула и поскакала–понеслась огненной тенью по еловым лапам.

– Быстрее! – подтолкнула ребят фея.

Ох уж эта беготня по осеннему лесу! Размокшие, слякотные тропинки, колючие ветки и несущие опавшую листву ручьи.

По уши заляпавшись грязью, ребята и фея вышли к большому, старому дубу. Белка шмыгнула к корням, подобрала крупный блестящий желудь, махнула пушистым хвостом и исчезла в зарослях.

– Следы!!! – победно взвизгнул Егорка, ткнул куда–то вниз.

Следы вели вокруг дуба, спускались вниз к покрытому мелкой рябью лесному озерцу и уходили в чащу, откуда, сквозь шум дождя и гул, ветра доносилось слабое, жалобное поскуливание.

– Тро–Тро. Мой Тро–Тро!!!

Фея рванулась было в заросли, но Хайле ее опередила. Ловко пробравшись через кусты, и чем–то подозрительно за ними погромыхав, она вновь показалась среди веток. На ее руках, сжавшись в маленький мокрый комочек и мелко дрожа, сидел Тро–Тро. Когда–то пушистая шерсть свалялась и торчала во все стороны грязными мокрыми перьями.

– Тро–Трошечка мой! – забрала щенка фея. – Домой, срочно домой! Сушиться! – щелкнула пальцами она.

Звук дождя стал глуше, откуда то повеяло теплом и запахом домашних

пирогов – ребята оказались в уже знакомом домике. Егорка скинул плащ и немедленно вскарабкался на стул – доедать оставленное в блюдце варенье.

– Лихо! – оценила скорость возвращения Танька. – А чего мы в ту сторону пешком шли? Так же ...эээ... полететь... разве нельзя было?

– Можно, – повела плечами фея.

– А что ж мы тогда ...

Фея загадочно улыбнулась и прижала к себе мирно посапывающего Тро–Тро.

– А это что такое? – Танька и повернулась к Хайле.

Зеленоволосая девчушка пожала плечами и протянула Таньке длинную порыжевшую цепь. Танька изумленно вскинула брови:

– Так он что же – на цепи там сидел?

Девчушка мелко мелко закивала.

– А ну ка, покажи! – фея подошла к Таньке, забрала цепь, так и эдак повертела в руках, хитро улыбнулась и направилась в дальний угол домика – туда, где, спрятавшись от суеты комнаты, висели ходики.

– Она! – фея отступила на шаг, полюбовалась ловко вдетой в пазы цепью.

– Она, – согласилась Танька, – теперь бы стрелку и ключ найти.

– Кто бы только рассказал – как...

– Я расскажу: искать надо. А то мы тут до самого Нового Года просидим. Мы с Егоркой с этого угла начинаем, вы с Хайле – с того.

Кто бы ни хозяйничал в доме феи в ее отсутствие, беспорядок у него получился на зависть. В до блеска начищенном котелке хвастался красной–белой шляпкой модник–мухомор, за печной заслонкой обнаружились стопки перевязанных бечевкой книг, а над раскрытой банкой с вареньем медленно кружила стайка крупных майских жуков.

– Откуда они, в декабре то? – окликнула фею Танька.

– А кто его знает. Видишь, как перепуталось то все... Ничего не нашли?

– Не а. А у вас как? – подошла к фее Танька.

– Никак пока...

– Странно. Сдается мне, в нашем углу хлама меньше было.

Танька склонила голову набок, критически осмотрела гору сундучков, коробочек и мешочков.

– Это не хлам, не хлам! Это очень нужные... – фея опасливо покосилась на Хайле, но было поздно. Девчушка смощила носик, всхлипнула и, уткнувшись фее в подол, расплакалась.

– Ну что ты, что ты! – погладила ее по зеленым кудрям фея. – Разве можно так расстраиваться? Сорока ты у нас, вот и все. Все, что красиво – в дом тащит. Сорока и модница. Правда?

Хайле отпустила пышные юбки феи, неуверенно кивнула.

– Ну вот и хорошо! Вот и замечательно! – улыбнулась фея. – А вообще то у нас и посерьезнее пропажи бывали, – повернулась она к Таньке, – по мню, было дело – потеряла я клубок путеводный, ну тот, что дорогу указывает. Все перерыла, все коробки да туесочки пересмотрела – нет, как нет. А потом, гляжу, щеголяет моя Хайле в новых чулках. Откуда? – спрашиваю.

А она мне спицы вязальные приносит. Сама, мол, связала. Догадалась, не бось, уже, из чего чулки были? Из тех самых ниток. Пришлось распускать. Только вот чулков–то два было. Ниточку, стало быть, разок моя Хайле все же разрезала. Вот и случается теперь то одно недоразумение, то другое. То перепутает клубок райские яблоки с молодильными, то королевича замор ского вместо терема Царевны лягушки в этот ваш ... как его... террариум приведет. Так то вот.

– Однако ж – темнеет, – бросила взгляд за окно фея.

И действительно, лес потерял огненную яркость, поблек, утонул в серых сумерках.

Фея стала на цыпочки, достала из за каминной трубы медный подсвеч ник, чиркнула спичкой.

– Ой, какой кулончик! – Танька мигом подскочила к Хайле, потянулась к блеснувшей в свете спички подвеске. – Можно я посмотрю? Красивый ка кой, резной, блестя... – Танька замерла, подозрительно покосилась куда то в угол. – Слушай, а ты его где взяла?

Хайле улыбнулась, махнула рукой на дверь.

– Во дворе?

Хайле улыбнулась еще шире и закивала.

– Н да... – нахмурилась Танька. – А ну ка, сними ка ее на секундочку.

Хайле пожала плечами и стянула через голову надетую на тонкий круче ный шнурок подвеску. Танька покрутила подвеску в руках, подошла к фее, протянула находку на раскрытой ладони:

– Ничего не напоминает?

– Напоминает. Очень даже напоминает!

Отполированная до сумасшедшего блеска минутная стрелка заняла свое место рядом с часовой. В часах что то коротко прожужжало и щелкнуло.

– Теперь – дело за ключом!

Танька сидела на подоконнике, прижав к себе засыпающего Егорку, наблюдала за феей. Та умиленно хохотала, таскала по комнате совсем уж расстроившуюся Хайле, целовала в зеленые кудри и ворковала что то баюкающе нежное. За окном большой круглой мордашкой улыбалась луна.

Оставив уснувших малышей в доме, Танька и фея вышли во двор. Дождь прекратился и с неба проглядывали голубые лучистые снежинки звезд. Об локотившись о перила, Танька подавила зевок, поинтересовалась:

– А она вообще кто?

– Кто? Хайле? Она, душа моя, самая обычная девочка. Ну, или почти так. Есть тут неподалеку деревенька. Там они и живут.

– Кто «они»?

– Акв*и*ны. Русалкам дальние родственники. Оттого, собственно, и воло сы зеленые.

– А чего она молчит все время?

– Да она не молчит, – отмахнулась фея. – Она еще будь здоров, как раз говаривает! Только не наш это язык, не понимаем его мы. А вот животные,

птицы, деревья те же... Они – да, понимают. Они вообще народ интересный, только я тебе о них потом расскажу, когда ключ найдем.

– Да как же мы его теперь найдем?! Темнотища то вон какая!

– И то верно, – согласилась фея.

– Тут думать надо. Вот вы бы куда ключ спрятали?

– Я... – фея задумалась. – Я бы его в сундук хрустальный спрятала, а сундук бы киту скормила, а кита...

– Где это вы здесь кита возьмете?

– Наколдую.

– Неее, – погрозила пальцем Танька, – давайте так, чтоб честно – без волшебства.

– Тогда, я бы его в саду закопала.

– Отпадает, – вздохнула Танька. – Сейчас все равно не найдем. Вот я бы его в замочной скважине оставила. На самом видном месте!

– Нету, проверяла уже.

– А я бы его в пирог маковый запекла!

– А я бы в щель между досками спрятала!

– А я...!

– А я...!

– А наша бабушка, – появился на пороге заспанный Егорка, – ключ под коврик кладет.

Танька и фея переглянулись.

– А ну ка... – Танька осторожно отогнула край лохматого коврика. Под ним, на влажных потемневших досках крылечка, лежал длинный узкий ключ.

Фея вставила ключ в прорезь на часах, несколько раз повернула. Часы засвистели, защелкали, залились какой то неведомой птицей. Минутная стрелка дрогнула и медленно поползла по кругу.

– Работает! – запрыгала на месте и захлопала в ладоши фея. – Ра бо та ет!!!!!!! Сейчас я стрелки к двенадцати подкручу...– засуетилась она, – и тогда... тогда!

– Нам бы домой... – решилась отвлечь фею Танька.

– Что? Куда? А, да. Конечно! Хайле, проводи!

Хайле, как и в прошлый раз, появилась из стены. Но сейчас в натопленной комнатке феи показалась только зеленокудрая головка и две маленькие ладошки.

– Идите, не бойтесь, – улыбнулась фея, – у вас получится.

Ладошки у Хайле – теплые теплые. Шаг. Два. Три. Дощатая стена волшебного домика легко пропустила ребят сквозь себя. Шаг. Два. Три. Голубые обои с радужными воздушными шарами, отогнутый угол ковра, мамин голос за дверью – родная детская.

– До свидания, Хайле! – помахала зеленоволосой девчушке Танька.

– Приходи еще, – попросил прохлюпал Егорка.

– Ждите. Приду, – мелодично прозвенел в голове нежный девичий голосок.

* * *

– Странное дело, – недоумевала мама, – столько времени ключ искали, а он, оказывается, все время рядом с часами был.

– Н–да, – соглашался папа.

– А наши то сорванцы, смотри, – кивнула мама на спящих Таньку и Егорку, – так Нового Года ждали и – на тебе: спят!

– Подарков они ждали, а не Нового Года, – рассудил папа, – гляди, даже во сне их не выпускают.

И папа был прав. Прижав к себе новую куклу, спала под стеганым одеялом Танька. Посапывал, ворочался, но не отпускал блестящего робота Егорка.

А на маленьком столике лежала раскрытая книга сказок. Крышу нарисованного домика покрывал тонкий слой только что выпавшего снега, а с порога прощально махали фея со смешным зонтиком и маленькая девочка с зелеными волосами.

ТАТЬЯНА САПРЫКИНА

ШМЕЛЬ, У КОТОРОГО КРУЖИЛАСЬ ГОЛОВА

ЗАЦВЕЛА КАШКА. ЛУГ ВОЗЛЕ СТАРОЙ ЛИСТВЕННИЦЫ был усеян пряными островками и походил на зеленую реку с бегущими по ней белыми барашками волн. Пожилой шмель выбрался из дупла и стал летать вокруг дерева. Было жарко и радостно — наконец то пришло настоящее лето. Он летал, делая круги все шире и шире, пока белые островки не принялись смеяться над ним и танцевать у него перед глазами, и не закружилась голова.

Тогда пожилой шмель остановился и прилег на желтую сердцевину ромашки, чтобы передохнуть. Белые тучи в небе бежали от одного края горизонта до другого, и, казалось, они тоже кружатся, каждая вокруг себя. Два соседских шмеленка вылезли из дупла и принялись вертеться возле ромашки и гоняться друг за дружкой. Шмель сердито загудел. Какие непослушные нынче пошли дети. Но они продолжали дурачиться, и пока он следил за их игрой, голова снова пошла кругом.

Шмель, ворча, опустился на землю, где, вроде бы, ничего не должно было кружиться. Здесь пряный аромат смешивался с тысячью других запахов. Чтобы отвлечься, шмель стал считать полоски у себя на брюхе – тугом и круглом. Он насчитал ровно 24 штуки, но так как полоски шли полукругом, начинаясь с одного бока и заканчиваясь на другом, приходилось вертеть головой туда сюда. Шмель вздохнул и, тяжело покачиваясь из стороны в сторону, полетел обратно к дуплу.

Забравшись внутрь, он загудел свою любимую песенку, от которой всегда делалось покойно, и закрыл глаза, и уже подумывал было вздремнуть, как вдруг услышал шум и шелест веток. В дупло просунулась морда белки, которая озабоченно стрекотала и щелкала зубами.

Оказалось, бельчонок свалился с дерева и застрял между камней. Щель была скользкой и глубокой, бельчонок так напугался, что ничего не соображал, только пищал и плакал.

— Вы должны что нибудь придумать, уважаемый, — беспокойно трещала белка.

Через луг, похожий на зеленую реку с бегущими по ней белыми барашками волн шмель полетел туда, где, зажатый между камней, сидел бельчонок. Белка, кружила вокруг шмеля и скакала то слева, то справа по камням и веткам и стрекотала, какие непослушные нынче пошли дети.

Шмель несколько раз облетел вокруг расщелины, откуда маленькие ис пуганные глаза бельчонка следили за ним с ужасом и тревогой. Потом он хмыкнул и нырнул внутрь. И стал вертеться вокруг бельчонка, и щекотать его, и тормошить, и толкать лапками. Бельчонку сначала стало неуютно, и он принялся ворочаться и скрести когтями по склизким камням. Потом ему стало смешно, и он принялся извиваться и вертеться. А потом — до того ще котно, что он пулей вылетел наружу, прямо к белке в лапы, и та отшлепала его как следует, приговаривая — какие непослушные нынче пошли дети.

Вечером белка угощала пожилого шмеля и благодарила его, а белкины дети шумели и скакали, и у него перед глазами кружилась сплошная рыжая карусель. Когда он возвращался домой через луг, похожий на зеленую реку, звезды зажглись на небе. И, они, казалось, плыли, и качались, и тоже смея лись над ним и танцевали. И млечный путь, усеянный островками пряной кашки, тек и вращался, будто белый душистый мед, который кто то пролил на черную скатерть неба.

АЛЕКСЕЙ КАРАВАЕВ

РАСЫ СРЕДИЗЕМЬЯ ЭВОЛЮЦИОННАЯ ФАНТАЗИЯ

Мало сыщется в истории фантастики книг, столь же многослойных, как «Властелин Колец».

Эпопея переведена на русский язык добрый десяток раз, критическая литература по вопросу обширна и разнообразна, и подрастает уже, пожалуй, третье поколение изыскателей Средиземья. Сказать что либо новенькое, мягко говоря, непросто.

Тем не менее, мы постараемся. Если не о книге, то о Мире.

Попробуем проанализировать Средиземье с эволюционно исторической точки зрения, вернее, попытаемся поразмыслить о том, как могли бы развиваться и взаимодействовать между собой описанные Профессором расы с точки зрения биологии. Кое где, впрочем, ради увлекательности изложения мы будем незаметно подменять эволюционный подход историческим.

Однако прежде, чем продолжить, оговорюсь.

Не нужно воспринимать изложенное ниже как критику Толкина или очередную попытку рассказать всем, что Профессор в очередной раз оказался «не прав». Выдающиеся книги, помимо прочего, характеризуются тем, что к ним можно подходить с самых разных позиций и ракурсов, подчас весьма необычных. Отнеситесь к этому как к забавному экзерсису, не претендующему на истину в любой инстанции.

Итак, на минуту вынесем за скобки «Сильмариллион», забудем, что Профессор был католиком и очевидным креационистом, и, позвякивая ключами где то во мраке подземелий Мории, выпустим на просторы Средиземья чудовище из иной реальности – эволюцию.

***

В Эпоху Победившего Социализма эволюция трактовалась диалектически. Это значит — как широкая асфальтированная дорога со съездами на парковку, дозаправку и очень редкими разворотами. Жизнь по этому тракту неуклонно катилась вперед и одновременно вверх, от простого к сложному, непрерывно усложняясь. Где то впереди на возвышении гордо высился человек – Венец Эволюции. Уж очень хотелось уютно угнездиться на верхушке эволюционного дерева.

В учебниках по биологии про это рассказывалось без затей. Рыбы породили амфибий, те рептилий, рептилии млекопитающих и птиц, а млекопитающие, как и положено гегемону, породили Венец Эволюции. Эволюция человека трактовалась схоже. Примерно так: недостающее звено — австралопитек – человек «стоячий» — непонятный неандерталец – кроманьонец – человек разумный.

На деле же оказалось, что все несколько сложнее и гораздо интереснее.

На просторах Средиземья Профессор поселил пять основных разумных рас. Онтов и прочих драконов мы благоразумно из анализа исключим. Попробуем же найти ответ на следующие вопросы.

Имели ли люди и эльфы общего предка? Почему гномы претендуют на звание главных неудачников Средиземья? От какой «обезьяны» произошли орки? Как жилось бы хоббитам и «жилось» ли вообще? Да и возможно ли в принципе такое разнообразие разумности?

Вот с последнего вопроса и начнем.

ТЕНДЕР НА ЗАМЕЩЕНИЕ ВАКАНТНОЙ ДОЛЖНОСТИ «РАЗУМНЫЙ»

Эволюционное развитие чем то напоминает конкурс.

Природа пустоты не терпит. С появлением новых жизненных пространств каждая группа выставляет своих кандидатов на их освоение. А затем в дело вступает такое количество различных факторов, что предсказать исход борьбы просто невозможно. Примеров тому достаточно.

Скажем, динозавров вполне могло и не быть, а в мезозое вместо гигантских ящеров царили бы млекопитающие, сумей они своевременно «решить» вопрос изменения поясов конечностей. Дело в том, что по каким то причинам трансформация плечевого пояса из примитивного состояния, когда конечности находятся по бокам тела, в «продвинутое» — под телом – оказалась эволюционно непростой штукой. Млекопитающие смогли решить эту задачу только в мезозое, а предки динозавров выкрутились с блеском – перешли к «бипедальности» — передвижению на задних ногах. И млекопитающим миллионы лет пришлось занимать в экосистеме малопочетную нишу «крысы», занимаясь подрывной деятельностью в кладках динозавров и ожидая своего часа.

Или вот мы с вами только по стечению обстоятельств возим новорожденных в колясках, а не таскаем в сумке как кенгуру. Просто «плацентарный» проект переиграл по ряду показателей (считается, что по организации мозговой деятельности) «сумчатый», который, вопреки сложившемуся мнению, был вовсе не так примитивен.

Другими словами – итог эволюционной борьбы вовсе не предопределен, в гонке вполне могли победить другие участники, качнись окружающие реалии в ту или иную сторону. И наш с вами мир тогда был бы несколько иным. А может, и сильно иным.

Вообще говоря, нет никаких принципиальных запретов на одновременное существование нескольких разумных рас.

В истории Земли, например, уже был период, когда в течение нескольких

тысячелетий бок о бок сосуществовали два разумных вида – кроманьонец и неандерталец.

Проблема в том, что разумное существо рано или поздно начинает изменять окружающий мир. А любой сад с трудом переносит наличие двух садовников с одинаковыми полномочиями.

Какие же условия необходимы для «многополярного» мира?

Помимо очевидных объективных предпосылок важнейшим условием, видимо, является географическая изоляция. Причем изоляция как можно более строгая. В противном случае «взаимодействие» между разумными видами с неизбежностью приведет к исчезновению одного из них. В нашей истории именно такая участь постигла неандертальца. Горы, пустыни и прочие географические препоны существенной преградой считаться не могут. Древний человек, как известно, благополучно расселился по всему миру, не добравшись только до Антарктиды.

Наиболее эффективным препятствием, пожалуй, стоит признать водные рубежи. Море.

К другим – неочевидным – условиям хотелось бы отнести относительное однообразие климатических условий, грубо говоря – равные шансы для старта.

Изоляция, примерное равенство исходных условий и, в некоторой степени, хронологическая одновременность могли бы позволить развиться (от одного или разных предков) нескольким разумным расам. Ну и, конечно, изрядная толика везения.

До поры до времени наши эльфы, гномы и орки жили себе — не тужили, осваивали новые территории, и, в конце концов, дошли до границ своего мирка.

А тут, весьма кстати, стряслось очередное, допустим, оледенение, огромные массы воды превратились в ледники, уровень моря понизился, между ранее разделенными территориями возникли сухопутные мосты.

И разумной экспансии открылись новые земли.

Земли, которые через много много лет назовут Средиземьем.

ЭЛЬФЫ: ВОСХОЖДЕНИЕ

Прежде чем мы пойдем дальше, слегка разграничим понятия. В фэнтезийной традиции «расой» именуют разумные виды. Что не совсем правильно. Все таки в научном обиходе расы принято включать «внутрь» вида. Человеческие расы тому примером. Т.е. «раса» — это некая общность внутри вида, отличающаяся по каким то внешним признакам. Межрасовое взаимодействие не ограничено ничем, кроме разве что неумных предрассудков.

А вот «вид» — понятие серьезное. Мало того, что вид может включать в себя несколько рас, так он еще и обособлен от других видов, по меньшей мере, репродуктивной изоляцией. То есть разные виды не могут скрещиваться между собой, а если могут, то их потомство будет бесплодно.

А теперь вернемся к нашим эльфам.

Согласно последним научным данным, наиболее вероятной прародиной

эльфов является Северо Западная Африка. Именно там сделано большинство наиболее древних находок исходной ископаемой формы. Затем праэльфы широко распространились по всей Северной Африке, а потом климатические изменения раскололи ареал надвое. Северный подвид откочевал к побережью, а южный на юго восток.

Так начали свой путь два братских подвида – эльфы и люди, которые на протяжении многих тысячелетий будут доминировать на Земле.

Давно известно, что мы с эльфами принадлежим к одному виду. Внешние различия между нашими расами куда меньше, чем, например, между негроидной и европеоидной. Практически во всех фэнтезийных историях потомки смешанных браков более чем успешны и имеют жизнеспособное потомство...

Буквально в начале прошлого года в «Нэйчур» была интереснейшая статья директора гарвардского антропологического проекта сэра Т. Шиппи об изучении хромосомных мортал локусов. Там, в частности, приводятся интереснейшие данные о продолжительности жизни людей, имеющих редкую комбинацию генов, так называемый «эльфийский квартет». Вообще наличие в геноме индивидуума эльфийского рецессива дает порой весьма необычные результаты. Однако мы отвлеклись.

...Северный подвид Homo sapiens elfiensis (L) – будем для удобства именовать их эльфами, показал себя с наилучшей стороны. За достаточно короткий срок (по разным оценкам от полутора до трех тысяч лет) они создали на берегах Срединного Моря величайшую Империю, которая с неуклонной необратимостью расширяясь на Восток, столкнулась там с южным подвидом Homo sapiens vulgaris – людьми.

Впрочем, продлись изоляция еще несколько сотен тысяч лет, не исключено, что груз хромосомных мутаций навсегда растащил бы два подвида по разные стороны баррикад.

Надо сказать, что судьба была к людям куда менее благосклонна. Отступая из за иссушения климата на юго восток, они, в конце концов, вдоль восточного побережья континента расселились в северном и южном направлении, и во время кентуррийского оледенения по нуменорскому мосту попали в Переднюю Азию, где закрепились, обжились и начали понемногу строить свои первые государства.

Тут то они и попали в сферу влияния блистательной Империи Эльфов. Столкновение культур было, мягко говоря, болезненным. С одной стороны эльфы, с их правильным строем, изумительной архитектурой, передовым искусством и юридическим правом, а с другой — «бей беги» и щиты из шкур. Впрочем, как это будет не раз в последствии, две культуры слились друг с другом.

Собственно говоря, наша с вами цивилизация и есть продукт подобной ассимиляции. Это отражается в языке, в культурных традициях, в архитектуре, да в чем угодно. Даже сейчас, спустя тысячелетия, все утонченное, изящное, искусное ассоциируется у нас с понятием «эльфийский».

Вот попытайтесь себе представить пашущего эльфа. Удалось?

Так до сих пор ощущается дыхание Великой Империи.

ГЛАВНЫЙ НЕУДАЧНИК СРЕДИЗЕМЬЯ

Происхождение гномов туманно.

На сегодняшний день существует четыре основных теории их происхождения, причем каждая блистательно подтверждается одними фактами и столь же неотвратимо опровергается другими. Большие надежды сейчас возлагаются на обработку результатов двух последних экспедиций на Ближний Восток, однако обсуждать это до опубликования полного отчета о раскопках преждевременно.

Вероятно, предки гномов отделились от основного древа гоминид за несколько миллионов лет до эльфов. Анализ генетического материала в общих чертах эту версию подтверждает, хоть и дает много поводов поспорить о датировке и калибровках.

Насколько можно судить по археологическим данным, экспансия цивилизации гномов из Центральной Азии шла в двух направлениях – на север и на восток.

Судьба восточного царства оказалась печальной. Гномы попали под каток второй оркской агрессии, буквально спалившей все вокруг. Орки были столь стремительны, что гномы даже не успели вступить в контакт с людским царством Корабелов, принявшим на себя первый удар.

А вот Северное Царство просуществовало достаточное долго, оставив после себя множество археологических памятников – например, уникальные образцы сооружений из камня (Аркаимовский памятник), предметов вещественной культуры и изделий из металлов (клад Торина). Что говорить, если нынешние металлурги до сих пор впадают в трудноконтролируемое возбуждение при словах «морийская сталь»?

Северное Царство, его еще называют «Открытым», возникло в неудачное время и в плохом месте. С юго запада вышла третья волна великого переселения, спровоцированного рядом сильнейших землетрясений, а с востока пришли орки.

К чести гномов, они продержались очень долго. Но противостоять таким противникам в Средиземье никто был не в силах. Царство пало, города были стерты с лица земли, а сами гномы под чудовищным прессом орков были отжаты в горы, и создали там совершенно уникальную пещерную культуру.

Надо сказать, что в последнее время в СМИ неутомимо муссируется так называемая «пещерная теория». Якобы гномы изначально были «подгорными» жителями и лишь затем вышли на равнины. Базируется эта «теория» исключительно на выдумке госпожи Блаватской, которая в Шамбале якобы посещала сохранившееся подземное гномье царство, и даже была допущена к «истокам». Журналистам, конечно, простительно, большинство из них черпает информацию напрямую из космоса, стуча в бубен и общаясь с Вселенской Базой Данных. Эта передовая метода получения данных сменила архаичное посасывание указательного пальца.

Само собою гномы не зародились в карстовых пещерах. Все говорит о том, что под землю они ушли под давлением абсолютного пресса орков. У гномов так и не успели сформироваться какие либо вторичные приспособ

ления к подземному образу жизни, даже насыщаемость крови кислородом, по некоторым косвенным данным, у них всего на 8% выше, чем у среднестатистического человека. Сравнительный анализ находок скелетов гномов Открытого и Подгорного царств показывает, что первые были на 10–15% выше и имели более узкую грудную клетку. Снижение роста, «коренастость», широкая грудь свидетельствуют именно о попытках приспособиться к новому местообитанию.

Вильгельм Торинг, заведующий кафедрой пещерной археологии университета Кёльна, считает, что знаменитые Верхние чертоги, сделанные с большой выдумкой и совершенно непонятно с какой целью, служили для принятия солнечных ванн детьми гномов, дабы воспрепятствовать развитию у них рахита и иных осложнений, связанных с новым образом жизни.

Увы, гномы были вынуждены жить там, где им позволял более сильный противник.

И надо отдать им должное – боролись они до последнего.

Недаром пословица «держится за жизнь как гном» в разных интерпретациях есть во всех языках Средиземья.

БАЛОВНИ СУДЬБЫ

А вот кому повезло по полной программе, так это хоббитам.

На их происхождение есть две точки зрения. Первая – они родственники нам с вами, вторая – гномам. Обе точки зрения имеют больше возражений, чем доказательств.

Сейчас лабораторией Джексона активно разрабатывается методика идентификации костей. Есть подозрение, которое не разделяется большинством ученых, что некоторое количество скелетов, изначально отнесенных к детским, могут принадлежать предкам хоббитов.

Есть и третья точка зрения, всячески популяризируемая культурологом Брендиамином Скромби. Он скромно пристроил хоббитский росток на генеалогическое древо эльфов, не слишком далеко от корня. Однако вне хоббитской диаспоры эта «теория» признания не получила. Даже, несмотря на то, что в ее поддержку и снят замечательный фильм «Хоббит».

Ясность в этот вопрос, вероятно, внесут грядущие поколения исследователей.

Вклад хоббитов в мировую историю, за исключением некоторых всем известных выдающихся представителей, весьма скромен. Собственно, и сами они уцелели исключительно благодаря счастливому стечению обстоятельств. Орда орков не дошла до них совсем немного, а буквально за 50 лет до Черной Волны хоббиты попали под патронаж эльфов. Эльфийская Империя уже доросла до того состояния, когда закованные в белые латы воители были вполне милосердны, и Хоббитания нечувствительно вошла в имперские пределы в качестве этакого забавного анклава.

В ином случае эта уникальная культура просто бы исчезла с лица Земли.

А эльфы, надо отдать им должное, свое защитить умели.

Даже от такого противника как орки.

ОРКИ! ОРКИ!

Мало что оказало столь же заметное влияние на историю Средиземья как Брокенская Вулканическая Гряда.

Но обо всем по порядку.

Орки эволюционировали на островах к северу от Австралии. К сожалению, установить, где именно, достаточно непросто, так как сильная вулканическая активность уничтожила большинство их древних стоянок. Исходной предковой формой, скорее всего, был сумчатый проопоссум, третья экспедиция Карпентера в Новую Зеландию нашла два скелета поразительной сохранности, судя по всему, говорящих в пользу этой теории. Впрочем, и без того родословная орков установлена достаточно полно, благодаря большому числу найденных фрагментов черепа и плечевого пояса.

С третьей попытки сумчатые все таки смогли дать свой вариант разумного существа.

Первой территорией, которая покорилась праоркам, оказалась Австралия, благо она была – лапу протянуть. Согласно археологическим данным, орки довольно быстро, за три тысячи лет, освоили практически весь материк. И тут начались проблемы. Как выходцы с островов, с их извечным дефицитом белка, орки почти сразу выбили всю крупную фауну. Это привело, помимо нарушения экологического равновесия, к тому, что у орков просто не оказалось приемлемых кандидатов на одомашнивание, а тем самым под угрозой оказалась продовольственная безопасность.

Второй предпосылкой грядущего кризиса оказалась сравнительно низкая детская смертность, обусловленная особенностями репродуктивного цикла — вынашиванием ребенка в сумке, что спасало его от множества неприятностей. Кроме того, была низкой и смертность матерей при родах, так как не нужно было рожать большеголового ребенка.

К перенаселению начало добавляться иссушение климата, цивилизация орков была уже на грани коллапса, однако пионеры, занятые поиском новых островов обнаружили путь на Север, образовавшийся в результате вулканической деятельности.

И орки пошли на север.

По разным оценкам путь до Китая занял у них почти пять тысяч лет.

Первыми с орками столкнулись государства Корабелов – островное (нынешняя Япония) и континентальное (Южный Китай). За двести лет они были уничтожены, еще тридцать лет ушло на устранение Восточного царства гномов. Дальний Восток оказался в руках Орков. Империя, однако, вызов проигнорировала – у нее были свои дела. Да и третье посольство Корабелов Императорский двор не принял.

Надо сказать, что летописи тех лет буквально черны от описаний жестокости орков. Виктор Эарендил – автор фундаментального труда «Орки. Первая кровь» — много лет посвятивший изучению письменных источников времен первой экспансии, считает, что это во многом обусловлено разными культурными императивами. Скажем, традиция поедать убитых и пленных неизменно вызывала ужас у цивилизованных народов Средиземья.

Меж тем, следует помнить, что каннибализм широко был распространен на островах, кроме того, насколько известно, орки не умели одомашнивать животных и не знали земледелия. (Последнее сейчас ставится под сомнение, так как в Индокитае найдены сельскохозяйственные инструменты, принадлежащие неизвестной культуре).

Следующие две тысячи лет каждый устраивал свои дела. Эльфы улаживали разногласия внутри Империи, а орки, используя остатки государства Корабелов, построили поразительное государственное образование – Черную Силу.

До Пеленнорской битвы оставалась без малого тысяча лет.

***

Противостояние с орками многое изменило в Средиземье. Например, под угрозой истребления эльфы были вынуждены признать равноправие людей, обеспечив себе их лояльность.

Свободные народы выстояли, но Мир изменился.

Так или иначе, но неумолимое время расставило все на свои места. Победил сильнейший, а из остальных выжили лишь те, кто не представлял для него опасности.

Я, идя на работу по коридору зоологического института, каждый день наблюдаю похожую картину. Дети толпятся у реконструкций орков и гномов. Другой мир манит, стимулирует фантазию, будоражит воображение.

Впрочем, это уже совсем другая история. Для писателя, а не для биолога.

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ, АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ БЕСЕДЫ
МАТЕРИАЛЫ ЛИТЕРАТУРНОГО СЕМИНАРА В ПАРТЕНИТЕ (МАЙ 2009 Г.)

Занятия третье и четвёртое

Дмитрий Громов: Вопрос был такой: а где, собственно, пролегает граница – как разделить два потока, шоу индустрию и литературу? На мой взгляд, граница лежит здесь: книга написана *для чего-то*, за текстом что то стоит, или книга – самодостаточные приключения для приключений. Если писа тель ставил задачу завести с читателем разговор; если его интересуют пси хология, философия, социальные проблемы, эмоциональные переживания, изменения характеров... Писателя мучила какая то проблема, она ему каза лась интересной, он захотел ее исследовать, поделиться результатами с чи тателем, поставить вопросы, по возможности дать ответы. «Забойный» при ключенческий сюжет может иметь место во вполне литературном произве дении. Но беготня со стрельбой в данном случае пишутся *зачем-то*, чтобы, к примеру, показать, как меняется психология человека в экстремальной си туации. Это – литература.

Если книга пишется только для того, чтобы навернуть приключений, что бы читатель это купил – отдохнуть после работы... Это – второй вариант.

Олег Ладыженский: У меня есть ответ, не опровергающий, но оттеня ющий. Он более академичен и зануден. Итак: литература, как ни стран но, это – окружающая нас действительность, зафиксированная в личном житейском опыте писателя, преломленная через призму его личности и выраженная в художественных образах. То есть, на выходе мы получаем систему художественных образов, которая попадает к читателю. Если все, о чем шла речь, есть – значит, литература, хорошая или плохая. Лич ность автора может быть узкая или широкая, могучая или хилая. Житей ский опыт может быть копеечный и сторублевый... Это – не гарантия ка чества, это просто набор обстоятельств. Когда читатель получает систе му художественных образов – он чувствует, переживает, размышляет. Это сопрягается с его личным житейским опытом, с его личной реально стью. Прочитав про Древнюю Грецию, он вдруг делает какие то стран ные выводы из собственных отношений с сыном. Пережив трагедию Ро мео и Джульетты, вдруг понимает: «Как жалко, что моя теща все время ругается с моей мамой!»

Если же мы берем книгу, как любит говорить Андрей Валентинович, «пра ведьму», то в большинстве случаев видим: окружающей автора действитель ности в форме его личного жизненного опыта – нет как класса. Это же без оч ков видно! Все, о чем автор пишет, с его личным опытом не сопрягается во обще. Это не значит, что дворник должен писать про дворников. Но мы ясно видим личный житейский опыт Булгакова во всех его произведениях. И у Толстого, и у Желязны. Если нет жизненного опыта, если личность писателя отсутствует как класс, если она не выражена ни в языке, ни в стилистике; ес ли отсутствуют художественные образы, или их набор крайне ограничен...

Значит, мы имеем дело не с литературой, а с чем то другим; может быть, очень хорошим, но другим. Потребляя сериал типа «Диверсант», мы чудес но понимаем, что никакого (из кино приводить примеры проще) житейско го опыта и окружающей действительности нет и в помине – ни у сценарис тов, ни у режиссера. Такой войны, как в сериале, не было. Не забрасывали в тыл к немцам, замаскировав под немецких солдат, группу диверсантов, ко мандир которых не говорит по немецки. Система художественных образов заточена под полное отсутствие такого же опыта у зрителя. Мы имеем на выходе развлекательный продукт в псевдохудожественной форме. Да, не плохо сделанный продукт. Я с удовольствием смотрел сериал «Диверсант» – серий пять шесть.

Андрей Валентинов: А я не решусь дать определение. Надо рассматри вать каждый раз индивидуально. Поскольку на практике все сложней. Бы вает часто: человек хочет написать художественное произведение, а пишет буклет к рок программе или описание компьютерной игры. Даже про ведь мочку можно неожиданно написать художественное произведение. И даже хорошее!

А. Бор: В этой связи наш семинар... Не называя имен: какой процент ли тературы и какой процент не литературы?

Олег Ладыженский: Я бы сказал, что не литературы в чистой форме у нас не было. С интересом выяснилось, что житейский опыт авторов – при сутствует в книге. Иногда плохо выраженный, но он есть, преломленный че рез личность автора. Берем роман, смотрим: автор – врач! В романе – меди цина, принципиально другая система лечения. Вот вам жизненный опыт. Далее: казалось бы, какое отношение Шер имеет к мутантам?

Андрей Валентинов: А если подумать...

Олег Ладыженский: А в книге то четко прослеживается жизненный опыт Шера! Мы поговорили с Рогожиным – оказалось, и в его книге есть жизнен ный опыт. И система художественных образов в наличии. Когда мы говорим про перегруз с чувством юмора – так автор ведь и в жизни такой! Кто еще был на семинаре?

Голос из зала (Васильев): Я – строитель.

Олег Ладыженский: И герой романа – строитель монтажник. И в романе Вереснева виден жизненный опыт, потому что в образах мастеров мы видим каких то знакомых автора. Не фотография, но черты, которые явно были подсмотрены.

Дмитрий Громов: Если вспомнить то, о чем я говорил – во всех текстах есть надтекстовая задача. Даже при самом приключенческом (и местами провисающем) сюжете, видно, что за сюжетом стоит мысль, которую автор хотел донести.

Вопрос из зала: Вопрос сейчас родился, когда вы сказали о провисании сюжета. Может ли сбой темпоритма привести к провисанию сюжета?

Андрей Валентинов, Дмитрий Громов, Олег Ладыженский (*хором*): Мо жет.

Глеб Гусаков: Небольшой комментарий. Начинающему писателю очень опасно встревать в проект, если он хочет стать именно писателем. Практи ческий пример: Сережа Недоруб, который сейчас пишет «Сталкера». Он – член нашего КЛФ. На прошлом КЛФ он сел рядом со мной и говорит на ухо: «Глеб, а что мне делать? Я хочу написать *свою* книгу. А деньги нужны, и надо писать второй «Сталкер». Да и не издадут *мою* книгу!»

Дмитрий Громов: Увы! Это смерть.

Олег Ладыженский: Смерть для писателя. Я знаю таких умерших – они ходят среди живых и пьют водку с большим удовольствием.

Андрей Валентинов: А потом наше сегодняшнее заседание процитируют и скажут: «Мэтрам стали мало платить! У них стали маленькие тиражи, вот они и злобствуют! Чем «Сталкер» не литература! Сюжет есть – ну и что, что он «из игры»? «Дон Кихот» тоже из чего то... Герои есть! А какие авторы пи шут! А какие тиражи!» Сейчас это весьма актуально. Та публика, которая создает не литературу, чувствует свое положение – и обороняется отчаянно.

Работать водопроводчиком – хорошая работа и почтенная. Но когда во допроводчики выдают себя за наладчиков компьютерных сетей... Сейчас мы слышим буквально вой тех, кто знает, что согрешили для литературы. И они умеют обороняться!

Дмитрий Громов: Здесь мы как раз перейдем к мимикрантам. Если книга пишется, чтобы попасть в струю, чтобы тебя напечатали... Это – общая ми микрия. Формально – да, книжка, издана на бумаге. Написана русским язы ком, более менее читабельным. В ней есть что то, похожее на сюжет, кто то, похожий на героев. Может быть, есть композиция. По формальным призна кам – литература.

А по неформальным?

Все, о чем мы говорим, многие интуитивно понимают сами. Мы тоже это не сразу выразили словами. В последний год нам стало интересно сформулировать позицию: что поняли, тем и делимся. Ведь внутри фанта стики существуют свои мимикранты. Любопытный эффект: может быть мимикрант под фантастику, который не является фантастикой, но являет ся литературой. И может быть мимикрант под фантастику, который не яв ляется ни фантастикой, ни литературой. К примеру, ряд замечательных произведений Дмитрия Быкова, где фантастика – с боку припеку. В конце выясняется, что герою все привиделось, или просто были такие стечения обстоятельств. Имел место фантастический элемент, но объяснился реа листическими причинами.

Еще вариант – текст хотят напечатать в серии фантастики, потому что, к примеру, исторический роман не востребован. Андрей Валентинов в свое время дал совет Льву Вершинину: «А ты в начале исторического романа дай голос из ущелья (в оригинале было хуже – из унитаза): Я – великий Бог Ахура Вольво! Я предрекаю тебе идти туда, не знаю куда!». Формально – фантастика. А дальше герой – куда, собственно, собирался по исторической канве, туда и топает. Нормальный исторический роман. Литература. Но фантастикой он не является.

С другой стороны, целая серия разнообразных десантных космоопер, книг «праведьму», «праельфов». Что это такое? По форме – вроде бы, фантастика. Присутствует фантастическое допущение, и даже целый ворох: магия, нечеловеческие существа, иной мир. Или звездолеты, роботы, бластеры... Но, присмотревшись, мы обнаруживаем, что эльфов взяли из другой, хорошо знакомой нам книги, и они используются не второй, не десятый и даже не сотый раз. Даже выглядят точно так же. Ну, уши длиннее на два сантиметра – обалденное допущение и авторская придумка! Система магии взята из компьютерной игры, и далее по списку. Драконы летают. У кого этих драконов не было?!

Суть фантастики – фантазия. Где фантазия автора? Он взял набор конструктора «Лего», комплект кубиков и сложил чуть чуть по другому. Вместо синего поставил красный. И всё. Где же фантастика? Это – коммерческий мимикрант под фантастику. Потому что на бренде «фантастика» можно продать книгу, получить гонорар и приобрести некоторую известность.

Вопрос из зала: Относится ли к этому мимикрированию сакральная фантастика?

Олег Ладыженский (*удивленно*): А что такое – сакральная фантастика?

Андрей Валентинов: Это – к Володихину.

Дмитрий Громов: Всю жизнь одна ее часть называлась мистикой, другая – фэнтези.

Голос из зала: Имеется в виду религиозная фантастика.

Олег Ладыженский: Ну, туда и наш «Черный Баламут» попадет!

Дмитрий Громов: И Толкиен с Льюисом!

Вопрос из зала: Если автор все же ставит психологические проблемы и показывает характеры персонажей...

Дмитрий Громов: Я допускаю, что встречаются произведения, которые созданы на основе конструктора, но в них присутствует оригинальная идея, изменение характера персонажа, жизненный опыт... Хотя формально сюжет сложен из гномов, эльфов и магов, он вполне может быть литературой. И при этом – не фантастикой, потому что автор ничего фантастического сам не придумал, но классно раскрыл идею.

Андрей Валентинов: «Дон Кихот» Сервантеса. Штамп рыцарского романа.

Вопрос из зала: Насколько правомерен фантастический антураж? Зачем нужна фантастика, как жанр, в тех случаях, когда можно обойтись чистой литературой?

Олег Ладыженский: Если вам не нужен в книге фантастический элемент, пишите в рамках реализма. Или символизма. Или романтизма. Если вам не обходим фантастический элемент, допущение, идея (назовите как угодно!) для заострения проблематики произведения – пользуйтесь. Только это дол жен быть *ваш* фантастический элемент и *ваше* фантастическое допущение.

Дмитрий Громов: Или чужое, но преломленное под оригинальным углом. Я совершенно уверен, что и сейчас, после огромного количества романов о путешествиях во времени, можно найти оригинальный поворот темы и на писать оригинальную повесть.

Андрей Валентинов: Путешествие во времени – слишком широкое на правление, там масса вариантов. Просто можно взять не свой сюжет – и из менить, заострить. Представьте себе историю про Нос. Если сбежал не Нос, а что нибудь другое...

Олег Ладыженский *(смеется)*: Заострил! Хорошо, давайте поиграем все вместе. Поимпровизируем. Берем известный всем антураж. Мы с вами пи шем повесть про эльфов. Про тех самых.

Дмитрий Громов: Остроухих эльфов а ля Толкиен.

Олег Ладыженский: Давайте задумаемся над эльфами. Чтобы понять, где ложь в их повсеместных описаниях. Главное отличие эльфов от людей?

Голос из зала: Бессмертие.

Олег Ладыженский: Верно. Дамы и господа, представьте себя бессмерт ными! Вы можете жить десять тысяч лет. Вы будете при этом наемными убийцами, солдатами? Станете заниматься кучей рискованных профессий?

Голос из зала: Только если жить надоест!

Дмитрий Громов: Верно. Эльфы не умирают от старости, но убить их можно.

Олег Ладыженский: Значит, во многих книгах, где присутствует конст руктор «Лего», мы сразу видим какую то лажу. Там эльфы регулярно лезут в самые опасные места, где запросто можно погибнуть. Естественно ли это для бессмертного существа? Нет, мы понимаем героизм – эльфы приходят под Хельмову Падь драться и умирать. Это серьезно.

Дмитрий Громов: Но приключений на свою задницу они не ищут.

Вопрос из зала: А если они по натуре своей, по биологии, активные аван тюристы?

Олег Ладыженский (*улыбается*): Товарищ Рогожин! Мы взяли класси ческих эльфов. Какие авантюристы?! Какая биология? Они будут врачами, целителями, учителями, строителями, художниками, поэтами... А не бегать с двумя мечами за спиной!

Андрей Валентинов: Или будут править обезьянами, то есть, миром.

Олег Ладыженский: Представьте бессмертного эльфа, прожившего пять десять тысяч лет. Значит, секс уже не интересен в принципе. Это сразу ме няет уклад жизни. Не потому, что эльф – импотент, а потому что занимать ся сексом каждый день десять тысяч лет...

Голос из зала: Рогожин сомневается!

Олег Ладыженский: Агрессивность притуплена. Значит, флегматики,

очень закрытые. Способность получать новую информацию практически исчерпана. У них же мозги не бесконечны! И вот мы «сформулировали» совсем других эльфов.

Андрей Валентинов: Можно добавить, что часть эльфов были склонны к авантюризму, но они уже погибли.

Дмитрий Громов: За десять тысяч лет авантюризма хотя раз, но точно нарвались бы.

Андрей Валентинов: Часть уходит на Заокраинный запад, а остаются те, кто жить любят. Им приятно жить. Они начинают бояться за свою бесконечную жизнь. Они трусы. Отчаянные трусы.

Олег Ладыженский: А теперь задумайтесь над следующим: за каким чертом целая толпа писателей выводит «боевых эльфов»? Лук, меч, если не киллер, то авантюрист, если не авантюрист, то охотник за черепами... За чем? Откуда ноги то растут?

Голос из зала: Из компьютерных игр они растут!

Голос из зала: Масскультура?

Олег Ладыженский: Нет, вы полезли искать во внешних факторах! Сидит автор, а напротив сидит читатель. Оба с миллионами комплексов. Автор боится гопников на улице, он хил и чахл. Жизненный опыт – с мизинец. Утром зарядку делать лень. И вот он начинает сублимировать свою мечту. Я – бессмертный, могучий, великий, неуязвимый! Краси и ивый...

Дмитрий Громов: Эстетичный, просвещенный!

Андрей Валентинов: И все бабы – мои!

Олег Ладыженский: Я пью много пива и не пьянею. Потому что на самом то деле вчера я напился, голова болела...

Андрей Валентинов: Пью пиво – и живот не вырос!

Олег Ладыженский: Идет сублимация целого ряда понятных комплексов. У читателя они точно так же сублимируются. Читатель видит эльфа и думает: «Ну я вылитый!»

Дмитрий Громов: Единственный логический элемент, до которого автор обычно доходит: если эльф прожил десять тысяч лет и все время занимался воинскими искусствами – какой же он теперь крутой!

Голос из зала: Проблема скуки, о которой мы сейчас говорим – это все таки человеческая проблема возрастного метаболизма. Организм готовится умирать, и поэтому... А если это существо, у которого метаболизм настроен на вечность, оно всегда будет активным, бодрым, свежим!

Олег Ладыженский: Чем эльфы отличаются от человека, кроме бессмертия, по Толкиену?

Голос из зала: Ушами!

Олег Ладыженский: Душами! Души нет. Душа есть только у человека. У эльфов нет душ, как нет души у ангела. Существо без души десять тысяч лет – ох, трудно будет... Смотрите, сколько мы сейчас придумали возможностей повернуть затрепанный стереотип новой стороной.

Вопрос из зала: Символизм, особенно – новый символизм – это фантастика?

Дмитрий Громов: Наверное, нет. Хотя они могут сочетаться. Фантастическое допущение, внутри которого действует целый ряд символов. Или символизм вообще без фантастического допущения. Но сам по себе символизм не дает индульгенции на качество.

Андрей Валентинов: Не так давно в Киеве была горячая дискуссия о романе Михаила Булгакова «Белая гвардия». Некоторые участники дискуссии уверяли, что там есть элементы, которые позволяют определить «Белую гвардию» как фантастический роман. Другие говорили, что это роман в духе символизма начала двадцатого века. Мне показалось, что он, конечно, в духе символизма начала двадцатого века, но символизм там в таком количестве, что оно начало переходить в качество, создавая элементы фантастического произведения. То есть роман на грани, но ближе к фантастике.

Вопрос из зала: «Кандид», скорее, к символизму относится, но можно ли назвать это фантастикой?..

Андрей Валентинов: Это – взрослая сказка.

Вопрос из зала: Открытая концовка рассказа – актуально или нет? Именно рассказа.

Олег Ладыженский: Открытая концовка вполне может иметь место, если она построена так, что после нее читатель начинает додумывать, дочувствовать все оставшееся. Если вы подвели читателя к трамплину, где дальше он действует сам – открытая концовка очень хорошо работает. Если не сумели подвести, он провалится вниз.

Дмитрий Громов: Концовка должна быть открыта на всплеске, на взрыве. А когда это просто рассказ без финала, но автор говорит, что здесь – открытая концовка... Значит, не сумел написать финал.

Андрей Валентинов: Напишете рассказ, покажете коллеге и спросите: «Вы понимаете, чем там кончилось?»

Олег Ладыженский: Открытая концовка должна вести на взлет. Вдруг все оборвалось, и я взлетел. Если же все оборвалось, и я упал...

Вопрос из зала: А может ли автор сам не знать, чем закончился его рассказ?

Дмитрий Громов: Может, но это очень плохой автор!

Вопрос из зала: Я небольшой знаток фантастики, но задам этот вопрос: многие превозносят Стругацких. Но тем не менее, если их внимательно читать, там очень много ляпов, не доведенных до конца сюжетных линий, повторов. Иногда создается впечатление, что люди не проверяли то, что они писали... Я – поклонница Стругацких, но тем не менее. Почему их так превозносят, несмотря на это?

Андрей Валентинов: Давайте я объясню. Потому что я – не поклонник Стругацких.

Олег Ладыженский (*улыбается*): Тут мы не сойдемся.

Дмитрий Громов (*улыбается*): Мы – поклонники.

Андрей Валентинов: В годы так называемой «оттепели» и последующие шестидесятые годы сложилась субкультура, которая стала противовесом официальным ценностям, одряхлевшей власти, уже не способной эффек

тивно промывать мозги советскому народу. Стали создавать свою систему ценностей. Первый поэт – Пастернак, Мандельштам. Первый писатель – Булгаков. Первый фантаст – не Казанцев, а Стругацкие. Так было перед Великой Французской Революцией. Слабых авторов возводили в классики. Развивали альтернативную культуру. Талант, не талант – не играло никакой роли. Им создавали репутацию. Не читать Стругацких среди интеллигенции считалось грешно. Не хвалить Стругацких... Они стали оружием соответствующей идеологической борьбы. Иногда это принимало острую форму: у Стругацких запретили «Улитку на склоне». А а а! Почитал, ксерокопию сделал. Как писатели, они пишут гладко. Умеют строить сюжет. Но особой оригинальностью не отличаются. Восхвалители искали оригинальность там, где ее не было. Вспомните, какой хохот стоял среди профессиональных фантастов, когда вышла «Страна багровых туч».

Голос из зала: Это – ранняя ученическая повесть! Зачем же ее...

Андрей Валентинов: Ну как сказать – ранняя... Им тоже не пятнадцать лет было! Они писали разное, не спорили со временем и шли на такие компромиссы, на которые не шли их коллеги, которые сидели. Вспомните, в шестьдесят девятом году в третьем, пятом, шестом номерах «Невы» вышел «Обитаемый остров». Повесть привлекла большое внимание, читали с удовольствием. Через несколько лет – то есть, довольно быстро – авторам предложили повесть переиздать в популярнейшей «красной серии». Огромный тираж и хорошие деньги. Только сказал какой то дурак в издательстве: давайте Неизвестных Отцов заменим непонятно кем, героя отправим в ГДР... Глупые, перестраховочные требования. Братья Стругацкие к тому времени были известными писателями. Их знали. С ними бы ничего не случилось. Просто бы не издали в «красной серии» или издали бы через год. Они пошли на все правки. Они охотно шли даже на совершенно лишние компромиссы. Но это – феномен Театра на Таганке, о котором замечательно писал Зиновьев, если помните. Если Театр на Таганке хвалит власть, все говорят: «Вот как он над ней издевается!» Если ругает – тем более. Что бы он ни делал, оценивают в соответствующем идеологическом ключе.

Братьев Стругацких использовали в нелитературных целях, а они себе работали с переменным успехом. В своей последней готовой вещи – «Отягощенные злом» – они пошли на такое, на что культурные люди не пойдут. Откровенное кощунство религиозное. Есть у них и хорошие вещи, без сомнения. Но еще при жизни был создан соответствующий культ «Большого Кресла», которому положено регулярно поклоняться...

Владимирский: И приносить кровавые жертвы!

Андрей Валентинов: Я деталей не знаю, извините. И сейчас те, кто один раз заходили в гости, когда еще жив был Аркадий Натанович, говорят: «Мы – ученики братьев Стругацких! Мы знаем, как надо писать! А вы – провинциалы, в лучшем случае – ученики Казанцева!» То есть, продолжается использование славы Стругацких в совершенно нелитературных целях.

Голос из зала: При чем здесь братья Стругацкие, извините? Мы говорим о литературе, а не об использовании их в нелитературных целях!

Владимирский: Мы выслушали синопсис криптоисторического романа!

Олег Ладыженский: Я бы хотел добавить, что в оценке творчества Стругацких Олди с Валентиновым не согласны. И очень сильно. Я ставил два спектакля по Стругацким: «Трудно быть богом» и «Жиды города Питера». Если бы я не считал эти произведения текстами высокого класса, то я бы вряд ли их взял в постановку. Вернее, сам еще и писал драматическую инсценировку по «Трудно быть богом». Политические аспекты я оставлю в стороне, мы все – живые люди. Я считаю, что у Стругацких достаточно произведений самого высокого класса. Насчет ляпов, нестыковок и прочего – внимательно читал много раз и до сих пор перечитываю. Не обнаружено. Во всяком случае, таких, чтоб мешали мне перечитывать с удовольствием.

Вопрос из зала (Саша Рогожина): Ну «Обитаемый остров» тот же. Там концовка...

Олег Ладыженский: Мощнейшая концовка! Столкнулись две позиции: позиция Странника, как постепенная подготовка перестройки общества, и радикальная позиция Максима: мне плевать на инфляцию, но я не дам построить второй Центр. Для меня финал заключается в следующем: обе позиции – постепенная и радикальная – в принципе, способны работать в одной упряжке.

Голос из зала (Рогожин): Вот этот ядерный взрыв... Зачем он расположил бомбы так, что накрыло всех? Думать надо!

Голос из зала: Так он же молодой совсем!

Олег Ладыженский: Я не сомневаюсь, что в двадцать лет, попав на другую планету, вы бы взорвали центр гораздо технологичней.

Андрей Валентинов: Я полностью поддерживаю Олега! Никаких заметных ляпов в произведениях Стругацких нет. Они – профессиональные писатели.

Вопрос из зала (Саша Рогожина): Ну, там бывают такие повторы...

Андрей Валентинов: Не бывают! Они пишут очень профессионально. И все настоящие ученики Стругацких пишут очень профессионально. Вся ленинградская четвертая волна.

Вопрос из зала (Саша Рогожина): Я не буду спорить!

Андрей Валентинов: А вы перечитайте! В семнадцатом веке во Франции собрались критики Гомера. Выяснилось, что Гомер пишет грубо. Отбирает неверные выражения. У него масса лишних сюжетных линий. У него нелогично. У него герои неправильно прописаны. Поэтому некий Уильям де ла Мор переписал «Илиаду» для дам. Ибо тогда главным критерием французской литературы было то, что могут читать дамы. Не один на один с книгой, а в салоне, при всех и вслух. После этого собралась так называема «группа старых», лидером которой был Шарль Перро. Во главе стояла яростная девица, поклонница Гомера. Типа, «мы покажем этим критикам». Но кончилось хорошо. Три года они спорили, правда, без мордобоя. В конце концов собрались в ресторане, Уильям де ла Мор с этой девицей выпили за здоровье Гомера, решили, что консенсус принят. И Гомера, выходит, ругали!

Стругацкие – хорошие писатели! Нет у них ляпов!

Вопрос из зала (Саша Рогожина): Та линия, что связана с Радой Гаал – она просто упирается вообще в никуда. Они поженились или нет? Что там?...

Олег Ладыженский: Люди в книге, как и в жизни, зачастую действуют нелогично. Ошибаются.

Дмитрий Громов: Что то у них не получается. О чем то они забывают, кто то их подставляет...

Олег Ладыженский: Ряд людей уходит из нашей жизни без объяснения причин. И больше никогда в ней не появляется. Ряд людей появляется без объяснения причин. И начинает нам мешать или помогать вне логики собы тий, также делая ошибки...

Дмитрий Громов: Более того, их побудительных мотивов мы можем ни когда так и не узнать.

Вопрос из зала (Саша Рогожина): Максим Камеррер предстает как об разец благородства и честности. Он по сути своей не может бросить...

Зал: Ему же двадцать лет... Почему не может?!

Андрей Валентинов: Вам что, свадьба нужна?

Вопрос из зала (Саша Рогожина): Конец произведения напоминает се риал, когда за пять минут освещаются события десяти лет. Эти поженились, эти родили детей, эти заработали...

Олег Ладыженский: Где? В «Обитаемом острове»?!

(шум в зале)

Дмитрий Громов: Здесь пошли уже личные нюансы восприятия конкрет ного романа. Кому то понравилось, как он закончился, кому то не понрави лось...

Олег Ладыженский: Давайте на этом заканчивать. К завтрашнему дню готовьте вопросы. Иначе мы уходим в личные впечатления... Не думаю, что эти разговоры работают на задачи семинара. Я в этом смысле зануден и за уши подтаскиваю обратно. У нас есть сквозное действие, на нем и си дим. А все остальное – на веранде. О чем угодно! На этой благородной но те расходимся.

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

ИСПЫТАНИЕ ВИРТУАЛЬНОСТЬЮ

Марина и Сергей Дяченко. Цифровой. – М.: Эксмо, 2009. – 416 с.

«Виртуальность» давно осознана как среда, во многих отношениях равноправная «реальности». Осознана не всеми — опыт «виртуальности» есть пока не у каждого, не всем она и доступна по разным причинам. Кому то просто технически недоступна, кому то категорически чужда как концепция. Очень многие не видят вообще никакой необходимости «убивать время» в виртуальных пространствах — имея в виду, как правило, игры.

Между тем «виртуальность» изначально не была «игровым» пространством, игры стали лишь одним из ее специфических расширений. Дяченко очень точно подмечают в «Цифровом» и другие виды «виртуальности» — блогосфера, телевизионная реальность и прочие реализации, более «приемлемые», например, для поколения родителей. Все они обладают практически одинаковыми качествами. Например, перетягивают на себя значительную часть личной и социальной активности современного человека.

«Виртуальность» дает нам новые степени свободы. Новые (и очень привлекательные) способы самореализации. Новые инструменты взаимодействия с тем, что уже давно имеет смысл обозвать «виртуально вещественным» континуумом, подчеркивая тем самым органичное единство его информационной и материальной составляющих. Мир давным давно управляем не только делом, но и словом, его можно совершенствовать и разрушать не только кувалдой, но и воображением.

Обо всех этих важнейших вещах (и о многом другом) и написали Дяченко в «Цифровом».

Для любого другого автора это был бы более чем достойный роман, но именно как роман Дяченко «Цифровой» выглядит недостаточным. Такое впечатление, что авторы разрешили себе целый ряд послаблений и упрощений, которые я ожидал бы встретить у писателей менее высокого класса. Да, «виртуальность» и «реальность» во многих проявлениях сходны, но и различия между ними крайне существенны. Игнорировать эти различия нельзя — это мгновенно низводит текст до неприличного для него уровня условности. Вот Дяченко убедительно пишут о том, что в игре нельзя «надавить» на персонажа, но можно вместо этого в реальности «надавить» на игрока. Например, физическими пытками вынудить «сдать» логины пароли (хотя

украсть их через какой нибудь троян дешевле и безопаснее) и отнять ценно го игрового персонажа. Да, бывает. Только в «реальности» это и работает, в «виртуальности» физических пыток быть не может. Однако авторы такие «виртуальные» пытки в одной из сцен упоминают, тут же избавляя эпизод от всякого правдоподобия. Да, имитация физических пыток возможна и в «виртуальности» — как элемент игрового поведения персонажей, по взаим ному их согласию. Но такой имитацией можно выдурить, естественно, толь ко имитацию признания, что для использованной в романе ситуации совер шенно без надобности... Может, Дяченко намеренно придают «виртуально сти» нехарактерные для нее свойства «реальности» — так же, как они прида ют «реальности» свойства «виртуальности». Но это же довольно очевидная ошибка — в отношениях «реальности» и «виртуальности» присутствует фундаментальная однонаправленность: «реальность» включает в себя ин формационную составляющую, общую с «виртуальностью», но «виртуаль ность» от физической составляющей свободна.

Зато она не свободна от возможностей эмоционального, эстетического и психологического давления на игрока. Это делает «виртуальность» удоб ным полигоном для психологов и психопатов, а также дает великолепный материал для «инженеров человеческих душ» (кто бы что под этим эвфе мизмом ни понимал). «Виртуальность» фактически работает и как интер фейс к человеческой психике. Чем, кстати, и пользуются вовсю некоторые особо продвинутые персонажи «Цифрового»... Но пользуются, опять же, как то не всегда уместно и убедительно.

С подростком Арсеном, центральным героем романа, связана прежде все го тема власти (или даже Власти): завоевав и потеряв власть в виртуальном мире, он затем получает возможность реализоваться и как «повелитель» ми ра реального с примерно теми же возможностями, что и герой фильма Алек са Пройаса «Темный город». Его взаимоотношения с новообретенными воз можностями стали одним из серьезнейших пластов романа, но я совсем не уверен, что авторы эту тему «вели» сознательно. В тексте она выглядит са мопроявившейся, что ли. В композиции, построении текста, в диалогах о со отношении целей и средств, силы и ответственности я не вижу стройности и, как бы это сказать, авторского результата. Отдельные эпизоды иллюстри руют отдельные тезисы, но в целостную картину не складываются. Напри мер, парные эпизоды, в первом из которых родители лишают Арсена досту па к компьютеру и игре (и тем самым фактически «запускают» сюжет рома на — очевидно сверхзначимый эпизод для самого Арсена), а во втором уже он сам лишает мать доступа к ЖЖ, никак не соотнося его для себя с эпизо дом первым. Выстроен второй эпизод как проверка Арсеном его возможно стей с попутным «спасением» матери от ЖЖ зависимости; заканчивается все восстановлением status quo и размышлениями о допустимости вмеша тельства. Но размышлениями уже после, хотя Арсен не мог не осознать, хо тя бы интуитивно, что для матери «отлучение» от сети окажется не менее травматичным, чем для него самого было отлучение от игры! Странно, что авторы, которые не упускают случая постулировать высокий интеллект

ЛЕВ ГУРСКИЙ

ЛЕТИТ ЛЕТИТ КОТЛЕТА...

Среди анекдотов, рассказанных Фаиной Раневской есть и вот такой. Дуся, домработница актрисы, получив задание купить того-то и сего-то, бормочет вслух: «Значит, я иду в гастроном, так? Рыбу куплю, искру, масло, так? Сыр, значит, ветчина, языковая колбаса... — Она идет к двери и, выходя, останавливается: — Да! Фаина Георгиевна, чтобы не забыть — в четверг конец света...» Смешно? Сегодня уже не очень. К мысли о том, что конец света может случиться в любой момент, запросто, между походом в кино и шопингом, Голливуд давно приучил зрителей. Всеобщий кирдык мог наступить от гигантского метеорита, от глобального потепления, от взбунтовавшихся растений или, для примера, от старого недоброго Сатаны. А погибнуть от небесных фрикаделек не хотите ли?

Мы улетим, а вы умрете

В картине Алекса Пройаса **«Знамение»** (Knowing, США, 2009, 130 минут) все начинается еще в 1959 году, когда в обычной школе решили отправить послания в будущее. Нормальные детки положили в металлический контейнер разные рисунки, а больная на голову девочка Люсинда (Лара Робинсон) исписала листок какими то цифрами. Полвека спустя контейнер торжественно вскрывают, и современным школьникам раздают бумажки пятидесятилетней давности. Глуховатому, но сообразительному Калеба Кестлеру (Чэндлер Кентербери), сыну вдовца астрофизика Джона Кестлера (Николас Кейдж), достается бумажка с сумасшедшими цифрами, и папаша, случайно поставив на бумажку стакан с виски, вдруг понимает: цифры — перечисление крупнейших катастроф, случившихся за последние пятьдесят лет. И лишь три беды еще не произошли, но вот вот произойдут. Забыв про виски, астрофизик начинает собственное расследование и становится свидетелем двух ужасных происшествий — аварии самолета и смертоубийственного крушения в метро. А третья дата — это и есть время конца света... Режиссер Алекс Пройас стал знаменит благодаря замечательно

красивому и мрачному фильму «Темный город» (1998) — про зловредных пришельцев, которые устраивают эксперименты над людьми. Нелюбовь к гостям из космоса режиссер пронес сквозь годы. Вот и в новой ленте возни кают бледные и страшные инопланетяне, которые что то нашептывают и Люсинде, и Калебу, и внучке Люсинды, Эбби (ее играет та же Лара Робин сон) — вместо того, чтобы по нормальному предупредить человечество об опасности: уж за полвека люди бы придумали, как им спастись от гадких Солнечных Пятен... в дальний космос бы переселились, черт возьми! Ино планетяне же решают спасти только избранных детишек, а взрослым позво лить умереть вместе с планетой. Почему? Видимо, потому, что жизнь на этой планете — случайность, и пора бы природе вернуть все обратно к хао су. Очень глубокая философия, ничего не скажешь. Забудьте о хэппи энде! — взывает Пройас. Ни Брюс Уиллис, ни Арнольд Шварценеггер, ни Марк Уолберг, ни прочие киногерои вас не спасут. Пришло время умирать. Ведь недаром же главную мужскую роль доверили именно Кейджу — актеру с та ким мучительным выражением лица, что зрителю хочется немедля прекра тить его страдания. Любым способом. Хотя бы для этого пришлось — за компанию — укокошить и все человечество.

Зачистка из космоса

Дело было так: в 1951 году на Землю опустилась летающая тарелка, из ко торой вышли человекообразный инопланетянин и циклоподобный робот. Пришелец объявил, что его зовут Клаату, что он прибыл, чтобы судить зем лян за их грехи (агрессивность, жадность, вероломство, любовь к выпивке) и, возможно, даже карать, а робот ничего не объявил, потому что, кроме од ного длинного глаза, у него на железном лице никаких других отверстий не было. Тем не менее, земляне как то узнали, что робота зовут Горт, а этот Горт, как выяснялось, мог запросто остановить на расстоянии любой земной механизм... Все, вышеизложенное, произош ло, понятно, не на самом деле, а в фильме 1951 года, поставленном Робертом Уайзом (этот режиссер поставил не одну фантастиче скую ленту, однако славу ему принесли мю зиклы «Вестсайдская история» и «Звуки му зыки»). Прошло более пяти десятилетий, и ту же историю было решено рассказать заново — благо в Голливуде появились компьютер ные спецэффекты и Киану Ривз, который по сле «Матрицы» насобачился играть мстите лей и пророков. Скотт Дерриксон, режиссер новой версии фильма **«День, когда Земля остановилась»** (Day the Earth Stood Still, США, 2008, 99 минут, «XX век Фокс СНГ», 2009), не очень точно следовал оригиналу: по крайней мере, вместо летающей тарелки на

Землю опустился огромный шар, а робот Горт сильно подрос. Правда, и там, и там положение спасает женщина, хотя в новой ленте ее зовут Хелен Бен сон (Дженнифер Коннелли), и она космобиолог. Пока вся американская во енщина в лице министра обороны Реджины Джексон (Кэти Бейтс) и безы мянного полковника (Роберт Неппер) демонстрируют худшие черты зем лян, Хелен вместе с приемным сыном Джейкобом (Джейден Смит) пытают ся убедить пришельца, что население земли — не такая уж гадость и что дву ногим надо дать еще один шанс исправиться. В фильме неплохие спецэф фекты, но этим достоинства картины исчерпываются. Представитель муд рых, по идее, инопланетян в итоге оказывается импульсивным невротиком: он то принимают роковое для землян решение, то решает взять тайм аут, то упирается рогом, чтобы свое решение отменить. В финале доктору, мальчи ку и примкнувшему к ним нобелевскому лауреату профессору Барнхарду (Джон Клиз) удается склонить чашу весов в пользу человечества. Движение всеуничтожающей железной саранчи остановлено. Клаату погиб и не пообе щал вернуться. Основная мысль фильма неутешительна: судьба жителей всей планеты зависит от существа, которое само не очень понимает, чего хо чет. А выбор на главную роль Киану Ривза заставляет предположить, что Скотту Дерриксону пришло в голову своим фильмом продолжить «Матри цу». Быть может, Клаату поначалу так легко соглашается стереть с земли че ловечество именно потому, что подозревает, будто оно все равно не настоя щее и создано Матрицей. А виртуальных созданий, естественно, не жалко.

Вас съест бигмак

Не будем сегодня про «2012» Эммериха — о нем как нибудь в другой раз. Ураганы, взрыв солнца, всемирный потоп, зловещие вирусы, кошмарные пришельцы — все уже достало. Противоядием от этого апокалиптического серьеза может стать хороший сюжет анима ционного фильма, где катастрофизм дово дится до абсурда. Астероид, говорите? А как вам гигантская котлета, неумолимо падаю щая на Манхэттен? Главный герой паро дийной ленты Фила Лорда и Криса Милле ра **«Облачно, возможны осадки в виде фрикаделек»** (Cloudy with a Chance of Meatballs, США, 2009. 90 минут, «Columbia\Sony», 2009) — очаровательный в своем простодушии изобретатель «бота ник» Флинт Локвуд (в оригинале озвучи вал Билл Хэйдер, в русской версии — Алек сандр Пушной). Застенчивый паренек с детства увлекается изобретательством, но все его штучки (от ходячего телевизора до электронного переводчика с обезьяньего языка) никому не нужны в родном городке

на островке. Единственное предприятие занимается переработкой свежевы ловленной сардины, и папаня главного героя, Тим Локвуд (Джеймс Каан, у нас — Михаил Шац), мечтает, что его отпрыск продолжит семейное торго восардиночное дело. Когда же сардинный заводик закрывается и над жите лями островка нависает угроза вечной рыбной диеты, наш герой наконец изобретает штуковину Полезную В Хозяйстве, а именно: устройство, пре вращающее воду в еду. К сожалению, чудо машинка улетает в стратосферу, и радость жителей городка (с неба валится еда, ура!) постепенно сменяется ужасом. Поскольку в верхних слоях атмосферы начинает происходить не контролируемое размножение еды. Стейки обретают разум, мармеладные мишки гамми превращаются в монстров, и вся эта Большая Жратва, расту щая в геометрической прогрессии, вот вот погребет под собой все человече ство... Собственно говоря, история о том, что еда в количествах, превышаю щих разумные, может превратиться в угрозу и даже в оружие, российскому любителю фантастики известна давным давно, со времен выхода в свет ро мана Александра Беляева «Вечный хлеб». Однако американские аниматоры здраво рассудили, что всерьез делать страшилку о хищной пицце, ядерных чипсах или кукурузе убийце в наше время решительно невозможно — даже с учетом советов диетологов, предостерегающих о вреде вкусной и нездоро вой пищи. А потому пародийно фэнтезийный жанр в данном случае был и неизбежен, и уместен. Не обошлось, конечно же, и без политики. Единствен ным отрицательным героем фильма оказывается не кто нибудь, но мэр го родка (Брюс Кэмпбелл). И он же в финале, растолстевший до размеров воз душного шара, являет собой живую санпросветовскую иллюстрацию вреда переедания. В то время, как и главному герою, и его подруге телевизионщи це Сэм Спаркс (Анна Фэрис, у нас — Ксения Бржезовская) даже в самые не простые времена обжираловки фантастическим образом удалось сохранить стройность фигур...

ОЛЕГ СИЛИН

КРАСНЫЙ ДЕНЬ КАЛЕНДАРЯ

По доброй традиции в первую субботу ноября в рамках выставки «МЭДВИН: Книжный мир» Киев вновь принял «День фантастики». В шестой раз на осеннюю встречу собрались писатели и читатели из разных городов Украины.

По разным причинам не смогли посетить «День фантастики» Дмитрий Быков и Святослав Логинов, потому программа мероприятия оказалась несколько сокращенной, но, тем не менее, весьма насыщенной.

Редактор «РФ» Ираклий Вахтангишвили открывает «День фантастики»

Открылся день вручением наград конкурса украиноязычного фантастического рассказа «Зоряна Фортеця». Это уже третий по порядку конкурс, и на этот раз его лауреатами стали молодые авторы Эва Ковальская (Харьков), занявшая первое место, и Юлиана Лебединская (Киев), завоевавшая «серебро» и «бронзу». Девушкам были вручены дипломы победителей и батарейки, символизирующие творческую энергию, которую им не следует терять. Завершил награждение Тимур Литовченко, выступивший от имени партнера конкурса – журнала «У.Ф.О.».

Награждение победителей конкурса «Зоряна фортеця»

Продолжил программу Михаил Назаренко с любопытным докладом «К добру ли эта встреча при луне? Упадок и возрождение британских эльфов, от Джеффри Чосера до Сюзанны Кларк». Выступающий проследил все перипетии, которые претерпели образ эльфов и отношение к ним, начиная с XIV до конца XIX веков. Интересней ший доклад прервался, однако, на современной литературе, поскольку закончилось время, отведенное на выступление. Многие присутствующие высказывали пожелание услышать окончание доклада и, будем надеяться, Михаил Назаренко пойдет им навстречу. Надеемся также, что доклад будет опубликован на страницах нашего журнала.

Следующим выступил директор фестиваля «Созвездие Аю Даг» Глеб Гусаков. В 2009 году организаторы фестиваля возродили добрую давнюю традицию – романные семинары, подобные проводившимся некогда в Дубултах и Малеевке. В мае этого года в Партените прошел первый семинар под руководством Генри Лайона Олди и Андрея Валентинова. По его результатам уже подписано два договора с издателями на издание романов участников семинара. Глеб Гусаков официально объявил о наборе романов на второй семинар, который будет проведен в мае 2010 года в том же Партените. В роли мастеров снова выступят признанные метры из Харькова, встреча с которыми продолжила

Директор фестиваля «Созвездие Аю-Даг» Глеб Гусаков

программу «Дня Фантастики».

Встреча с Андреем Валентиновым и Генри Лайоном Олди

Встреча прошла в бурной дискуссии. На этот раз обсуждение коснулось вопросов принадлежности так называемых «проектов» к литературе и коммерческих аспектов, с ними связанных. Кроме того, много говорилось о молодых писателях и способах критики. Однако наибольший накал страстей вызвало обсуждение глобальной проблемы влияния литературы на человечество. К сожалению, оно пришлось на самый конец встречи, и было вскоре свернуто.

Театральные постановки – редкие гости на фестивалях фантастики, потому выступления луганского театра «Deep» ожидали с особым интересом. В Киеве был представлен спектакль по рассказу Леонида Кагановa «Эпос хищника». Позже, в кулуарах, многие признали выступление одним из наиболее ярких и запоминающихся моментов «Дня фантастики». Из достаточно небольшого рассказа режиссер Александр Баркар сумел создать красивую и, несмотря на фантастичность, реалистическую картину взаимодействия двух совершенно разных типов разумных существ перед лицом опасности. Отдельно стоит отметить качественный перевод рассказа на украинский язык и прекрасную игру актрис Натальи Щеткиной (Глая) и Яны Михневой (Спейси).

Актрисы Яна Михнева и Наталья Щеткина

Завершился «День фантастики» небольшим фурше том, где писатели, читатели и гости смогли обменяться впечатлениями и пообщаться в неофициальной обстановке. Теплая встреча во время холодной осени состоялась и прошла весьма успешно.

(Фотографии Олега Силина и Миры Днепровской)

OPUS MIXTUM

Умер Роберт Холдсток

29 ноября в одной из клиник Лондона скончался известный писатель Ро берт Холдсток. Он родился в Хите, что в графстве Кент, в семье полисмена и медсестры. Еще очень молодым человеком будущий писатель успел побы вать и строительным рабочим, и матросом на корабле, перевозящем бананы, и шахтером на добыче сланцев. После окончания университета Северного Уэльса в Бангоре (специальность – прикладная зоология) он продолжил образование в Лондонской школе гигиены и тропической медицины, а по том занимался исследованиями для Совета по медицинским исследованиям в Лондоне. С 1976 года Холдсток стал профессиональным писателем, опуб ликовав с тех пор более 30 романов как под своим именем, так и под псевдо нимами Роберт Блэк, Крис Карлсен, Ричард Кирк, Кэн Блейк и Роберт Фолкон. Славу ему принесли фэнтезийный цикл «Лес мифаго», первый ро ман которого получил «World Fantasy Award», «British SF Award» и номи нировался на премию журнала «Locus», и недавно переведенный на русский язык цикл «Кодекс Мерлина».

Две недели назад Холсток был госпитализирован с сильной кишечной инфекцией, победить которую оказался не в силах.

Вечная память!

Умер Милорад Павич

А на другой день, 30 ноября, в Белграде от инфаркта миокарда скончался 80 летний Милорад Павич – один из немногих писателей, о ком можно сме ло сказать, что он изменил современную литературу. Прозаик, поэт, критик, литературовед, переводчик – деятельность Павича была плодотворна и многообразна. Первый сборник прозы Павича вышел еще в 1973 году, одна ко всемирную славу ему принесли нелинейные тексты, первым из которых стал «Хазарский словарь: роман лексикон в 100000 слов» (1984).

«Я написал первый роман в виде словаря, второй в виде кроссворда, тре тий в виде клепсидры и четвертый как пособие по гаданию на картах таро. Пятый был астрологическим справочником для непосвященных. Я старал ся как можно меньше мешать моим романам...»

Еще один великий писатель, так и не получивший Нобелевскую премию.

Итоги «Странника 2009»

14 ноября в рамках 13 го санкт петербургского Конгресса фантастов Рос сии «Странник» вручены литературные премии Конгресса. Лауреатами стали:

- ✓ Дмитрий Колодан («Другая сторона») – лучший сюжет
- ✓ Евгений Лукин («Бытие наше дырчатое») — блистательная стилистика
- ✓ Марина и Сергей Дяченко («Медный король») – необычная идея

✓ Николай Горькавый («Астровитянке») — образ будущего
✓ журнал «Мир Фантастики» – лучшее печатное издание
✓ Ооно Норихиро из Японии – лучший собиратель миров.
Меч «Рыцарь фантастики» вручен сайту «Лаборатория Фантастики».

BAFTA за детский фильм

29 ноября объявлен обладатель премии Британской академии кино и теле виденья в номинации «фильм для детей». Им стала мультадаптация повести Нила Геймана «Коралина в Стране Кошмаров», сделанная Генри Селиком.

И другие премии

Писатель из Портленда Дэвид Д. Левайн стал обладателем «Endeavour Award 2009» за сборник рассказов «Космическая магия». Счастливчик был награжден стеклянной штуковиной с гравировкой тысячей долларов. Прямо поветрие у них там какое то: то всем шоколад вручают, то чеки на тысячу!

***

Джосс Уидон, прославленный создатель «Баффи», «Светлячка» и «Ку кольного дома», отхватил «Vanguard Award», которую Гильдия продюсеров Америки вручает не просто так, а за достижения в новых технологиях и медиа.

***

«История с кладбищем» Нила Геймана принесла ему еще две премии. В этот раз – премию им. Элизабет Берр/Ворзалла, вручаемую Ассоциацией библиотек штата Висконсин, и премию за Лучшую аудиокнигу года Брита нии, вручаемую на книжном фестивале в Чисуике.

***

Подведены результаты конкурса «Выиграй $2010 в 2010 году», проводи мого журналом «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». Победителем стал Аллен Макнейл из США, который предсказал, что к 2010 году повсеме стно будут распространены портативные компьютеры. Конкурс был объяв лен в 1980 году редактором журнала Эдом Ферманом, который попросил читателей выбрать какую либо научно фантастическую идею, что станет реальностью в 2010 году. Поступившие на конкурс предсказания (а их ока залось почти около 2700) хранились в редакции до настоящего времени. Подводя итоги, Ферман заметил, что «так много предсказаний наполнены уверенностью и надеждой, что весьма печально видеть, как мы еще далеки от их воплощения в жизнь».

С некоторым запозданием – премии из неанглоязычных стран

В Испании между 29 октября и 8 ноября вручили целую кучу разнооб разных премий. Поскольку, к сожалению, испанская фантастика не часто переводится на русский и украинский языки, мы ограничимся только по бедителями в самых крупных категориях.

По мнению профессиональных и непрофессиональных жюри, лучшими романами Испании в этом году стали «День собак» Давида Хассо, «Красная душа, черная тень» Исмаэля Мартинеса Биюрруна, «Карта времени» Феликса Х. Пальмы и «Брат мух» Хона Бильбао. Лучшими же переводными романами стали «Союз еврейских полисменов» Майкла Чабона (дважды) и «Впусти меня» Юна Айвиде Линдквиста (один раз).

Столь же нечастым гостем на наших прилавках является французская фантастика. «Grands Prix de l'Imaginaire» вручили Стефану Боверже за «Де хронологию». Лучшим переводным романом признан «Король утра, короле ва дня» Йена МакДональда.

Еще реже мы узнаем новости израильской фантастики. В этом году на «Иконе» были названы обладатели Geffen Award. Лучшим фантастичес ким романом стала «Гидромания» Ассафа Гаврона, лучшим переводным фэнтези романом названа «Шляпа, полная небес» Терри Пратчетта, а лучшим переводным научно фантастическим – «Этот бессмертный...» Роджера Желязны.

И бегло о книжных новинках

Любителям старой доброй классики – первый том собрания сочинений Артура Кларка в серии «Отцы основатели» («Эксмо»). В сборник «Пески Марса» вошли одноименный роман, «Прелюдия к космосу» (впервые на русском!), «Острова в небе» и «Конец детства».

Любителем новой (уж не знаем, насколько доброй) НФ – роман Роберта Ч. Уилсона «Спин» («АСТ» – «Астрель СПб»). Книга награждена премией «Хьюго» и четырежды названа лучшей переводной книгой года (во Фран ции, Германии, Израиле и Японии). Это первая часть одноименной трило гии – посмотрим, что ждет нас дальше.

В серии «Книга загадка, книга бестселлер» («Эксмо» «Домино») вышел дебютный роман английского писателя Джонатана Барнса «Сомнамбу лист»: смесь хоррора и фэнтези на фоне викторианского Лондона; в главной роли – фокусник и, по совместительству, детектив.

О вампирах на этот раз умолчим... Нет, один роман о братьях наших кро вососущих назвать все же придется, уж больно громкое имя у одного из со авторов: «Штамм. Начало» Гильермо дель Торо (да, тот самый режиссер) и Чака Хогана. Книга выпущена «Книжным клубом 36.6».

Крэг Шоу Гарднер продолжает издеваться над арабскими сказками. По сле «Другого Синдбада» в «азбучной» серии «Юмористическое фэнтези» вышел его роман «Плохой день для Али Бабы». (Третья часть цикла, еще не переведенная, – «Выходная ночь Шахразады».)

Если кому еще не надоел цикл Йона Колфера о малолетнем гаденыше Артемисе Фауле – читайте шестую книгу, «Парадокс времени» («Эксмо» «Домино»).

А вот это может быть интересно: «Городской охотник» Скотта Вестер фельда – подростковый сатирический роман об обществе потребления. На обложку не обращайте внимания, это совсем не «Сумерки».

Сколько нибудь заметных непереводных книг – мало. Собрание сочинений Владислава Крапивина в серии «Отцы основатели: русское пространство» («Эксмо»), пополнилось 27 м томом – дилогией «Стальной волосок». Вадим Панов обрадовал четвертой частью «Анклавов», романом «Продавцы невозможного»; Василий Звягинцев – пятнадцатым томом «Одиссея», двухтомником «Скоро полночь».

А для идиотов – роман Георгия Савицкого «Поле боя – Севастополь» («Яуза» «Эксмо»). «Ближайшее будущее. Русофобская политика “оранжевых” властей Украины провоцирует новую Крымскую войну... Да здравствует новая Севастопольская Рада! Да здравствует воссоединение братских народов!» Это – продолжение романов «Поле боя — Украина. Сломанный трезубец», «Поле боя — Америка. Родина или смерть!», «Поле боя – Арктика». Наслаждайтесь.

Главный редактор: Ираклий Вахтангишвили

Редакционная коллегия:
Генри Лайон Олди (г. Харьков, Украина)
Владимир Ларионов (г. Санк Петербург, Россия)
Сергей Пальцун (г. Киев, Украина)
Сергей Лапач (г. Киев, Украина)
Михаил Назаренко (г. Киев, Украина)
Борис Сидюк (г. Киев, Украина)
Мария Комиссаренко (г. Киев, Украина)
Григорий Панченко (г. Ганновер, Германия)
Мария Галина (г. Москва, Россия)
Аркадий Штыпель (г. Москва, Россия)
Эллен Детлоу (г. Нью Йорк, США)

© «Реальность фантастики»
№ 12 (76), 2009.
Интернет: www.rf.com.ua
E mail: rf@rf.com.ua
Для писем: Украина, 03005, г. Киев 5, а/я 5
Подписной индекс в каталоге «Укрпочта» — 08219

Издатель: © Издательский дом СофтПресс
Издатели: Эллина Шнурко Табакова, Михаил Литвинюк
Редакционный директор: Владимир Табаков
Производство:
Дмитрий Берестян, Олег Чернявский
Корректор: Елена Харитоненко
Директор по маркетингу и рекламе:
Евгений Шнурко
Маркетинг, распространение:
Ирина Савиченко, Екатерина Островская
Руководитель отдела рекламы:
Нина Вертебная

Региональные представительства:
Днепропетровск: Игорь Малахов,
тел.: (056) 233 52 68, 724 72 42,
e mail: malakhov@hi tech.ua

Донецк: Begemot Systems, Олег Калашник,
тел.: (062) 312 55 49, факс: (062) 304 41 58,
e mail: kalashnik@hi tech.ua
Львов: Андрей Мандич,
тел.: (032) 295 64 10,
e mail: mandych@hi tech.ua
Харьков: Вячеслав Белов,
e mail: viacheslavb@ua.fm
Тираж – 5 тыс. экземпляров
Цена договорная
Регистрационное свидетельство: КВ №7600 от 22.07.2003.
Адрес редакции и издателя:
г. Киев, ул. Героев Севастополя, 10
телефон: 585 82 82 (многоканальный)
факс: (044) 585 82 85
Полное или частичное воспроизведение или размножение каким бы то ни было способом материалов, опубликованных в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения ИД СофтПресс.
Все упомянутые в данном издании товарные знаки и марки принадлежат их законным владельцам.
Редакция не использует в материалах стандартные обозначения зарегистрированных прав.
За содержание рекламных материалов ответственность несет рекламодатель.